

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ**

**ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XX СТОЛЕТИЯ**

Москва 2006

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ**

**ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX СТОЛЕТИЯ**

Москва 2006

ББК 65..9(2)-98

В 63

Военная экономика России в первой половине XX столетия.
М., Институт экономики РАН, 2006, 224 с.

ISBN № 5-201-03218-4

В статьях тематического сборника рассматривается и сопоставляется состояние российской экономики в преддверии и в ходе мировых войн. Исследование тенденций и особенностей формирования мобилизационной экономики России в годы I и II мировых войн и послевоенного восстановительного периода дает возможность по новому оценить и соотнести готовность важнейших сфер отечественного хозяйства и управленческих структур к решению социальных, экономических и финансовых задач военного времени в начале и середине XX века.

Под ред. д.э.н., проф. Караваевой И.В.

ISBN № 5-201-03218-4

ББК 65..9(2)-98

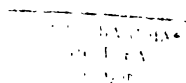
Научное издание

© Институт экономики РАН

Подписано в печать 12.04. 2006г.

Заказ 26 , тираж 150, объем 14 п.л.

Участок оперативной печати ИЭ РАН

Содержание

Введение	4
<i>Потапов В.А.</i> Военная экономика: теория и практика мировых войн XX века	5
<i>Погребинская В.А.</i> Институциональные особенности экономического потенциала России в преддверии Первой мировой войны	14
<i>Погребинская В.А.</i> Структурные проблемы предвоенной российской экономики	44
<i>Каравеева И.В.</i> Российское промышленное производство в годы Первой мировой войны	68
<i>Белова Г.И.</i> Сельское хозяйство России в годы Первой мировой войны	93
<i>Коломиец А.Г.</i> Государственные финансы и попытка формирования мобилизационной экономики в России в условиях Первой мировой войны	106
<i>Артемяева Л.В.</i> Фискальная политика России в условиях Первой мировой войны	132
<i>Архипкин И.В.</i> Влияние Первой мировой войны на городские и земские финансы	147
<i>Мальцев В.А.</i> Промышленная и бюджетная политика СССР в годы Великой Отечественной войны	158
<i>Белова Г.И.</i> Сельское хозяйство СССР в годы Великой Отечественной войны	167
<i>Муравьева Л.А.</i> Финансы Советского Союза в годы Великой Отечественной войны	176
<i>Каравеева И.В., Архипкин И.В.</i> Местные финансы в условиях военной экономики и послевоенного восстановительного периода (1941-1950 гг.)	197
<i>Пастушенко Т.Н., Сиплс О.В.</i> Роль налогов с населения в формировании бюджетных доходов в период Великой отечественной войны	209

Введение

В предлагаемых читателю статьях тематического сборника рассматривается и сопоставляется состояние российской экономики в преддверии и в ходе мировых войн.

Представленные в статьях сборника фактические и аналитические материалы позволяют нам по новому взглянуть на институциональные и структурные особенности экономического потенциала России в преддверии Первой мировой войны; охарактеризовать особенности мобилизационной перестройки отечественной промышленности, товарного сельского хозяйства и финансовой системы нашего государства в периоды Первой и Второй мировых войн; обосновать экономические причины поражения России в Первой мировой войне и выделить основные факторы, обеспечивающие эффективное развитие военной экономики в годы Великой Отечественной войны; оценить и сопоставить роль государственных и местных финансовых структур в рамках этих двух рассматриваемых периодов.

Исследование тенденций и особенностей формирования мобилизационной экономики России в годы Первой мировой войны и развития экономики СССР в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановительного периода дает возможность по новому оценить и соотнести готовность важнейших сфер отечественного хозяйства и управленческих структур к решению экономических и социальных задач военного времени в начале и середине XX столетия.

ВОЕННАЯ ЭКОНОМИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА МИРОВЫХ ВОЙН XX ВЕКА

Прошло шестьдесят лет после окончания второй мировой войны. Победителями в этой войне явились страны антигитлеровской коалиции, среди которых ведущая историческая роль принадлежит советскому народу и его армии.

Современное осмысление событий, характеризующих экономическую подготовку и экономическое обеспечение мировых войн, утвердило автора статьи¹ в необходимости рассмотрения некоторых теоретических и практических проблем взаимосвязи военной экономики как науки и военной экономики стран-участниц этих войн.

Военная экономика как объект военно-экономической науки окончательно сформировалась на рубеже XIX и XX веков, когда войны стали мировыми и милитаризация экономики стала постоянным фактором в экономическом развитии ведущих государств мира.

Мировые войны, представляющие собой гигантские битвы, развертывающиеся на огромных пространствах и ведущиеся многомиллионными армиями, предъявляли иные, чем прежде требования к экономическому обеспечению вооруженной борьбы. От экономики потребовалось производство больших масс вооружений, боевой техники и других материальных средств ведения войны.

Со всей очевидностью это продемонстрировала уже первая мировая война. Запасы военной продукции, созданные в предвоенный период, были израсходованы в течение первых двух-трех месяцев вооруженной борьбы. Кадровая военная промышленность оказалась неспособной удовлетворить возросшие в невиданных ранее размерах материальные потребности войны.

Для их удовлетворения воюющим государствам в ходе мировой войны пришлось многие тысячи предприятий, выпускавших

¹ Потапов В.А. – военный экономист, полковник в отставке, автор книги «Политическая экономия и военная экономика» (в 2-х частях). М., 1981 и ряда научных публикаций по вопросам западноевропейской военно-экономической интеграции

до этого продукцию гражданского предназначения, переводить на производство военной продукции. Война потребовала подчинить экономику интересам войны, для чего потребовалась экономическая перестройка.

Вторая мировая война потребовала перестроить практически всю экономику воюющих государств на обслуживание потребностей войны, и, как следствие, превратила экономику в военное хозяйство. Исторический опыт мировых войн со всей очевидностью подтвердил положение, выдвинутое Адамом Смитом в труде «Исследование о природе и причинах богатства народов», где он писал: «Постепенно с ростом вооружения на базе производительных сил вооружение стало более дорогим. Постоянные армии цивилизованных народов, хорошо вооруженные и обученные, стали сильнее варварских ополчений, защита общества стала более дорогой»¹.

Экономический фактор в войнах XX века стал одним из определяющих. В период первой мировой войны в странах Антанты (без США) было занято производством «на войну» 40 тыс. предприятий с 13 млн. человек, а на стороне австро-германского блока – около 10 тыс. предприятий с 6 млн. рабочих. В 1917 г. в производстве всего необходимого для ведения войны было занято промышленных рабочих: в Германии – 58,8%, России – 76%, Франции 57%, Италии – 64,2%, Англии – 46,0% и США 31,6%.

Особо показательным явилось резкое увеличение в первой мировой войне потребление технических средств борьбы. Основные страны, участвовавшие в этой войне, произвели (это впечатляет и сегодня) свыше 180 тыс. самолетов, 150 тыс. артиллерийских орудий, 1 млрд. снарядов и около 35 млрд. патронов.

В период второй мировой войны потребности многомиллионных армий возросли многократно. Так, в 1941-1944 гг. основные воевавшие стороны производили в среднем в год: самолетов около 130 тыс., танков – свыше 91 тыс., артиллерийских орудий всех видов (кроме танковых) – до 350 тыс., минометов – 160 тыс., пулемет-

¹ Адам Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов, том II. – М., Госсэкономиздат, 1935, с. 248

тов – более 1660 тыс. и много другой боевой техники и военного имущества. При этом происходило наращивание военной продукции. Промышленность СССР производила в 1944 г. по сравнению с 1941 г. самолетов в 4 раза больше, танков – в 8 раз, артиллерийских орудий – в 7 раз, минометов – в 8 раз. Производство стрелкового вооружения было сокращено, так как имелись уже крупные резервы. При этом необходимо иметь ввиду, что производство боевой техники и вооружения осуществлялось в значительной мере на предприятиях, перебазируемых из западных в восточные районы страны.

Мировые войны показали, что численность и техническое оснащение вооруженных сил определяется уровнем развития экономики. Чем выше уровень развития промышленности, сельского хозяйства, транспорта, чем большими сырьевыми и людскими ресурсами располагает государство, тем большей военной мощью и военно-экономическими возможностями оно обладает. В условиях научно-технических достижений конца XX и начала XXI века роль экономики как материальной базы войны неизмеримо продолжает возрастать. Создание современных видов оружия и боевой техники требует наличия высокоразвитой индустрии.

Возвращаясь к опыту второй мировой войны, следует подчеркнуть, что материальные издержки и людские потери ее были неизмеримо выше, чем в первой мировой войне.

В годы второй мировой войны в странах, участвовавших в ней, было мобилизовано более половины всех мужчин призывного возраста. В Германии в 1944 г. под ружьем находилось 9,1 млн. чел., в Советском Союзе – 11365 тыс. чел. Безвозвратные потери в вооруженных силах воевавших государств составили более 25 млн. чел., а всего с учетом гражданского населения около 40 млн. чел. Анализ использования трудовых ресурсов показывает, что силы были привлечены к выпуску военной продукции. В результате число занятых в гражданских отраслях сильно сократилось. Так, в Германии почти при неизменном общем числе занятых в промышленности, составляющем около 11 млн. чел., численность занятых в военном производстве в 1943 г. составило 6636 тыс. человек против 2400 тыс. в 1939 г. или возросла почти в 2,7 раза. В Германии, США и других странах удельный вес военного производства в об-

щем выпуске промышленной продукции в 1944 г. составлял 40%, в продукции машиностроения – свыше 50-60%, в черной металлургии – свыше 80%¹.

В годы второй мировой войны возросли и бюджетные ассигнования. Максимальные расходы на экономическое обеспечение в Англии достигли 85% всех государственных расходов, в США – 82,5%, Германии – 81%, СССР – 52,2%. Бюджетных средств на ведение второй мировой войны пошло в 3,2 раза больше, чем на первую мировую войну. Общая сумма бюджетных расходов всех воевавших государств за все годы второй мировой войны составили 662 млрд. долл. (по золотому содержанию 1914 г.).

Отвлечение материальных, финансовых и людских ресурсов на войну, причиненный ею экономический ущерб по некоторым расчетам мог задержать развитие СССР на полтора-два десятилетия.

А ущерб был огромный. Разрушено и сожжено 1710 городов и поселков, более 70 тыс. сел и деревень, лишились крова около 25 млн. человек. Уничтожено полностью или выведено из строя около 32 тыс. промышленных предприятий, многие тысячи больниц и школ, научных и культурных учреждений. Было потеряно около 30 процентов национального богатства страны. Общий (прямой и косвенный) ущерб страны в войне по довоенным ценам выразился в сумме 2600 млрд. рублей (это более чем в 14 раз превысило доходы Госбюджета за предвоенный 1940 г.). В военные годы погибло более 20 млн. человек². Героическим трудом советского народа уже через три года, в 1948 г. был в основном достигнут довоенный уровень производства в промышленности, к мирному труду из вооруженных сил возвратились 8,5 млн. человек.

Весь опыт мировых войн и послевоенный период XX в. подтверждает истинность положений о том, что экономические возможности стран, уровень развития военного производства са-

¹ Ю.Е.Власевич Экономические издержки мировых войн. ВКА ПВО, Калинин. 1965, с.78

² Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945. Краткая история, с.562

мым непосредственным образом влияют на реализацию стратегических замыслов воюющих сторон.

Уже в ходе первой мировой войны наличие в армии большого количества скорострельной артиллерии и пулеметов вызвало непредвиденный спрос на боеприпасы, спрос, к которому экономика ни одной из воевавших стран подготовлена не была, и только в ходе войны постепенно стала его удовлетворять. Именно по причине недостатка боеприпасов немецкая армия в сентябре 1914 г. на реке Марна не сумела развить успех наступления, а под Верденом не могла начать наступление.

Отход русской армии с Карпат и из Польши в 1915 г. диктовался недостатком боеприпасов и, как результат, пришлось русскому главнокомандованию изменять свои стратегические планы. Опыт первой мировой войны со всей очевидностью продемонстрировал, что стратегическое руководство воюющих сторон слабо использовало трезвые мысли, содержащиеся в трудах о роли экономики в войне, изданные как в России, так и за границей. В этой связи необходимо еще раз подчеркнуть непреходящее значение взглядов К.Маркса, Ф.Энгельса, которые глубоко показали зависимость войны, военного дела и экономики.

Вся история развития теории военной стратегии является убедительным доказательством определяющего влияния экономики на характер военно-стратегических взглядов. Говоря о взаимозависимости военной стратегии и экономики, на примере мировых войн XX века, необходимо отметить и воздействие военной стратегии, которая выдвигает перед экономикой определенные требования, связанные с характером вооруженной борьбы. В частности, это относится к вопросам экономической мобилизации, установлению реальных возможностей, сроков и условий развертывания военного производства и перевода экономики на «военные рельсы», определению потребностей на первый и последующие периоды войны и целый ряд других требований.

В этом смысле в теоретическом и практическом отношении важное значение принадлежит взглядам, изложенным в трехтомном труде Е.Ф. Канкринина – генерал-интенданта, члена военного совета и министра финансов – «О военной экономике в мирное и военное время и ее отношении к военным операциям», а также в

шеститомном труде И.С. Блюха «Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношении», где они указывают на необходимость исследований влияния войны на создание необходимых военно-экономических ресурсов государства.

Этим же проблемам был посвящен и труд генерала А.Гулевича «Война и народное хозяйство», в котором автор в конце XIX века рассматривает вопросы влияния войны на международную торговлю, а также экономические возможности стран Европы для ведения войны.

К началу XX века относятся труды по военной экономике зарубежных исследователей: И.Риссера – «О финансовой подготовке к войне и ведению войны» (1909 г.), Г.Фелькера – «Организация народного хозяйства Германии на случай войны» (1909 г.), Д. Ротинсона – «Оружие и экономика» (1900 г.).

Важное место в разработке теоретических проблем военной экономики заняли и работы В.Аара «Военное могущество и народное хозяйство великих держав за последние 30 лет», П.Струве «Заметки экономиста о войне и народном хозяйстве».

Однако качественный скачок в развитии военно-экономической теории произошел после первой мировой войны. Уроки войны привели к тому, что экономическими вопросам стали заниматься не только экономисты, но и государственные и военные деятели. Один из руководителей военной экономики Германии В.Ратенау поставил вопрос о необходимости разработки военно-экономической теории как специальной научной дисциплины.

Большое внимание военно-экономическим проблемам в период между первой и второй мировыми войнами уделялось в США и Англии. В этих странах был выпущен целый ряд книг по вопросам военной экономики. Среди них наиболее значительная «Политическая экономия войны» А.К.Пигу, в которой была сделана попытка выработать методологические основы военной экономики и принципов расчета экономического напряжения мировых войн.

Особое место среди английских экономистов того периода занимал Д.М.Кейнс. В своих трудах он задался целью определить влияние военной экономики и типичных для нее процессов (инфляции, роста налогов, регулирования потребления) на социальную устойчивость капиталистического государства, теоретически

обосновывая практику военно-государственной экономики и ее милитаризации.

Эти взгляды нашли свое дальнейшее развитие после Второй мировой войны в трудах таких военных экономистов США, как Ч. Хитч, Р. Маккин, К.Кнорр, О.Моргенштерн и других.

В период между мировыми войнами получила свое развитие советская военно-экономическая наука. Именно ей принадлежит заслуга в научном объяснении причин, сущности войн как социально-исторического явления, взаимосвязей войны и экономики. В основу научного подхода при определении взаимосвязей войны и экономики были положены работы К. Маркса и Ф. Энгельса. Ф.Энгельс в «Анти-Дюринге» писал: «Вооружение, состав, организации, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данной момент ступени производств и от средств обращения»¹.

Практически незадолго до начала первой мировой войны эту закономерность подчеркивал в своих трудах и В.И.Ленин. В статье «Падение Порт-Артура», написанной в 1905 г., он отмечал, что «войны ведутся теперь народами», что «связь между военной организацией страны и всем ее экономическим и культурным строем некогда еще не была столь тесной, как в настоящее время»².

Опираясь на достижения передовой военно-экономической мысли и на исторический опыт экономического обеспечения войн, особенно гражданской войны, были заложены основы советской военно-экономической науки. Это нашло отражение прежде всего в таких положениях, как о решающем значении экономической организации страны, о единстве фронта и тыла, о превращении страны в единый военный лагерь. Эти идеи явились основой для дальнейшей теоретической разработки советской военно-экономической науки.

Большой вклад в развитие военно-экономической мысли внес М.В.Фрунзе, который утверждал, что будущая война потребует максимальных усилий страны, приобретет огромных размах и крайне разрушительный характер, что на фронтах будут сражаться

¹ К. Маркс и Ф.Энгельс Соч., т. 20, с. 171

² В И Ленин Полн. собр. соч., т. 9, с. 154, 156

многомиллионные армии, применяющие в массовом количестве разнообразную боевую технику.

Во многих работах, особенно в статье «Фронт и тыл в войне будущего», М.В.Фрунзе исследовал важную военно-экономическую проблему о роли тыла в современных войнах. Он убедительно показал, что мобилизационная готовность, боеготовность и живучесть современных армий обуславливаются состоянием тыла. «Жизнь и работа фронтов в каждый данный момент, – отмечал М.В.Фрунзе, – определяется работой и состоянием тыла. И в этом смысле центр тяжести ведения войны переместился с фронта назад – в тыл»¹. Он видел в качестве одной из центральных задач в укреплении обороны страны – всестороннюю и планомерную подготовку тыла еще в мирное время. Эти положения с учетом современных особенностей сохраняют свое значение и в наше время.

В разработке военных и военно-экономических вопросов активную роль сыграли крупные военные деятели – М.Н.Тухачевский, А.С.Бубнов, Б.М.Шапошников, В.К. Триандафилов и др.

В эти годы выходят специальные работы по военной экономике: П.П.Лебедева «Государственная оборона», П.Каратыгина «Общие основы мобилизации промышленности для нужд страны», Б.Святловского «Экономика войны», Н.Дейча «Основы военного хозяйства» и другие труды, посвященные теории военной экономики.

На основе изучения и обобщения опыта экономического обеспечения Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) и научного понимания характера и особенностей войн XX века значительный вклад в развитие военно-экономической теории внесли А.Н.Вознесенский, Л.М.Громов, А.А.Гуров, А.Н.Лаговский, А.А.Корниенко, Г.С.Кравченко, А.И.Пожаров, П.В.Соколов, К.И.Спидченко, П.П.Хлебников, Р.В.Фарамазян и целый ряд других ученых-экономистов.

Особо следует отметить роль и значение фундаментального труда А.Н.Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», ставшего на многие годы настольной кни-

¹ Фрунзе М.В. Избранные произведения. М., Воениздат, 1965, с. 183

гой для разных поколений военных экономистов, имеющей и сегодня непреходящее значение.

«До сих пор мировая и отечественная общественная мысль возвращается к вопросу обсуждения роли Второй мировой войны (1939-1945 гг.) в истории всего человечества, нашей страны. Интерес к военной теме не угасает хотя бы потому, что сам XX век не может быть понят без глубокого и всестороннего анализа процессов подготовки, хода и результатов этой величайшей и самой разрушительной войны»¹

Мир вступил в XXI век. Меняется стратегия и тактика вооруженной борьбы и, как следствие, и требования к экономике в целом и, в частности к военному производству мирного времени.

Объективная реальность мирового развития требует новых подходов к развитию военно-экономической мысли и практическому решению военно-экономических задач.

В современных условиях, когда процессы политической, экономической, военной интеграции становятся все более востребованными, а их практическая реализация объективной реальностью, важно помнить суровый урок для всего человечества, который преподали мировые войны XX века и делать все необходимое для их предотвращения в будущем.

¹ П Вознесенский Военная экономика СССР в перед Отечественной войны. – М.: Издательский дом «Экономическая газета». 2003, с. 33

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РОССИИ В ПРЕДДВЕРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В конце XIX – начале XX вв. в России начал осуществляться переход от аграрной экономики к индустриальной. Подобный переход характеризуется формированием макроэкономической структуры, отражающей соотношения между: инвестициями и потреблением населения, промышленностью и сельским хозяйством, легкой и тяжелой промышленностью, I и II подразделениями в валовом продукте страны. Скорость перехода к индустриальной экономике огражается в дифференциации темпов роста отраслей и сфер народного хозяйства. В отечественной и зарубежной литературе проводились фундаментальные исследования темпов и пропорций хозяйственного развития России периода перехода к индустриальному типу экономики. Наиболее общий вывод заключается в том, что более высокие темпы ВВП в начальный период индустриализации были связаны с более поздним вступлением России на этот путь и низким исходным уровнем ее развития. Но более высокие, чем в других странах темпы не привели к началу Первой мировой войны (1914 г.) к такому изменению структуры хозяйства, которое позволило бы говорить о бесповоротном вступлении на путь индустриализации. Россия оставалась аграрной страной. Соотношение между аграрной и промышленной продукцией составляло 68:32. В период, начиная с Первой мировой войны (1914 – 1918) и до середины 20-х годов, шел процесс деиндустриализации. Если факторы, определяющие экономическую динамику и пропорции хозяйства в начальный период индустриализации достаточно изучены и статистически обоснованы, то особенные (институциональные) черты изучались в различных аспектах, но не сведены в единую систему в силу их разнохарактерности и несводимости к единым показателям. Между тем, влияние институциональных черт на экономическую динамику становится все более очевидным именно в переходный период, когда нарастает действенность целеполагания людей (или телеологии) на управление хозяйством. А

реализация цели всегда опирается на сложившуюся систему институтов, т.е. писанных и неписанных правил поведения.

Период перехода к индустриальной экономике подготавливается определенным уровнем разделения труда, который характеризуется опережающим нарастанием транзакционных издержек. Стремление к их экономии ведет к поиску факторов, определяющих данные издержки. По определению, транзакционные издержки связаны с координацией и взаимодействием экономических субъектов по поводу обмена и защиты правомочий. Исходя из этого определения для макроэкономических расчетов используется понятие транзакционный сектор (Дж. Уоллис и Д. Норт). В него включается: оптовая и розничная торговля, страхование, банковский сектор, операции с недвижимостью, затраты на аппарат управления в других отраслях, затраты государства на судебную и правоохранительную деятельность. Имеющиеся статистические данные позволяют с некоторыми оговорками утверждать, что в период подъема, предшествующего Первой мировой войне (1909 – 1913), наблюдался опережающий рост транзакционного сектора в сравнении с трансформационным¹. Это вело к нарастающему влиянию институтов как на экономию транзакционных издержек, так и в целом на экономическую динамику. Усиление роли государства в управлении экономикой в этот период предопределило направление научных исследований, которые были нацелены на поиск объективных ограничителей государственного регулирования. Определение подобных ограничителей в условиях начала индустриализации становится важнейшей практической задачей экономической науки, как отрасли, формирующей цели развития общества. В известном смысле, экономическая теория сама становится институтом общественного развития. Если в аграрной экономике целеполагание во многом определяется природными циклами, то при переходе к индустриальной экономике «свобода» цели расширяется, но имеет границы. В изучение целеполагания общества (телеология) для периода начала индустриализации ученые, историки и философы (Н.

¹ Расчет транзакционного сектора проводился по данным Мелхолла и Прокоповича, взятым из монографии А. Вайнштейна «Народный доход России и СССР» Избранные произведения. М., Наука, 2000, с. 294 - 307

Бердяев, С. Булгаков, П. Миллюков) ввели исследования типа российской культуры и уровня развития науки. Наименее известна, хотя и чрезвычайно актуальна для современного этапа экономических преобразований концепция, предложенная П. Миллюковым. Суть концепции – в попытке не противопоставления типа и стадии развития России, а объединение их на основе исследования социальных и культурных традиций России. Такой подход представляется нам актуальным для объяснения современной ситуации и выработки научно-обоснованных решений в области регулирования хозяйства. В работе «Очерки по истории русской культуры» (СПб 1904 г.) П. Миллюков исследует как те черты русского исторического процесса, которые формировали взгляды славянофилов, так и те, которые лежали в основе концепции «западников». Славянофилы преувеличивали, по мнению Миллюкова, своеобразие русского исторического процесса, западники – его элементарность.

Первые страдали недостатком анализа, вторые – недостатком синтеза исторических условий. Предлагая свою концепцию связи между сложившимися традициями и историческим ростом, П. Миллюков исходит из необходимости разделения влияния на исторический результат трех групп условий.

Первое условие заключается во внутренней тенденции, внутреннем законе развития, присущим всякому обществу и для всякого общества одинаковым. Второе условие заключается в особенностях той материальной среды, обстановки, среди которой данному обществу суждено развиваться. Наконец, третье условие состоит во влиянии отдельной человеческой личности на ход исторического процесса. Первое условие сообщает различным историческим процессам характер сходства в основном ходе развития; второе условие придает им характер разнообразия; третье, наиболее ограниченное в своем действии, вносит в исторические явления характер случайности. Если приложить эту классификацию исторических условий к оценке противоположных взглядов на прошлое и настоящее России, то становится очевидным, что взгляды славянофилов грешат отсутствием анализа исторического результата и обращаются с ним, как с неразложимым целым. Взгляд их противников (западников) вносить, напротив, необходимый анализ, но,

произведя этот анализ, они останавливаются преимущественно на первом из отмеченных нами условий и забывают об остальных.

Если бы вся историческая жизнь народов сводилась к внутреннему органическому развитию общества, если бы развитие внутренней тенденции исторического процесса не осложнялось ничем посторонним, тогда все человеческие общества проходили бы одни и те же ступени развития в одном и том же порядке, было бы нетрудно по известным признакам определить, на какой ступени стоит Россия и какие предстоит ей пройти в будущем. Но, изучая Россию, мы узнаем как внутренний ход ее развития видоизменялся под могущественным влиянием второго условия, исторической обстановки. Если бы можно было предположить, что это условие произвело только задерживающее влияние, то оно остановило бы рост России на одной из ранних ступеней жизни, тогда мы имели бы еще право сравнивать состояние России с состоянием Европы, как два различных возраста. Но историческая жизнь России не останавливалась; она шла своим ходом, может быть, более медленным, но непрерывным, и следовательно, пережила известные моменты развития, - пережитые и Европой, - по своему. Так, образование государства есть ступень, одинаково пережитая и Россией, и Европой; но мы видели, при каких различных условиях это происходило и с какими разнообразными результатами. Таким образом, пишет далее П. Милюков, мы уже не можем, как предполагали некоторые наши старые писатели, советовать России пережить сначала все стадии европейской жизни, чтобы придти к европейским результатам. Так или иначе, некоторая из этих стадий навсегда пережиты: так или иначе, и результаты прожитой жизни оказались и будут оказываться впредь более или менее своеобразными.

Вывод Милюкова для конца XIX – начала XX века заключается в том, что Россия выросла из известных форм и переросла известные традиции. Отрицать это – значит закрывать глаза на действительность и отрицать законы исторического роста. Признав эти законы, мы, вместе с тем, приобретаем возможность взглянуть иначе на необходимость заимствований с Запада, чем смотрели на это наши «самобытники» - пишет П. Милюков. Если бы русский исторический процесс был действительно совершенно своеобраз-

ным и несравнимым с другими, тогда, конечно, всякое заимствование пришлось бы считать искажением национального процесса, хотя тогда трудно бы было даже понять, каким образом такое искажение было бы возможно: ясное дело, что заимствование не имело бы тогда никакой возможности привиться. Но если основной ход исторического развития – общий у различных исторических процессов, тогда необходимо признать и некоторую общность в формах этого развития, и вопрос должен идти уже не о том, законно или возможно ли вообще всякое заимствование, а о том, какие формы могут быть признаны подходящими для того, чтобы облечь в них наличное содержание данного момента народной жизни. Сходство с Европой не будет при этом неперменной целью при введении известной новой формы, а только естественным последствием сходства самих потребностей, вызывающих к жизни и там и здесь эти новые формы. Само собой разумеется, что сходство никогда не дойдет при этом до полного тождества. Итак, мы не должны обманывать самих себя и других страхом перед мнимой изменой нашей национальной традиции. Если наше прошлое и связано с настоящим, то только как балласт, тянущий нас книзу, хотя с каждым днем все слабее и слабее (Таково мнение П. Милюкова для конца XIX – начала XX века). Эту слабость связи между нашим прошлым и настоящим с грустью признают и приверженцы идей славянофилов. От требований быть верными исторической традиции они нередко переходят к печальным размышлениям о том, что настоящей традиции у нас нет. В основе этого также некоторое недоразумение. Надо условиться, о какой традиции мы говорим. Если речь идет о связи различных периодов естественной эволюции общества, надо признать, что эта эволюция совершается по свойственным ей законам; основной ее закон есть постоянное изменение и, стало быть, по самому существу дела здесь никакая традиция невозможна. Но может быть речь о традиции в другом смысле. Помимо естественного хода общественной эволюции, - или точнее говоря, как один из результатов этой самой эволюции, - во всяком развитом обществе существует сознательная человеческая деятельность, стремящаяся целесообразно воспользоваться естественной эволюцией и согласовать ее с известными человеческими идеалами. Для достижения этих целей надо прежде всего выработать и

распространить эти идеалы и затем воспитать волю. Если подобная работа совершается в одном и том же направлении в течение целого ряда поколений, в таком случае в результате получится действительно культурная традиция - единство общественного воспитания в известном определенном направлении. У нас, действительно, такой традиции нет, и при том по двум причинам. Во-первых, у нас слишком недавно началось какое бы то ни было сознательное общественное воспитание, во-вторых, наши идеалы за этот небольшой промежуток сознательного общественного воспитания слишком быстро и решительно менялись. То и другое совершенно естественно и необходимо вытекает из общего хода нашей исторической жизни: стихийная, бессознательная в течение многих веков и погом быстро, лихорадочно двинувшаяся вперед века два тому назад, она должна была привести к разрыву со старой традицией, а для создания новой традиции условия русской духовной культуры сложились слишком неблагоприятно. Но неблагоприятные условия рано или поздно изменятся, и сложится новая традиция. Что же нам делать в ожидании этого будущего? Задаёт вопрос П. Миллюков.

Его ответ заключается в следующем. Возвращение к старым традициям невозможно, так как подорван механизм их прочности. Если раньше подобный механизм формировался не сознательной деятельностью общественного воспитания, а потребностями жизни и передавался из поколения в поколение в неизменном виде, то на определенном этапе сама жизнь разрушила подобную неизменность. Можно завидовать прочности старых традиций, или ненавидеть их косность, но нельзя ни надеяться, ни опасаться, что они могут быть восстановлены там, где давно исчезли и сохранены там, где уцелели до сих пор их обломки. Та же жизнь, которая создала их, привела неотвратимо к его разрушению – раньше даже, чем воспитание могло успеть сделать это сознательно. Наша собственная сознательная деятельность должна быть направлена на создание новой русской культурной традиции, соответствующей современным общественным идеалам¹.

¹ Миллюков П. «Очерки по истории русской культуры». СПб. 1904, с. 274

Методологическая ценность концепции Милюкова заключается в введении в понятие культурной традиции сознательной деятельности, соответствующей общественным идеалам.

Использование научных достижений институционального направления позволяет сформулировать схему исследования особенности начального периода индустриализации.

Схема институционального подхода к исследованию особенностей начального периода индустриализации в России

Генетические черты	Макроэкономическая Структура	Телеологические Установки
Территория, Население (демографическая, национальная, конфессиональная, социальная структура) Геополитическое положение Интересы обороны Структура сельского хозяйства Структура собственности Тип культуры	Соотношения между: Инвестициями и потреблением населения, Производственными и непроизводственными инвестициями, Продукцией промышленности и сельского хозяйства Легкой и тяжелой промышленностью I и II-ым подразделениями общественного производства Военной и гражданской продукцией Отечественным и иностранным капиталом Трансакционным и трансформационным секторами Структура промышленности: Внутриотраслевая структура, структура машиностроения	Зависят от: Уровня образования населения Развития науки: Экономической и гуманитарной Военной политики Культурной политики Особенности интеллигенции Взаимодействия народа и власти Степени участия народа в принятии решений (т.е. степени демократизации политики) Качества управляющей элиты

Актуальность подобной схемы связана с тем, что она применима и для современного периода перехода от индустриальной к постиндустриальной структуре развития, т.к. позволяет выявить ограничители формирования новой структуры. К таким ограничителям относятся прежде всего природно-климатические и демогра-

фические условия развития, тип культуры и сложившиеся на этой основе формальные и неформальные правила поведения. Эти правила оказывают определяющее влияние на формирование структуры собственности, финансовые и банковские институты, а также на структуру теневой экономики. «Свобода» целей формирования этих структур ограничена и предшествующей историей их функционирования. Знание такой истории в переходные периоды – один из надежных путей предотвращения ошибок уже оплаченных обществом. Рассмотрение экономической истории России в период начала индустриализации с использованием данной схемы позволяет сделать выводы о причинах диспропорций сложившихся в начале индустриализации, которые повлияли на социально-экономическое развитие России в XX веке вплоть до революционных событий 80-х - начала 90-х годов. В какой мере эти диспропорции сложились под влиянием объективного хода развития (генетика), а в какой, - под влиянием поставленных целей без учета генетических ограничителей. Для ответа на этот вопрос обратимся к экономической истории начала индустриализации.

История индустриализации России начинается в последней трети XIX, когда Россия была признана в мире Великой державой. Этот статус определялся ее территорией, природными ресурсами, численностью населения и в целом экономическим потенциалом развития.

Экономический потенциал определяется, как известно, совокупностью природных, трудовых, материально- и научно-технических источников, способных воплотиться в прогрессивное развитие страны. В формировании подобных источников определяющую роль играет культура, образование, наука.

Исторически сложилось так, что Россия на протяжении веков развивалась приращением территории и населения. Если к началу XVII века территория России составляла 8,5 млн. кв. км, то к концу XVIII в. – 16,9 млн. кв. км, а к концу XIX в. – 21,4 млн. кв. км. Систематически до Первой мировой войны и Октябрьской революции росло и население России. Если в начале XVII века оно составляло 14 млн. чел., то к концу XVIII в. – 36 млн. чел., а к концу XIX в. – 129 млн. чел. Потеря территорий с развитым промышленным потенциалом в годы Первой мировой войны в

1 млн. кв. км (Польша, Прибалтика, часть Белоруссии и Украины) нанесла значительный удар по экономике России. Эти потери были самыми крупными после 1867 г., когда Соединенным Штатам была продана Аляска – территория 1,5 млн. кв. км¹.

Но наиболее невосполнимые потери России в ходе Первой мировой войны и революции заключались в потере населения с 169 млн. человек в 1914 г. до 133 млн. чел. в 1924 г.

В оценке природных ресурсов как экономического потенциала второй половины XIX – первой трети XX веков существуют крайние точки зрения. По одной – Россия занимала первое место, по другой – страдала от недостатка освоенных ресурсов. И та, и другая позиции верны. Но в первом случае оцениваются долгосрочные потенции использования ресурсов, во втором – возможность их текущей реализации. Первая точка зрения стала широко известна после издания словаря Брокгауза и Эфрона (1904 г.), она вошла во все последующие справочные издания. Согласно этой точке зрения в конце XIX – начале XX веков по обилию и разнообразию ископаемых богатств Россия занимала первое место в мире. Запасы железа, каменного угля, нефти, поваренной соли считались неисчислимыми. Вторая точка зрения наиболее полно представлена в работе С.Н. Прокоповича «Народное хозяйство СССР»². Она заключается в следующем.

До середины XIX века Россия страдала от бедности ископаемыми восточно-европейской равнины. Население этой равнины имело в своем распоряжении только глину, дерево, лыко, кожи, шерсть, лен и пеньку. Дерево было его главным поделочным материалом: до конца XIX века баржи, плававшие по русским рекам, строились из одного дерева, без гвоздей. В доме и хозяйстве русского крестьянина количество металлических изделий, железа и меди было крайне ничтожным. Еще в XVII веке из металлов в России добывалось только железо, – ремесленным способом в мелких

¹ Аляска была продана за 72 млн. долл., т.е. ничтожную сумму. См. «Тысячелетие русской истории», с. 327

² Прокоповича С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк. 1952. Т. II, с. 47-48

кузницах из болотных и озерных руд северо-западной ее части и заводским способом под Тулою, Каширой и Липецком. Лишь при Петре Великом, в начале XVIII в., были построены первые железные и медные заводы на Урале; затем была организована добыча серебро-свинцовых руд на Алтае и в Забайкалье. В середине XIX в. началась добыча каменного угля в Донецком бассейне, потом нефти в Баку; была создана в 1880-х гг. текстильная промышленность под Москвою; в 1890-х гг. министр Витте создал железную промышленность на юге России. Население жило главным образом сельским хозяйством; вследствие неразвитости промышленности уровень жизни населения был крайне низок и оно сильно страдало от аграрного перенаселения. Лишь после революции 1917 г. началось широкое развитие горной промышленности, добычи железа, марганца, меди, свинца, цинка и других металлов. До революции недра России были плохо изучены; до 1917 г. геологическими разведками было охвачено только 2,2 млн. кв. километров, немного более 10% территории страны; после революции геологическими экспедициями было обследовано к 1929 году уже 3,8 млн. кв. км, к 1940 г. – 13,9 млн. кв. км, к 1945 г. – 15,4 млн. кв. км, 72,8% всей поверхности Советского Союза¹.

Для экономического потенциала России определяющую роль играло плодородие земли, возможности ее возделывания, связанные с климатом. Истощающую характеристику потенциала сельского хозяйства России к началу XX века до конца 30-х годов также дал С.Н. Прокопович. Остановимся на ней подробно.

Неблагоприятные климатические условия, – холод на севере и северо-востоке, недостаток осадков в Закаспийской области и Средней Азии, – явились причиной того, что к 1914 г. посевная площадь России составляла только 5,3% всей его территории, оставаясь приблизительно неизменной на протяжении XIX – начала XX вв. Незначительные размеры тех зон, на которых население могло с успехом заниматься земледелием, порождало то парадоксальное явление, что при плотности населения в 6,6 человек на квадратный километр в 1914 г. Россия страдала в дореволюционное время от

¹ Прокопович С.Н. Народное хозяйство СССР. Нью-Йорк. 1952. Т. II, с. 47–48
Хранится в русской коллекции Библиотеки Конгресса США (Вашингтон)

малоземелья и аграрного перенаселения. Большинство русских крестьян вкладывало в свое сельское хозяйство только часть своего рабочего года. Только зажиточные крестьяне могли работать в своем хозяйстве 263 дня в году, как фабричные рабочие; большинство крестьян работало только 200, 100 или даже 50 дней. Это вынужденное безделье и безработица в крестьянской среде порождались малоземельем, недостаточностью количества земли в крестьянских хозяйствах. Частичная безработица была органически свойственна русскому крестьянскому хозяйству, она была неотделима от него и являлась главной причиной его низкой производительности. Так как запас свободных земель, годных для занятия под посевы без больших мелиоративных работ, был почти исчерпан в России уже до революции 1917 года, то после нее, несмотря на все усилия крестьян и советской власти, посевная площадь дала лишь незначительный прирост, едва поспевавший за ростом населения.

Динамика и структура населения были одним из факторов, определивших особенности формирования индустриального капитализма в России.

Рассмотрение динамики и структуры населения России именно как фактора развития индустриального капитализма возможно, очевидно, на базе сравнения с развитыми для того периода странами капитализма. Проблеме подобного сравнения в интересующий на период посвящен ряд значительных исследований¹. Они, в основном, включают как сопоставление различных статистических источников и их критику, так и свой вариант. Расхождение по крайним вариантам различных источников по численности населения России составляют для 1863 г. – 11,2%, для 1913 – 3,6%. Значительные статистические трудности представляет изучение механического прироста населения. Но при расхождении абсолют-

¹ Кеппен П.И. О народных переписях в России. Записки Русского географического общества по отделению статистики. Т. VI. СПб. 1889; Пландовский В.А. Народная перепись. СПб. 1998; Арсеньев К. Начертание статистики Российского государства. СПб, 1918; Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. 1916; Михайловский В.Г. Факты и цифры из русской действительности. Население России по первой всеобщей переписи. «Новое слово», 1897; Вейнберг Б.П. Положения центра населенности России с 1613 до 1913 гг. Пг.. 1915г.

ных данных различные источники показывают, в основном, одинаковые тенденции динамики и структуры населения России в сравнении с другими странами. Поэтому они пригодны для целей нашего исследования.

Наилучшее обобщение источников по динамике и структуре населения России в дореволюционный период представлено, по нашему мнению, в монографии А.Г. Рашина «Население России за 100 лет»¹. Опираясь на это исследование можно проследить тенденции динамики и структуры населения с пореформенного периода до начала Первой мировой войны и выявить факторы их определяющие. Каковы же подобные тенденции?

1. Для всего исследуемого периода характерны высокие темпы роста населения России в сравнении с развитыми капиталистическими странами. Население России к 1913 г. (без Польши и Финляндии) возросло по сравнению с 1863 г. в 2,2 раза, по сравнению с 1811 г. в 3,55 раза. Прирост населения Европейской части России за 1810- 1860 гг. составил 53%, во всех остальных странах Европы 39,6 %. Эти же показатели для периода 1860-1910 гг. составляли, соответственно 192 % и 102,2 %, т.е. опережение России увеличилось более чем в 1,3 раза². Показательно, что если в период 1810-1860 гг. рост населения России был несколько меньшим, чем в Англии, то в следующем пятидесятилетии (1860-1910 гг.) рост населения России превышал все Европейские страны. По абсолютным показателям численности населения Россия к концу XIX века была на втором месте после Англии (если учитывать население ее колоний) среди развитых капиталистических стран.

Особенностью динамики населения России в период 1858-1897 гг. стал значительный вес в ней населения вновь присоединенных территорий. По расчетам П. Лященко он составил 50%³.

2. Большие по сравнению с западными странами потенциальные возможности в сфере численности населения могли реализовываться в развитии производства при соответствующих условиях, одно из которых представлено демографической структурой населения.

¹ Рашин А.Г. Население России за 100 лет. М. Госстатиздат. 1956

² Там же, с. 48-49

³ Лященко П.И. История народного хозяйства СССР Т. II. М., Гос изд. полит. лит., 1952, с. 481

Наибольшее значение к началу XX века в хозяйственной жизни народа имело распределение его на четыре возрастные группы: лица в возрасте до 15 лет и свыше 60 лет формируют две нетрудоспособные группы; трудоспособная часть населения делится на две группы – от 15 до 40 лет и от 40 до 60, т.к. с сорокалетнего возраста по меркам начала XX века начинается ослабление трудоспособности. В начале XX века на 100 человек в трудоспособном возрасте приходилось в нетрудоспособном возрасте: в Германии и Австрии 74 человека; в Италии 73; в Англии 73; в США 69; во Франции 62; в России 83. Таким образом общая демографическая структура населения России была значительно менее благоприятна, чем в странах Европы. Но при этом доля наиболее трудоспособного населения (от 15 до 40 лет) в общей численности трудоспособного населения была в России (70,9%) выше, чем во Франции (63,1%), Англии (69,7%), Германии (69,8%), Австрии (63,4%), Италии (65,1%), но ниже, чем в США (71,2%)¹.

3. Мера расширенного воспроизводства населения измеряемая соотношением между числом рождений и числом смертей² в период 1861-1913 гг. систематически (кроме 1891-1896 гг.) нарастала с 138,4 в 1861-1865 гг. до 165,1 в 1911-1913 гг.³

В среднем за период 1861-1913 гг. число родившихся в России в 1,45 раза превышало число умерших. Благополучие данного показателя достигалось за счет высокой рождаемости. На каждый заключенный брак к 1910 г. в среднем по 50 губерниям Европейской России приходилось 5,3 рождений. Сравнение показателей рождаемости Европейской России с другими странами Европы приблизительно за 50 лет, свидетельствует о том, что рождаемость в период 1903-1913 гг., по сравнению с периодом 1859-1869 гг. снижалась везде, но в России значительно меньше, чем в других странах. Если в Германии она снизилась на 21,4%, в Англии на 29%, в Швеции на 28,3%, во Франции на 29%, то в России лишь на 12,2%. По данным за 1909-1913 гг. рождаемость на 1000 населения была в России на 52% выше, чем в Германии, на 78% выше, чем в

¹ Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР Т II М., Гос изд полит лит. 1952, с 264

² Число родившихся к числу умерших, равному 100 единицам

³ Рашин А.Г. Население России за 100 лет», с. 15

Англии, на 81% выше, чем Швеции и на 130% выше, чем во Франции¹.

Другая составляющая показателя меры расширенного воспроизводства России – смертность – была в России исключительно высокой в сравнении с европейскими странами. В среднем по 50 губерниям Европейской России в период 1861-1913 гг. на 1000 человек населения приходилось 34 смерти. По данным за 1909-1913 гг. смертность населения в России была больше, чем во Франции на 54,9%, чем в Германии на 74,8%, чем в Англии на 103,6%, чем в Швеции на 105%².

Особенностью показателя смертности в России была его значительная дифференциация по районам. Наибольшая смертность наблюдалась в Пермской губернии – 43,3 на 1000 человек, наименьшая в Курляндской – 19,1 на 1000 человек (1861-1913 гг.)³. Кроме значительной дифференциации показателей смертности, особенностью России была исключительно высокая смертность в детском возрасте. С.А. Новосельский – исследователь проблемы смертности и продолжительности жизни в России дореволюционного периода – пришел к следующему выводу: «смертность в России исключительно высока до 10 лет, высока в юношеском и рабочем возрасте, умеренная в раннем старческом возрасте и исключительно низка в возрасте глубокой старости выше 80 лет; смертность женщин в России является по сравнению с другими странами более неблагоприятной, чем смертность мужчин. *Русская смертность в общем типична для земледельческих и отсталых в санитарном, культурном и экономическом отношениях стран, причем по исключительной высоте смертности в детском возрасте и исключительно низкой смертности в старческом возрасте Россия занимает особое место и среди аналогичных государств*⁴. Крайне высокая смертность детей грудного возраста и высокая смертность рабочих возрастных групп стали основными факторами низкого уровня средней продолжительности жизни в России. В 1896-1897 гг. она составляла в Европейской России для мужчин 29,3 года, для женщин 31,6 лет, для Украины 35,3 и 36,2 года, соответственно; для Белоруссии – 37,0 и

¹ Рашин А.Г. Население России за 100 лет», с. 227

² Там же. с. 227

³ Там же. стр. 185

⁴ Новосельский С.А. Смертность и продолжительность жизни в России. Пг., 1916, с. 144-145.

37,9; в среднем 31,4 и 33,4. Такая низкая продолжительность жизни препятствовала развитию и передаче опыта в новых сферах жизни, к которым относилось индустриальное производство.

4. Наряду с демографической структурой населения, консервации традиционных укладов способствовала низкая плотность населения России. На уровень плотности населения России оказывало влияние обилие незаселенных земель. Поэтому вывод о крайне низкой плотности населения в целом для России должен быть дополнен показателем ее дифференциации по различным районам. Так, средняя плотность населения 50 губерний России составляла в 1913 г. – 28,8 человек на 1 кв. версту (верста = 1,06 км). Соотношение между самой высокой плотностью (Московская губерния – 122,8 человек на 1 кв. версту) и самой низкой (Архангельская губерния – 0,7 человек на 1 кв. версту)¹ составляло 175:1.

При низком исходном уровне плотность населения России систематически росла. По 50 губерниям Европейской России она возросла к 1913 г. по сравнению с 1811– в 2,9 раза². Неравномерность роста предопределила существенные сдвиги в размещении населения России по ее территории. Преимущественный рост плотности населения по сравнению с Европейской частью наблюдался в период 1863–1914 гг. в Сибири, на Кавказе, в Средней Азии. На Кавказе плотность населения в исследуемый период возросла в 2,9 раза, в Сибири в 2,6 раза, тогда как в Европейской части России в 2 раза³.

Миграция населения в ранее незаселенные районы России в пореформенный период способствовала образованию нового земледельческого населения, что значительно ослабляло параллельный процесс перелива населения из сельского хозяйства в промышленность.

Возможность миграции в незаселенные или слабо заселенные районы своей страны привела к значительным отличиям России в формировании потоков труда из сельского хозяйства в промышленность от стран Запада.

¹ Рашин А.Г. Население России за 100 лет. с. 205

² Там же, с. 205

³ Там же. с. 77–79

5. Рост населения в городах России отражал процесс развития промышленных центров. Особенностью данного процесса в России была его крайняя неравномерностью по отдельным губерниям, обусловленная неравномерностью развития капитализма. Наименьший прирост городского населения Европейской России за период 1863-1897 гг. наблюдался в губерниях крайнего Севера (Архангельская, Вологодская, Олонецкая губернии), где он составил – 30,6%, и был меньше прироста сельского населения (32,0%). Наибольший прирост городского населения был в Прибалтийских губерниях. Он составил 192,6%, тогда как сельского – 10,6%. Далее за Прибалтийскими губерниями шли столичные (С.-Петербург и Москва), где прирост городского населения за период 1863-1897 гг. составил 141,5%, а сельского – 18,2%; Новороссийские, Нижне-волжские и Восточные губернии, где данные показатели составили соответственно 132,7 и 87,2%¹. Коэффициент неравномерности, отражающий соотношение между наибольшим и наименьшим приростом городского населения по губерниям Европейской России, составил в период 1863-1897 – 6,3.

В следующий период – 1897-1914 гг. неравномерность уменьшается, хотя и остается значительной. Наибольший прирост городского населения наблюдается в столичных губерниях (65,5%), наименьший в Западных (37,3%); коэффициент неравномерности – 1,8.

Несмотря на значительный рост городского населения России к 1914 г. оставалась страной аграрной: численность городского населения составила 23577,2 человек: из них в 50 губерниях Европейской части проживало 18596,8 человек или 78,9%, на Кавказе – 1878,0 человек или ~ 8%, в Сибири – 1193,6 человек или 5,1% и в Средней Азии – 1608,8 человек или 6,8%. Доля городского населения России во всем населении составляла в 1914 г. – 15,3%². Для сравнения отметим, что уже к началу века в Англии доля городского населения поднялась до 78%, во Франции и США до 40%, а Германии до 54,3%³.

¹ Рашин А.Г. Население России за 100 лет, с. 88-91

² Там же, с. 88-91

³ Историческая энциклопедия, т. 2, с. 273

Наибольшая доля городского населения в России (1914 г.) наблюдалась в Петербургской губернии – 73,9%, наименьшая в Вятской – 3,4%¹.

К наиболее крупным по числу жителей городам (1914 г.) относились: Петербург (2118,5 тыс. человек), Москва (1762,7 тыс.), Рига (558,0 тыс.), Киев (520,5 тыс.), Одесса (499,6 тыс.), Тифлис (307,3 тыс.), Ташкент (271,9 тыс.).

Число жителей Петербурга возросло за период с 1864 по 1917 в 4,3 раза, а Москвы за период с 1871 по 1917 в 3,1 раза. Доля Москвы и Петербурга в общей численности населения Европейской России к 1914 г. достигла 20,9%. Особенностью Москвы был преобладающий удельный вес механического прироста населения, т.е. иммиграции, в общем приросте. Так в 1871-1881 гг. доля иммиграции в Москве в общем приросте составляла 86,2%; в 1907-1911 гг. – 75,2%.

Особенностью России предреволюционного периода было значительное отличие образа жизни столичных, губернских и уездных городов. Наиболее «западным» был С.-Петербург, где получили развитие банки, управленческие структуры, иностранные представительства. Москва слыла и была купеческой столицей. Крупнейшими торговыми и промышленными центрами все больше становились: Рига, Киев, Одесса, Тифлис. Жизнь малых городов России по ярким описаниям Чехова, Горького, Толстого, оставалась больше похожей на сельскую.

Малые города отличались не числом жителей, но наличием или отсутствием в них уникальных групповых – личностных отношений, задаваемых культурным меньшинством. Особенность России заключалась в том, что обилие именно малых городов порождало значительность их культурной элиты. В то же время окрестьянивание города (рурализация) вели к формированию «барачной культуры», т.е. культуры маргинальных слоев общества. Отставание уровня жизни в сельском обществе в сравнении с городским, по мнению ученых социологов² неизбежно ведет к нарастанию духовной энтропии в деревне. Такое отставание приводит к раз-

¹ Рашин А.Г. Указ. работа с. 110

² Беккер Б. Современная социологическая теория и ее применение М. 1961

рушению этических норм. В силу этого каждое новое поколение обладает меньшим культурным потенциалом, чем предшествующее. Но исчезновение этических норм никогда не бывает полным. Вокруг отдельных личностей завязывается процесс кристаллизации моральных ценностей. Особенность России заключалась в том, что этот процесс был нарушен экстремальными условиями развития России в годы войны и революции. Культурная революция, как важнейшая составная часть индустриализации осуществлялась на базе значительного роста ценностей образования, науки, искусства, но морально-этические ценности всецело были подчинены классовым интересам.

6. *Социальная структура населения.* Быстрый рост городского населения России (за 1861-1914 гг. в 3,1 раза) сопровождался изменением социальной структуры населения, темп которого, однако был замедленным. Последнее во многом определялось спецификой российских городов, значительная доля населения которых принадлежала к таким группам занятий, которые не имели отношения к развитию промышленности и других сфер, формирующих классы капиталистического общества. Так, среди самодеятельного населения российских городов в 1897 г. доля занятых в промышленности составляла лишь 28,9% (для сравнения отметим, что в Англии уже 1870 г. – она превышала 50%). Доля же занятых в сельском хозяйстве, прислуги и поденщиков, чиновников и войска в городах России составляла – 37,7%¹.

Имеющие данные переписи 1897 г. не позволяют с абсолютной точностью отделить буржуазные классы от добуржуазных в социальной структуре населения как в городах, так и в целом. Но с известной степенью условности, такой расчет можно произвести. Как известно, В.И. Ленин предпринял подобную попытку в работе «Развитие капитализма в России». Основываясь на его расчетах, а так же имеющихся в современной литературе дополнениях к ним, мы пришли к следующему выводу: население России, относящееся к капиталистическим классам составляло по самым щедрым расчетам более трети (37,4%) населения России. К ним относились: буржуазия города и деревни – 1,5%, с известной условностью зажи-

¹ Рашин А.Г. Указ. работа, с. 322

точные мелкие хозяева – 18,4%, пролетарии – 17,5%. Необходимо учесть так же, что *промышленный* пролетариат составлял лишь 4% населения или 5 млн. человек. Из них 3 млн. или 60% были рабочими в первом поколении. Принято считать, что интеллигент становится интеллигентом в третьем поколении. Но данное правило, не в меньшей степени относится и к другим социальным слоям и классам общества.

Определяющий класс индустриального общества – буржуазия – формировался в России из разбогатевших крестьян, купцов и дворян. Особенностью российской буржуазии было расхождение между экономической значимостью и политической беспомощностью. Последнее было связано с тем, что постоянная поддержка государства лишала буржуазию прогрессивности, делало ее косной и преданной самодержавию.

Теряло свою былую власть и дворянство. Уже к середине XIX века 60% дворян не имели крестьян и свыше 40% сами занимались хлебопашеством. Житейским идеалом дворян была праздность¹. Политическая власть все более переходила к бюрократии (вместе с военной бюрократией составлявшая 1,7% населения), а идеологическая – к интеллигенции (вместе с духовенством – 1,3% населения).

Данные всероссийской переписи населения 1897 г. содержат сведения об участии интеллигенции в общественно-культурной жизни в конце XIX века. Из 126 млн. населения России педагогическим трудом занимались свыше 170 тыс. человек, библиотечным делом – 1 тыс., книжной торговлей – более 5 тыс. человек. В России было около 18 тыс. художников и артистов, 3 тыс. ученых и литераторов. Лиц духовного звания насчитывалось более 250 тыс. человек.

Приведенные статистические данные свидетельствуют о том, что классы капиталистического общества России находились на стадии формирования. Этот период чреват обилием представителей маргинальных слоев, суть которых заключается в непринадлежности ни к какому классу. Разорившийся помещик далеко не всегда превращается в интеллигента или буржуа; крестьянин дол-

¹ История государства и права. М., 1996, с. 217

жен пройти долгую выучку, чтобы стать рабочим; буржуа, чтобы научиться управлять хозяйством должен быть относительно свободен от опеки государства. Характерные черты переходных слоев — неустойчивость доходов и настроения, легковерие, желание подчиниться твердой руке, неумение управлять собственным поведением. Все эти черты замечательно описаны в русской литературе XIX века. Вот что пишет по поводу русской буржуазии Салтыков-Щедрин, с легкой руки которого в общественную литературу вошло понятие «чумазый», как псевдоним буржуа. «Русский чумазый перенял от своего западного собрата его алчность и жалкую страсть к внешним отличиям, но не усвоил себе ни его подготовки, ни его трудолюбия»¹.

Изменилась ли буржуазия в начале XX века? По мнению крупного специалиста в данной области П. И. Ляшенко к 1900-1910 годам среди буржуазии созревает верхний слой, представленный уже буржуазией в четвертом поколении. Среди них европейски образованные меценаты: Морозовы, Крестовниковы, Рябушинские, но провинциальная масса буржуазии все еще состоит из «чумазных» Колупаевых и Разуваевых.

Сравнение социальной структуры 1897 и 1913 гг. свидетельствует о том, что процесс становления классов капиталистического общества значительно развился в период предвоенного подъема 1909-1914 гг. К сожалению, статистические данные позволяют отследить подобный процесс лишь для крупных городов, а не всего населения России в целом. С поправкой на то, что в крупных городах он шел значительно быстрее (Москва, Петербург, Одесса, Баку), чем в целом по России, можно считать его все же отражением общих процессов.

Именно направленность процессов способствовала формированию мнения в научной литературе о значительном развитии капиталистических отношений в России. Но, если оценивать их абсолютный уровень, то необходимо отметить, что *социальная структура России* (в частности, доля сельского населения, удельный вес городов, удельный вес буржуазии) к началу XX века соответствовала самым начальным этапам промышленного переворота в Западных странах.

¹ Апикин. А.В. Путь исканий. М., Изд. полиг. Литературы, 1990 г., с. 345

7. *Национальный состав.* Исключительно разнообразным был национальный состав граждан Российской империи. По переписи 1897 г. в Европейской России 50,7% составляли великороссы, 17,3% – малороссы, 5,9% – белорусы, 6,6% – финны, 6,3% – поляки, 3,9% – литовцы, 3,4% – евреи, 1,9% – татары, 1,5% – башкиры, 1,3% – немцы, 1,2% – молдаване, 0,4% – шведы, 0,2% – киргизы, 0,1% – калмыки, 0,06% – греки, 0,06% – болгары, 0,05% – армяне, 0,04% – цыгане, прочие 0,49%.

Взаимосвязь между национальным составом граждан Российской империи и структурой занятости исследовалась С.Н. Прокоповичем в 20-е годы XX века с целью доказать экономическую эффективность союза России, Украины и Белоруссии¹. Его исследование свидетельствует о том, что именно интересы развития промышленности и экономического прогресса в целом обуславливают союз национальностей, входивших в Российскую империю.

По вероисповеданию, подавляющую часть в Европейской России составляли православные – 83,4%. Католики – 4,4%, протестанты – 3,6%, приверженцы иудаизма – 3,0%, ислама – 3,6%, идолопоклонники – 0,4%, раскольники – 1,5%².

Специалисты по истории религии считают православную церковь особым типом религиозной организации. Как она влияла на развитие капиталистических отношений? Ученые-религиоведы России считают, что на протяжении столетий шла ассимиляция церкви авторитарным российским государством. Это привело к воспроизводству особого типа религиозной организации, способной адаптироваться к любым разновидностям отечественной политической системы. Данное свойство объясняется не только естественной потребностью в самосохранении. Другая причина заключается в том, что на долю русской церкви выпала миссия утверждать себя в среде, сохранившей вполне развитые дохристианские языческие традиции. Существование языческой культуры, полной мифологизма, продолжалось и после принятия христианства. Живучести

¹ Прокопович С. Н. Об экономических основах национального вопроса. Прага, 1927

² Рас-но по: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона Т. 54, с. 86. Народная энциклопедия. Том «История», с. 27

языческой культуры способствовали относительная стабильность общинно-патриархальных отношений и обусловленные ими быт, нравы и психология русского народа.

Если западные страны пережили церковную реформацию, способствующую принятию ценностей буржуазного мира, то русская церковь осталась «традиционной». Религиозному сознанию народных масс новые капиталистические установки были достаточно чужды. Значительные сдвиги, произошедшие в начале XX века (до Первой мировой войны) в образовании широких масс населения не могли так быстро изменить психологию.

Важнейшая часть экономического потенциала – образование населения, начиная со второй половины XIX века, развивалось в прогрессивном направлении. В 1864 г. была проведена реформа начального образования.

По этой реформе вводился общий учебный план, который включал четыре основных предмета: Закон Божий, чтение, арифметику и пение. Разрешалось открывать школы обществам, органам самоуправления (земствам) и частным лицам. Среди начальных школ значительная часть находилась в ведении министерства народного просвещения. Другими массовыми видами начальных школ были: церковно-приходские (в ведении Синода) и земские (создаваемые на средства местного самоуправления). Методика преподавания жестко не регламентировалась. Однако количественный рост начальных школ не привел к началу XX века к удовлетворению потребностей населения в образовании. Так, к 1906 г. насчитывалось 12 736 тыс. детей школьного возраста. Из них обучалось в школах 5 389 тыс. детей, т.е. 42,3%, а 57,7% детей не имели возможности учиться. Для их обучения необходимо было создать еще 160 тыс. школ¹. Для европейской части России данный показатель составлял свыше 141 тыс. школ. Создание школ тормозилось не только ограниченностью государственных средств, но, безусловно, и тем, что негосударственные средства неохотно шли в систему образования.

¹ Динамика количества школ и учащихся в период 1885-1914 гг. была крайне не равномерной и не отвечала потребностям в образовании.

Образование оставалось сословным. Наиболее четко контрольная и охранительная функция государства в образовании была сформулирована в середине XIX века министром просвещения Уваровым С.С. По его мнению, цель политики в области образования – создание «умственных плотин» на пути проникновения в страну западной идеологии. В распространении образования среди широких слоев населения власть придерживалась поощрения начального и сдержанности в сфере среднего образования. Писательница Кузмина-Караваева, оценивая подобную позицию, остроумно говорила об одном английском лорде, который, протестуя против образования широких масс населения, откровенно мотивировал свой протест следующим доводом. Если бы лошадь, на которой он ездит, знала столько, сколько знает он, ее владелец, то лорд, конечно, перестал бы ездить на ней¹. В позиции этого лорда и власти Российской империи, а также частных инвесторов образования угадывается некая общность взглядов. Об этом свидетельствуют расходы министерства народного просвещения на душу населения к концу XIX – началу XX вв., которые составляли 0,21 коп. Для сравнения отметим, что в Англии они составляли 2 руб. 84 коп., Франции – 2,11 коп., Пруссии – 1,89 коп., Австрии – 0,64 коп., Венгрии – 0,55 коп.

Всего к 1914 г. в начальных классах занималось 8,6 млн. человек, что составляло около 50% детей соответствующего возраста. Хотя в 1908 г. был принят закон о введении обязательного начального образования, его реализация началась лишь в 1930 г. В Западной Европе уже к последней четверти XIX века была достигнута полная грамотность населения и начался переход ко всеобщему неполному среднему образованию в объеме 7-8 классов. В России к 1913 г. грамотность населения составляла около 40%. Значительным было различие между грамотностью жителей города и деревни. По данным переписи 1918 г. в России было 64% грамотных рабочих и около 30% - крестьян².

Среднее образование было представлено классическими гимназиями, реальными и коммерческими училищами, а также ка-

¹ Великая реформа. М., 1911. Т. VII, с. 289

² Культура России IX-XX вв. М.: «Простор», 1996. с. 219

детскими корпусами. Их окончание давало право на зачисление в высшие учебные заведения. В университеты могли поступить в основном лишь выпускники классических гимназий. Среднее образование к 1914 г. получили около 1 млн. чел., т.е. соотношение между начальным и средним образованием составляло 8,6:1.

Государственное финансирование образования в 1904-1913 гг. характеризовалось значительными темпами, рост составил более 200%. Доля расходов на образование в госбюджете возросла с 2% в 1897 г. до 4,5% в 1913 г. Подобные расходы составляли 50% от общих ассигнований на образование, другую половину обеспечивали земства города, волости, сельские общества и частные лица.

Отличительной чертой российского образования, отмечаемой иностранцами, побывавшими в России, был особый тип учителя: идеалиста, энтузиаста, и высокого профессионала. Такой учитель придавал учебе окраску «школы жизни».

Лучшие черты российских учителей во многом определялись качеством высшего образования и прежде всего талантливым профессорско-преподавательским составом. Наиболее фундаментальной формой высшего образования к началу XX века были университеты. Число студентов в университетах систематически росло.

Если в середине 90-х годов в университетах обучались 14 тыс. студентов, то в 1905 г. – 24,5 тыс., в 1907 г. – уже 35,3 тыс. студентов. В 1917 г. работало свыше 20 высших технических и сельскохозяйственных учебных заведений, которые находились не только в столицах, но и в губернских городах. Выделялись как крупнейшие учебные и научные центры Электротехнический и Политехнический институты в Петербурге, основанные в конце XIX в.¹

Новым явлением было распространение частных учебных заведений (Психоневрологический институт В.М. Бехтерева, Вольная высшая школа П.Ф. Лесгафта и др.). В данных институтах преподавали видные русские ученые (В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, М.М. Ковалевский, С.А. Венгеров, В.И. Семевский, Е.В. Тарле и др.).

¹ Культура России IX-XX вв. М.: «Простор», 1996, с.220

В начале XX в. в России систематически расширялось *высшее женское образование*. К 1900 г. в Москве вновь были открыты Высшие женские курсы В.И. Герье, закрытие в годы войны. С 1908 г. в Москве начали работать Высшие женские сельскохозяйственные курсы, которыми руководил Д.Н. Прянишников, в Петербурге работали Бестужевские курсы. Возникли высшие женские курсы в ряде провинциальных городов (Саратов, Одесса, Ростов, Харьков и др.). Все они содержались на частные или общественные средства. Всего в начале XX века в России насчитывалось около 30 высших женских учебных заведений.

Правительство признало право женщин на получение высшего образования. Закон 1911 г. о высшем женском образовании распространял на женщин права, которые давал диплом об окончании высшего учебного заведения. В 1912 г. был проведен первый Всероссийский съезд по женскому образованию, принявший резолюцию о совместном обучении в высших учебных заведениях.

Учителей начальной школы в начале XX в. продолжали готовить учительские семинарии. К 1917 г. их было более 170, из них 145 – мужские семинарии. Учительские институты были основными центрами подготовки учителей для городских и уездных училищ. (К 1917 г. было 47 таких институтов.) Учителей для гимназий готовили университеты. К началу XX века в подготовке учителей произошли положительные изменения: открылись несколько высших педагогических заведений, среди них Женский педагогический институт в Петербурге (1903).

В просвещении народа продолжали играть важную роль *различные формы внешкольного образования*. Кроме воскресных школ появились новые формы учебных и культурно-просветительных учреждений для взрослых. Возникали *рабочие курсы*. Самыми известными стали Пречистенские рабочие курсы в Москве, открытые на средства В.А. Морозовой, владелицы Тверской мануфактуры (1897 г.). Слушатели учились на трех отделениях, программа которых соответствовала низшей, средней и высшей школе. Среди преподавателей курсов были такие знаменитые в России и в мире ученые, как И.М. Сеченов, В.П. Волгин, В.И. Пичета.

В начале XX века возникли *народные университеты* и просветительские рабочие общества. Народные университеты были созданы в столицах, некоторых губернских и уездных городах (Н. Новгород, Уфа, Воронеж, Тверь). В 1908 г. в Москве был открыт народный университет на средства либерального деятеля народного образования А.Л. Шанявского. Обсуждение вопроса об открытии народного университета в Государственной думе вызвало резкую критику правых депутатов. Лидер правых В.М. Пуришкевич заявил: «Если мы санкционируем почин Шанявского, то разрушим в конце концов Россию». Но Дума приняла «Положение о народном университете».

Университет им. Шанявского сыграл хорошую роль в демократизации высшего образования. В него мог поступить каждый, кому исполнилось 16 лет, вне зависимости от социального положения, вероисповедания, пола, материального достатка. Обучение проводилось по вечерам на двух отделениях: научно-популярном (в объеме гимназии) и академическом. Окончившие академическое отделение получали диплом о высшем образовании. В Университете им. Шанявского учился Сергей Есенин (1913-1914 гг.).

Преподавание в этом университете вели представители либерально-демократической научной интеллигенции Москвы (П.Н. Лебедев, А.Н. Реформатский, Ю.В. Готье). Многие ученые, которые здесь преподавали, оставили Московский университет в знак протеста против реакционной политики министра народного просвещения Л.А. Кассо (1911 г.). После революции основные кафедры Университета им. Шанявского вошли в состав Московского университета (1919 г.).

В 90-х годах XIX века возникла такая форма культурно-просветительской работы, как *народные дома*. Они представляли собой клуб с библиотекой, читальней, театральным и лекционным залом. Были в них также чайные и торговые лавки. При народных домах часто устраивали воскресные школы.

Значительные достижения в области образования в России в конце XIX – начале XX вв. не привели все же к необходимому для развития экономики соотношению между начальным и средне-специальным образованием. Разрыв между ними, как уже указывалось, составлял более 8 раз. В какой-то мере этот разрыв заполнял-

ся практическим обучением рабочих на фабриках и заводах. Но в целом недостаточность среднего образования влияла на экономические диспропорции, т.к. реализация достижений в области науки и техники требует профессионалов среднего звена. Россия, славившаяся по всем мире людьми, способными «подковать блоху», значительно отставала в области профессиональных исполнителей лучших достижений.

Развитие науки в России второй половины XIX – первой трети XX вв. свидетельствует о том, что подобные достижения были значительными.

XIX век стал особым периодом в развитии русской культуры. Она пережила свой золотой век и окончательно сформировалась как национальная. Сложились формы культурного общежития, бурно развивалась публичная и художественная жизнь, росло число университетов. Это означало становление нового фактора, фактора культуры, влияющего на соотношение стабильности и динамичности. Подобный фактор действовал через основную особенность российской культуры; а именно ее бинарность (от лат. *Binarius* – двойной, двойственный). Суть этой черты заключается, по мнению исследователей русской культуры, в стабильной противоречивости, порожденной с одной стороны повышенным динамизмом ее саморазвития, а с другой стороны – периодически обостряющейся конфликтностью, внутренне присущей самой культуре, составляющей ее органическое своеобразие, типологическую особенность¹.

Бинарность российской культуры создает отличные от западных основы для соотношения стабильности и динамичности социально-экономических систем. Западная культура характеризуется тернарностью, т.е. свойством балансирования между полюсами благодаря наличию среднего (третьего) элемента. Крупнейший российский исследователь философии культуры Ю. Лотман в своей последней работе «Культура и взрыв» предлагает важное для понимания российской реальности сравнение бинарной и тернарной структуры культур. Если в тернарных структурах самые мощные и глубокие взрывы не охватывают всего сложного богатства соци-

¹ Энциклопедический словарь. «Культурология». М., 1997, с. 57.

ально-экономических пластов, то в бинарных – идеалом является полное уничтожение всего уже существующего, как запятнанного неисправимыми пороками. Абсолютное уничтожение старого невозможно ни в тернарных, ни в бинарных структурах, но осознание этого, влияющие на управление социально-экономической структурой общества различно. Тернарные структуры сохраняют определенные ценности предшествующего периода, перемещая их из периферии в центр системы. Они стремятся приспособить идеал к реальности. Бинарные пытаются осуществить на практике неосуществимый идеал. В бинарных системах взрыв охватывает всю толщу быта. Беспощадность этого эксперимента проявляется не сразу. «Первоначально он привлекает наиболее максималистские слои общей поэзией мгновенного построения «новой земли и нового неба», своим радикализмом. Цена, которую приходится платить за утопии, обнаруживается лишь на следующем этапе. Характерная черта взрывных моментов в бинарных системах – их переживание себя как уникального, ни с чем не сравнимого момента во всей истории человечества. Отмененным объявляется не какой-либо конкретный пласт исторического развития, а само существование истории»¹.

Если динамичность социально-экономического развития определять на основе изменений в культуре быта, организации производства, степени удовлетворения различных потребностей всех слоев населения, то можно говорить о начале подобных изменений в конце XIX века и их ошутимом проявлении в годы перед Первой мировой войной.

Российские ученые в середине XIX – начале XX вв. провели целый ряд пионерных исследований. Так было в области химии (Периодическая система химических элементов Д.И. Менделеева – 1869 г.; исследования А.М. Бутлерова), математики (П.Л. Чебышев, А.М. Ляпунов), механики (И.А. Вышнеградский), медицины (Н.И. Пирогов), физики (А.Г. Столетов), физиологии (И.М. Сеченов), почвоведения (В.В. Докучаев). Бурно шло развитие технической мысли: в 70-е гг. изобретатель А.Ф. Можайский создал чертежи

¹ Лотман М.Ю. «Культура и взрыв». М., «Гнозис». Изд. группа «Прогресс». 1992, с. 258

первого самолета (построен в 1883 г.), инженер А.Н. Лодыгин впервые в мире сконструировал электрическую лампочку (1872 г.), П.Н. Яблочков изобрел дуговую электролампу, получившую в 1878 г. на Всемирной выставке в Париже название «русский свет». В 1896 г. на Всероссийской промышленной выставке в Нижнем Новгороде был представлен первый автомобиль – «безлошадный экипаж» - созданный морским офицером Евгением Яковлевым и хозяином каретных мастерских Петром Фрезе. «Безлошадный экипаж» развивал скорость до 20 верст в час, запаса горючего хватало на 200 верст пути. В 1895 г. А.С. Попов продемонстрировал созданный им первый в мире радиоприемник. В конце XIX века российскими учеными Шиллингом и Якоби были заложены основы передачи рисунка на расстоянии. Реального воплощения этого открытия добился российский ученый О.А. Адамян. Применив гениальное изобретение Попова – радио – к фотографии, Адамян в 1907-1908 гг. получил патент на проект двухцветного изображения по проводам. Однако применение выдающихся достижений науки и техники тормозилось отсутствием элементарного образования широких слоев населения, специального образования чиновничества, развитой культурной среды.

Рассмотрение экономического потенциала позволяет выделить те его черты, которые оказали существенное влияние на формирование макроэкономической структуры России во второй половине XIX – первой трети XX вв. Они заключались в следующем.

- В динамике населения значительную роль играл не только естественный прирост населения, но и увеличение его за счет вновь присоединенных территорий.

- Природные условия определили наличие полезных ископаемых в трудно доступных районах. Доступные же в Восточноевропейской равнине бурый и каменный уголь были мало калорийны, что требовало компенсации качества количеством.

- Громадная территория России сочеталась с крайней незначительностью площадей, занятых под пашню (5,3%) в силу климатических условий.

- Социальная структура населения России оставалась сословной. Формирование классов только начиналось.

– Экономический потенциал концентрировался в аграрном секторе.

– В образовании населения основной проблемой была неграмотность к началу XX века – 60% населения. Кроме того сложилась диспропорция между начальным, средним и высшим образованием, что проявилось в недостаточности профессионалов-исполнителей. Подобная ситуация определяющим образом влияла на инвестиционный климат России, так как освоение и эффективность капиталовложений зависят от организации производства, которое неотделимо от профессионализма конкретных производителей.

– Значительные научные достижения России во многом остались нереализованными в силу как государственной политики, так и уровня образования и культуры населения.

СТРУКТУРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВОЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Социально-политические и экономические условия развития России привели в последней трети XIX - начале XX века к возникновению потребности изменения социально-экономической структуры общества.

Она формировалась под влиянием двух групп факторов.

Первая группа факторов обуславливалась естественными закономерностями развития: нарастанием разделения труда, ростом товарности хозяйства, распространением капиталистического уклада «вширь» и «вглубь» экономики России

Вторая группа факторов формировалась под влиянием внешнеполитических условий и, прежде всего, места России в мировом разделении труда.

Под влиянием второй группы факторов сложилась концепция «догоняющего развития», корни которого уходят в эпоху Петра I. С этого же времени (начало XVIII века) не прекращаются дискуссии о естественности или искусственности капитализма в России, переросшие затем в споры между славянофилами и западниками, марксистами и народниками, сторонниками общественического и формационного подходов к экономике России.

Разделение ученых в решении подобных проблем среди прочих причин связано с тем, на какой группе факторов они концентрировали исследование. По мере того, как период конца XIX – начала XX века все больше становится историей, углубляется возможность рассмотрения взаимодействия предложенных групп факторов и их влияния на экономический рост.

Взаимодействие внешних и внутренних факторов экономического развития России осуществлялось в условиях определенной институциональной среды, т.е. традиций, определявших поведение людей. Проблема влияния традиций или «неписаных» правил поведения людей наряду с формальными, юридически зафиксированными правилами появляется тогда, когда все значительней становятся трансакционные издержки производства. Под трансак-

ционными издержкам понимаются затраты, возникающие при продвижении товаров на рынке (затраты на банковские, финансовые услуги, страхование, оптовую и розничную торговлю, оплату юристов, бухгалтеров и т.д.). На Западе проблема транзакционных издержек возникает, когда капитал-функция отделяется от капитала-собственности. Особенностью России, оказавшей значительное влияние на этот процесс, было специфическое явление «власть-собственность». Суть подобного явления заключается в том, что функция собственности опосредована причастностью к власти. Власть создает понятие «собственность», неотделимое от нее. Феномен «власть-собственность» характерен и для стран Востока, по которым он досконально изучен. Обобщающая работа Л.С. Васильева¹ по истории Востока и исследования российского варианта «власти-собственности» свидетельствуют об их похожести, хотя и неполной идентичности, связанной с большим, чем на Востоке влиянием параллельной экономики. Начиная со времен Петра I, эта параллельная, «неуказанная», экономика развивалась в постоянных противоречиях с государственной, работая на удовлетворение различных потребностей населения. Слабое отражение параллельной экономики в статистике во все времена не дает возможности ее реальной оценки, но косвенные данные свидетельствуют о том, что она действовала постоянно.

Живучесть параллельной экономики России во многом объяснялась условиями развития мелкотоварного производства. В последнем исследовании Л.В. Милова об особенностях исторического процесса в России на основе обобщения громадного фактического материала показано, что чрезвычайно медленное разложение ремесла и развитие мелкотоварного производства породило неадекватные формы капитала, т.е. такие формы, в которых он выступает не в противоположность труду, а в промежуточных формах между прежними способами и классическим способом производства самого капитала.

¹ Васильев Л.С. История Востока. М., Высшая школа, 1994 г. (в двух томах)

«Формы мелкого капитала крайне не устойчивы и слабы в силу дороговизны наемного труда, что лишает мелкого хозяйчика возможности капиталистического накопления, т.е. получения всего объема прибавочной стоимости при минимуме заработной платы наемного рабочего». ¹ По мнению Л.В. Милова неадекватные формы капитала, основанные на отсутствии противоположности труда и капитала были обусловлены тремя факторами:

1) отсутствием явного процесса экспроприации непосредственных производителей, следствием чего стал острый дефицит свободной рабочей силы;

2) господством краткосрочной системы вольного найма (поденщины), как в ремесленном, так и в мелкотоварном производстве;

3) высоким уровнем оплаты труда свободного рабочего, оплаты покрывающей или почти покрывающей всю стоимость его труда. Последнее лишало «хозяйчика» возможности капиталистического накопления.

Низкая прибыль в мелкотоварном производстве в отличие от торговли вела к тому, что торговый капитал не шел в производство, а лишь закабалял разного рода мелких ремесленников торгово-ростовщическим капиталом.

Такое положение лишало Россию возможности удовлетворения ее государственных потребностей. Необходимо было ускорение экономического роста, обеспечивающее качественный скачек в уровне производства.

Формулировка задачи ускорения экономического роста связана с проблемой индустриализации России, которая в четком варианте была поставлена С.Ю. Витте, хотя сознавалась его предшественниками М.Х. Рейтерном, Н.Х. Бунге, И.А. Вишнеградским. Суть проблемы заключалась в следующем. Россия к концу XIX – началу XX века была явно выраженной аграрной страной. Свыше 80 % ее населения составляло аграрное сословие. Вывоз сельскохозяйственной продукции составлял 75-80 % экспорта, а зерновых около 50 %. К концу 90-х годов XIX века по сравнению с

¹ Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., РОССПЭН, 1998г., с. 486-487

60-ми годами вывоз сельскохозяйственной продукции возрос более, чем в пять раз.¹ Использование средств от сельскохозяйственного экспорта для целей индустриализации тормозилось структурой народного хозяйства России, характерной чертой была низкая, в сравнении с развитыми капиталистическими странами, доля инвестиций (накопления) в национальном доходе. Ее повышение предопределялось или развитием инвестиционных отраслей внутри страны, или импортом продукции машиностроения, за счет усиления экспорта сельскохозяйственной продукции. Взаимосвязь этих вариантов в какой-то мере улавливается сравнением динамики экспорта и доли сельскохозяйственной продукции в нем, с одной стороны, импортом и долей машиностроения в нем, с другой стороны. Важно и сравнение этих двух групп показателей с показателем динамики продукции инвестиционных отраслей внутри России. Имеющиеся статистические данные свидетельствуют о том, что, начиная с 80-х годов XIX века до начала XX века экспорт превышал импорт; в экспорте росла доля зерновых. Доля же продукции машиностроения в импорте менялась: в 1881-1885 гг. — снижалась, а в 1886-1900 гг. — повышалась. Что же касается внутреннего производства продукции машиностроения, то оно по среднегодовым темпам роста обгоняло импорт машин в 1886-1890 гг. (когда темпы роста импорта были отрицательны) и отставало от него в 1891-1900 гг. Сравнение импорта машиностроительной продукции с ее внутренним производством в стоимостном выражении затруднено несравнимостью данных. Но косвенные данные позволяют утверждать, что даже в периоды благоприятных для России экспортных условий, импорт машин не мог покрыть всей потребности России в продукции инвестиционных отраслей. Ускорение темпов роста этих отраслей внутри страны, начавшееся во второй половине 90-х годов XIX века, натолкнулось на ограничения, исследование которых необходимо начать с характеристики народнохозяйственной структуры России конца XIX века.

Формирование народнохозяйственной структуры начинается, как известно, с изменений в сельском хозяйстве, как основной отрасли докапиталистического периода. Типы эволюции сельского

¹ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. М., 1952 г., т. II с. 138-139.

хозяйства влияют на формирование ресурсов капитала через соотношение между земельными и трудовыми ресурсами. Российские исследования эволюции сельского хозяйства, основанные на отечественных и зарубежных источниках (П. Лященко, А. Анфимов, Б. Греков, Н. Павлов-Сильванский, В. Илюшечкин, Ю. Кабищанов, А. Милов, С. Онищук) позволяют выявить условия перелива рабочей силы из сельского хозяйства в несельскохозяйственные отрасли, который выступает определяющим фактором для первоначального накопления капитала. Скорость процесса превращения первоначального накопления капитала в его воспроизводство на собственной основе во многом зависит от типа эволюции земледельческой системы, критерий которой – степень интенсивности использования земли.¹

Главной чертой земледелия большей части России был чрезвычайно короткий рабочий период: с начала мая до начала октября (шесть месяцев), при крайнем непостоянстве погоды даже в этот период. Для сравнения отметим, что на западе Европы нерабочим был лишь декабрь и январь (рабочий период десять месяцев). В сочетании с преобладанием малоплодородных почв в пределах Восточно-европейской равнины кратковременность рабочего цикла вызвала необходимость значительной концентрации труда в сравнительно малый отрезок времени.²

Но даже крайнее напряжение сил в определенный период при существующих природно-климатических условиях не вело к необходимой степени концентрации труда. Положение усугублялось отсутствием нужного времени для заготовки кормов, потребности объемов которых значительно превышали заготовки в странах Запада, из-за длительного периода стойлового содержания скота. Следствием всех этих природно-климатических условий была низкая урожайность и малый объем прибавочного продукта, которые

¹ По критерию степени интенсивности использования земли в российской и зарубежной литературе предложена следующая классификация систем земледелия: системы с длительной залежью или переложные; системы с укороченной залежью или ротационные; системы с короткой залежью или паровые; системы с ежегодной обработкой: травопольная, частично травопольная, плодосменная, тру-доинтенсивная, «азиатская».

² В. Ключевский «Курс русской истории» М., Соцгиз, 1937 г.

толкали к возможно большему расширению территории, т.е. экстенсивному развитию. Наряду с этим фактором, реализация которого также требовала значительных усилий по завоеванию и освоению новых территорий, складывались внутренние механизмы, компенсирующие скудость прибавочного продукта. В качестве основного из них выступала крестьянская община, эволюция которой значительно отличалась от западной. На западе Европы уже на заре цивилизации шел процесс интенсивной трансформации общины в сторону социальной организации мелких земельных собственников-земледельцев. Возникшее на ранних стадиях цивилизации и систематически укрепляющееся крестьянское хозяйство, стимулировало частную собственность на землю, вовлечение ее в куплю-продажу и, соответственно, возможность формирования крупной феодальной земельной собственности. Формирующаяся на этой основе государственность обладала наименьшими хозяйственными функциями. Центрами подобных функций становились крестьянские хозяйства, хозяйства ремесленников-горожан, деятельность купца. Совершенно иная ситуация сложилась в России. Слабость индивидуального хозяйства компенсировалась ролью общины. Крестьянское хозяйство как производственная ячейка была вписана в общину, которая оказывала этому хозяйству необходимую помощь в тяжелой ситуации. Незначительность прибавочного продукта создавала почву для общества со слабо развитым процессом разделения общественного труда. Замедлению этого процесса способствовали и формы общинного обмена. Наиболее древней формой подобного обмена был, как известно из исторических источников, «реципрокный» обмен (от лат. — двигать туда-сюда, возвращаясь обратно). Суть его в том, что каждый вносит в общий котел, сколько может, а получает, сколько ему нужно, по мнению общины. Подобная форма обмена в России, по имеющимся источникам, сохранилась вместе с традиционной формой общины.

Еще одним фактором, тормозящим наращивание прибавочного продукта, была демографическая структура населения. Даже в начале XX века соотношение между группами населения в рабочем возрасте (15-60 лет) и нерабочими группами (0-15, и свыше 60 лет) для России было значительно выше, чем в Западных странах. Так,

если в России на 100 работающих приходилось 83 иждивенца, то в США – 69, Англии – 73, Германии и Австрии – 74.¹

Все перечисленные причины вели к крайне замедленному процессу формирования рынка сельскохозяйственной продукции. Если к началу XX века на одного земледельца во Франции в среднем приходился один покупатель, в Германии почти 2, в Бельгии – более двух, в Англии – 8, то в России у 2-3 земледельцев был один покупатель.² Удвоение числа покупателей за счет экспорта сельскохозяйственной продукции не отразилось на интенсификации земледелия, т.к. иностранные рынки создавали возможность расширения рынка зерна, тогда как для роста производства почвы необходимо было его сокращение и рост поголовья скота, как главного источника удобрения. Но содержание скота выгодно, когда наряду с источником удобрения скот служит источником снабжения населения мясом, маслом, молоком. На эти продукты предъявляет спрос городское население. Но в России к началу XX века оно составляло 15 % от общей численности населения (Для сравнения в Англии – 78, Германии – 56,1, США – 41,5, Франции – 41,2, Голландии – 36,9). Зарубежные же рынки не предъявляли спрос на продукцию российского животноводства.

Необходимость изменений в структуре сельского хозяйства хотя и сознавалась в правительственных кругах, но не была реализована. Для реализации изменений в аграрной сфере необходимы были деньги. Заняв в сентябре 1892 г. пост министра финансов С.Ю. Витте в течение некоторого времени оставался сторонником бумажно-денежного обращения и считал совместимой политику ускоренного промышленного развития и предоставления дешевого кредита сельскому хозяйству. Но, после того, как стала ясна необходимость перехода к золотой валюте, и, в связи с этим ограниченность бумажной массы в денежном обороте, Витте выступил за сосредоточение всех финансовых ресурсов для развития промышлен-

¹ Рассчитано по: Народная энциклопедия, т. XII; «Политическая экономия» М, 1911, с. 382

² В.В. Воронцов Судьба капиталистической России. Экономические очерки России, С -Петербург, 1907 г. Переиздано частично в качестве приложения к книге: М.И. Туган-Барановский «Избранное» «Русская фабрика в прошлом и настоящем» М, «Наука», 1997 г., с. 600

ности и железнодорожного строительства. К концу XIX века Россия попала в «заколдованный круг» предпосылок: индустриализация в ее последовательном варианте зависела от интенсификации сельского хозяйства. Интенсификация сельского хозяйства упиралась в узость внутреннего рынка, расшивка которого при существующих экспортных условиях могла быть осуществлена только за счет индустриализации. И все же периоды экономических подъемов 70-х, 90-х годов XIX века и 1909–1913 гг. показали наличие в России значительных потенций для экономического роста и изменения народнохозяйственной структуры. Реализация подобных потенций, наряду с повышательной мировой конъюнктурой в эти периоды питалась и чисто российскими причинами, связанными как с закономерностями развития самой отечественной промышленности, так и проводимой политикой. При всем отличии ускорителей и ограничителей экономического роста в 70-е, 90-е годы XIX века, и 1909–1913 гг. в них было и много общих корней. Подобные корни заключались:

- 1) В процессе концентрации производства, темпы которого были выше, чем в развитых капиталистических странах.
- 2) В развитии железнодорожного строительства, втягивающего по производственной цепочке в подъем другие отрасли.
- 3) В преобладании государственного участия в процессе инвестирования в те отрасли народного хозяйства, отдача от которых не может быть быстрой.
- 4) В использовании государственной финансовой системы в целях инвестирования.

Как проявились перечисленные стимулы в темпах промышленного развития России? Темпы промышленного развития России в период после завершения промышленного переворота были выше, чем в соответствующие периоды на Западе, но ниже чем в Японии. Так, если среднегодовой темп прироста промышленной продукции в Англии составил в 70-е годы XVII века – 30-е годы XIX века 3,0–4,0 %, во Франции в первой половине XIX века –2,0 %, Германии в 50–80-е годы XIX века 3,53 %, Японии конца XIX –

начала XX века –10,8 %, то в России в 1895 –1890 гг. он составлял 9,2 %.¹

Сравнение же данных прироста промышленной продукции России в одни и те же хронологические периоды (с 1860 по 1913 гг.) с другими странами, так же имеющие смысл для сопоставления экономической скорости соревнующихся в одно и тоже время государств, свидетельствует о большей неравномерности промышленного роста в России в сравнении с другими странами.²

Учитывая, что Россия в исследуемый период оставалась аграрной страной, для выяснения потенций ее роста важен динамизм сельскохозяйственного производства. По имеющимся данным о структуре народного дохода в период 1864 –1894 гг. среднегодовой темп сельскохозяйственной продукции был в 1,4 раза ниже, чем промышленной, а в период 1900 –1913 гг. в 1,2 раза. В целом же, по расчетам английского экономиста и статистика Мелхолла рост народного дохода России в период 1864 –1894 гг. составил 177,7 % (среднегодовой прирост 1,95 %). при этом рост чистой продукции сельского хозяйства –163 % (среднегодовой прирост 1,65 %), добывающей промышленности –180 % (среднегодовой прирост 2,0 %), обрабатывающей промышленности –215 % (среднегодовой прирост 2,6 %), торговли –183,9 % (среднегодовой прирост 2,05 %), транспорта –186,2 % (среднегодовой прирост 2,1 %). Дифференциация в темпах роста различных отраслей привела к изменениям в структуре народного дохода в период 1864 –1894 гг. в сторону роста отраслей обрабатывающей промышленности с 15,6 % до 18,9 %, торговли с 10 % до 10,2 %, транспорта с 10,3 % до 10,7 %, доля же сельского хозяйства упала с 35 % до 32,3 %. Опережающий рост промышленности в сравнении с сельским хозяйством, торговлей и транспортом был с одной стороны выражением прогрессивной тенденции, а с другой стороны в результате подобного опережения

¹ «Условия и факторы интенсификации общественного производства» М., ИЭ. Ротапринт, 1983 г., с. 129 –131

² Рассчитано по: Мендельсон Л.А. Теория и история экономических кризисов и циклов. М., Соцэкиз 1959 г., т. 2, с. 524

стали складываться диспропорции между развитием промышленности (и всей экономики в целом) и торговлей, а также транспортом.¹ Пропорция между промышленностью и сельским хозяйством (исчисленная по валовой продукции) по расчетам того Мелхолла составила 32,0 – 68,0 %. По расчетам русского статистика В.И. Покровского, которые Альб. Вайнштейн, крупнейший специалист по истории народного дохода России, считает более достоверными, чем расчеты Мелхолла, для 1894 г. пропорция между промышленностью и сельским хозяйством составляла 21,3:73,2.² Для сравнения приведем данные различных источников, использованных Фернаном Броделем в книге «Время мира», по которым в Англии продукция промышленности превзошла продукцию сельского хозяйства к 1811 – 1812 гг., во Франции не ранее 1885 г., в Германии к 1865 г., в США к 1869 г. Таким образом можно очевидно утверждать, что в 90-е годы XIX века Россия не достигла того соотношения между промышленностью и сельским хозяйством, которое характеризует прочное вступление в индустриальную стадию развития, но вышла из периода чисто феодальной структуры, когда это соотношение, по мнению, того же Броделя составляет порядка 17:83.³

Для исследования динамики и структуры народного дохода в 1900 – 1913 гг. мы использовали статистические данные С.Н. Прокоповича, которые не сравнимы с данными Мелхолла для предшествующего периода (1864 – 1894 гг.), но вполне пригодны для выводов внутри периода. Расчеты Прокоповича интересны в связи с тем, что выполнены как в текущих ценах, так в сопоставимых ценах 1900 г. Это позволяет вычленить в росте народного дохода рост, обусловленный повышением цен, и рост, обусловленный динамикой занятых и динамикой производительностью труда. За период 1900 – 1913 гг. рост народного дохода составил 179,4 % (среднегодовой прирост 4,6 %), из них – 128,7 % (среднегодовой прирост 1,95) было обусловлено ростом цен, 119,1 % (среднегодо-

¹ Вайнштейн А. Народный доход России и СССР М., Наука 1969 г., с. 46, 52-54, 70, 7. 46

² Там же.

³ Фернан Бродель «Время мира» Перевод с французского М., Прогресс, 1992 г., с.

вой прирост 1,35 %) –ростом численности занятости, 117,1 % (среднегодовой прирост 1,2 %) –ростом производительности труда.¹

Рост цен по отраслям народного хозяйства был дифференцированным, что вызвало отличие структуры народного дохода по стоимости и по физическому объему. Рост цен в сельском хозяйстве был наивысшим и составил за исследуемый период –141 %, в промышленности 113 %, в строительстве –120 %, в торговле –124 %. Соотношение между наивысшим ростом цен в сельском хозяйстве и наименьшим в промышленности составило 1,2 раза. В связи с этим значительны различия в структуре физического объема народного дохода и по стоимости. Доля сельского хозяйства в текущих ценах в 1913 г. по сравнению с 1900 г. возросла с 45,4 % до 47,7 %, а в сопоставимых уменьшилась до 43,6 %. Доля промышленности возросла в текущих ценах незначительно: с 21,3 % до 21,7 %, а в сопоставимых до 24,9 %. Соотношение между промышленностью и сельским хозяйством составляло в 1900 г. 31:69, в 1913 г. в текущих ценах 32:68, в сопоставимых 36:64. Сравнение приведенных соотношений свидетельствует, очевидно, о том, что высокие издержки производства в сельском хозяйстве тормозили развитие промышленности. Что же касается транспорта и связи, то рост их доли и в текущих (с 8,1 % до 8,9 %) и в сопоставимых (до 8,8 %) был опережающим в сравнении с ростом промышленности и сельского хозяйства.²

На 1 % роста промышленности и сельского хозяйства приходилось 1,06 роста транспорта, и связи, т.е. в этой области проходило прогрессивные изменения. Прогрессивным изменениям в структуре народного дохода способствовал и опережающий рост строительного дела и торговли в сравнении с промышленностью и сельским хозяйством. Но несмотря на растущий динамизм народного дохода, среднегодовой темп которого составлял для 1864 – 1894 гг. –2 %, для 1900 –1913 гг. –2,6 % и прогрессивные изменения в его структуре, уровень народного дохода на душу населения

¹ Вайнштейн А. Народный доход России и СССР М., Наука 1969 г., стр. 46, 52-54, 70, 7, 46.

² Там же.

в сравнении с развитыми странами оставался низким: он был в 1,6 раза ниже, чем в мире в целом, в 4,6 раза ниже, чем в развитых капиталистических странах, в 6,6 раза ниже, чем в США, в 4,4 раза ниже, чем в Западной Европе, в 4,9 раза ниже, чем во Франции и Германии, Великобритании, и в 2 раза ниже, чем в Японии.¹ Значительное отставание России по показателю народного дохода на душу населения от других стран среди прочих факторов определяются более быстрыми, чем в этих странах темпами роста населения и крайне неустойчивым ростом народного дохода. Если в период 1860–1910 гг. –прирост населения только Европейской части России составил 90,8 %, то Европы без России –44,3 %, в т.ч. Англии (включая Уэльс, Шотландию и Ирландию) –54,8, Германии –72,2, Франции –10,6.² Неустойчивость роста народного дохода характеризуется такими данными. За 60 лет (1857–1917 гг.), по которым есть статистические данные, 20 лет были годами резкого снижения народного дохода (от 15 до 25 %), еще 10 лет снижения народного дохода (до 15 %) и только половина (30 лет) была периодом его роста.³ Неустойчивость роста народного дохода определялась влиянием неурожайных лет, войн, эпидемий уносивших производителей народного дохода.

До сих пор мы рассматривали отраслевую структуру народного дохода. Для выяснения макроэкономических тенденций важно и распределение народного дохода на фонд потребления и фонд накопления. Приведем здесь расчеты П. Грегори за 1894–1913 гг. по структуре народного дохода с разбивкой по следующим периодам: 1894–1898, 1899–1903, 1904–1908, и далее по годам до 1913 г.: –В период экономического спада и депрессии 1899–1903, 1904–1908 гг. доля внутреннего накопления значительно снижалась. Снижение в целом за два периода составило 3,1 процентных пункта, что в сравнении с уровнем накопления в абсолютном выражении составляет порядка трети его фонда.

¹ Бор М.З. История мировой экономики. М., Изд. «Дело и сервис», 1998 г., с. 248

² Рашин А.Г. «Население России за 100 лет» М., Гос. стат. издат., 1956 г., с. 48

³ Миронов Б.Н. Экономический рост и образование в России «Отечественная история» № 4-5. 1994 г., с. 124-125

- Рост доли внутреннего накопления начался одновременно с подъемом в 1909 году. Но подобный рост не был устойчивым. После значительного всплеска в 1910 г., когда норма накопления составляла 14,8 %, началось ее систематическое падение, вплоть до 10,8 % в 1913 г., что было значительно ниже уровня периода подъема 1898 –1899 гг., когда она составляла 12,4 % в народном доходе.

- Наличие в структуре народного дохода графы «отток за границу» позволяет выяснить соотношение между внутренним накоплением и оттоком за границу. Оно составляло: в 1894 –1898 гг. – 88:12, в 1899 –1903 гг. – 87,2:12,8, в 1904 –1908 гг. – 89,4:10,6, 1910 г. – 92,5:7,5, 1911 г. – 91,4:8,6, 1912 г. – 87,5:12,5, 1913 г. – 80:20.¹ То есть можно утверждать, что в периоды сокращения инвестиционных потенциалов внутри страны этот процесс усугублялся оттоком капитала за границу.

Наращивание инвестиционного потенциала в России при существующем ее месте в мировом разделении труда могло осуществиться в основном за счет развития отечественной промышленности. Действительно, при удельном весе населения России в мире в 1909 –1913 гг. в 7,8 %, ее доля в мировом производстве зерна составляла 25 %, а в мировом промышленном производстве –4,2 %.² В формировании промышленного производства чрезвычайную роль в России сыграли такие факторы, как концентрация производства и государственное инвестирование неэффективных по краткосрочным критериям производств.

Более высокая, чем в других странах, концентрация производства в России объяснялась структурой производства и структурой рынка. В структуре промышленного производства преобладало производство сырых, полуобработанных и массовых товаров, которые по своим технологическим свойствам тяготеют к концентрации. Структура рынка определялась тем, что он работал в основном на одного покупателя – государственную казну. На усиление концентрации действовало и региональное размещение промышленного производства. Российская промышленность была сосредоточена в

¹ Россия 1913 г. Ст.-док. справочник С.-Петербург 1995 г. с. 36

² Гусейнов Р. «История экономики России» Новосибирск ЮКЭН 1998 г., с. 249

нескольких центрах, удаленных друг от друга. В каждом же районе конкуренция тормозилась небольшим количеством предприятий, одинаковыми условиями сбыта и доставки сырья, равной оплате труда рабочих.

Форсирование строительства железных дорог в 70-е и 90-е годы повлияло на народнохозяйственную структуру и темпы роста в сторону роста доли отраслей тяжелой промышленности в общем объеме промышленного производства, и убыстрения развития всего народного хозяйства в целом. Железные дороги оказали преобразующее воздействие и на развитие товарного обращения, вовлекая в рыночные связи ранее не вовлеченные районы.

Государственное инвестирование неэффективных, по краткосрочным критериям, производств позволило, во всяком случае в конце 90-х годов обеспечить народнохозяйственную эффективность часто в ущерб отраслевой и производственной. В конце 90-х гг. государственная финансовая система благодаря протекционистскому тарифу 1891 г. и реформе Витте смогла сконцентрировать в своих руках средства необходимые для компенсации неэффективного производства.

Однако действие всех перечисленных стимулов экономического роста менялось во времени превращаясь из ускорителей развития в ограничители. Для объяснения подобных превращений полезно рассмотреть конкретные условия экономических подъемов в 70-е, 90-е годы XIX века и периода 1909 – 1913 гг.

В 70-е годы также как и в 90-е подъем выразился в значительном росте железнодорожного и промышленного строительства, но подъем 70-х годов был основан на потреблении иностранных полуфабрикатов и иностранных металлов. Незрелость добычи минерального топлива, выплавки черных металлов, производства строительных материалов стало основным препятствием динамичности развития промышленности в этот период. На внутреннюю структуру промышленности 70-х годов решающее воздействие оказывало преобладание потребления древесного топлива. Эта же причина определяла расположение фабрик и ограничивала их размеры. Рост добычи нефти и угля в 80-90-е годы изменил структуру

топливного баланса России в сторону уменьшения в нем доли дров. В наибольшей степени упала доля дров в потреблении топлива железными дорогами с 43 % в 1887 г. до 24 % в 1900 г. В общем балансе потребления топлива в этот период доля дров упала с 56,2 % до 29,8 %. Минерализация топливного баланса осуществлялась в первую очередь за счет роста добычи нефти, которая выросла за период с 1885 по 1901 г. в 6,07 раза.¹ Если до этого периода Россия вывозила нефть и основной продукт нефтеперерабатывающей промышленности керосин, то к 1890 г. русский керосин не только вытеснил импортный и удовлетворил внутренний рынок, но стал поступать на внешний рынок. Полному вытеснению американского керосина с отечественного рынка способствовал тариф 1891 г., по которому на продукты перегонки нефти вводилась по существу запретительная пошлина – один рубль золота с пуда. К концу XIX века главными нефтеперерабатывающими странами стали Россия и США. Во второй половине 90-х годов российская промышленность лидировала, но это лидерство изменилось к 1903 г. в пользу США. Одной из причин потери лидерства Россией стал экспортный кризис нефти, при слабом развитии внутреннего рынка. Темпы прироста потребления керосина в России к началу XX века (3,6 %), отставали от темпов прироста добычи (6,8 %) и темпов прироста экспорта (6,0 %). На экспортный кризис повлияло тот факт, что большинство развитых стран к началу XX века строили свою энергетику преимущественно на угле. Российская же энергетика широко использовала мазут, побочный продукт перегонки нефти в керосин. Спрос на мазут стимулировал производство керосина, но внутренний рынок керосина развивался медленно из-за высоких цен, определяющую часть которых формировал акциз. Монополизация нефтяной промышленности стимулировала рост цен, что вызывало потребность в сбыте керосина. Уменьшение спроса на него за границей в начале XX века вело автоматически к сокращению производства мазута и отрицательно влияло на энергетику стран. Изменение роли жидкого топлива в энергетике России изменило спрос на его заменители, и в первую очередь на каменный уголь.

¹ Кищенко Л. Б. Эволюция промышленного производства России. М., Эпифания, 1994 г., с. 30, 236

Рост добычи каменного угля в 2,7 раза в последнее десятилетие XX века и еще в 2,2 раза в 1900 — 913 гг. не привел к полному удовлетворению потребности России в этом виде топлива. Россия прибегала к импорту угля из Германии и Англии, который правда систематически снижался в общем объеме его потребления с 22,2 % в 1880 г. до 13,1 % в 1914 г. Причиной импорта была не только его недостаточная добыча внутри страны, но и расположение и качество отечественного угля. Основными из разрабатываемых месторождений в тот период были Донецкий и Домбровский бассейны, на них приходилось 9/10 всей добычи угля. Донецкий расположен на юге России, Домбровский в Царстве Польском. Использование собственного угля во многих регионах страны было нерентабельно, из-за громадных расстояний от места добычи до места использования.¹ Например, провозная плата стоимости английского угля поставляемого морем в Петербург равнялась 5-7 коп. с пуда, а Донецкого для Петербурга — 14 коп. Что же касается Домбровского бассейна, то там добывался уголь особого свойства, неспособный к коксованию, что ограничивало возможности его использования. По этим причинам политика ограничения импорта имела объективные границы.

Изменения в топливном балансе выразились и в расширении потребления торфа. В целом же результатом реконструкции отечественного теплоснабжения стало резкое увеличение доли минерального топлива во всем техническом потреблении страны с 46,1 % в 1887 году до 70,2 % в 1900 г. В том числе в промышленном потреблении с 26,7 до 37,9 % соответственно.²

Наряду с проблемой минерализации топливного баланса, перед Россией в 70-80-е годы стояла проблема обеспечения страны металлом, незначительный уровень производства которого стал основным препятствием индустриализации страны. Хотя доля ввоза металла во внутреннем потреблении систематически падала с 64,6 % в 1870 г. до 41,5 % в 1885 г., зависимость от импорта все же

¹ Измestyева Т.Ф. Россия в системе европейского рынка конца XIX — начала XX века. М., МГУ, 1991 г.

² Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М., Эпифания, 1994 г., с. 30, 236

остается определяющим фактором развития. В первой половине 90-х годов XIX века начинается невиданный ранее рост добычи железной руды, производства чугуна и стали. Общий прирост в первое пятилетие 90-х годов составил: производства чугуна – 63,9 %, добычи руды – 54,9 %, а во второй половине 90-х гг. эти показатели составили 121,9 % и 110,3 % соответственно. Столь быстрое развитие базы металлургического производства способствовало тому, что уже к 1900 г. 86 % потребляемого металла давала отечественная промышленность. Для сравнения, в 1870 г. – 35,4 %, в 1885 – 58,5 %.¹ Большая часть прироста железа и стали пошла на удовлетворение железнодорожного спроса, определяемого проведением в последнее десятилетие XIX века 22674 км новых железнодорожных линий. Спрос со стороны железнодорожного строительства определил и динамику двух других важнейших отраслей тяжелой промышленности: металлообрабатывающей, продукция которой возросла с конца 80-х до конца 90-х годов XIX века почти в три раза, и транспортного машиностроения. Производство вагонов и паровозов в этой отрасли возросла за названный период более чем в семь раз. К началу XX века внутренняя потребность в железнодорожном подвижном составе почти полностью удовлетворялась внутренним производством. Высокими темпами развивались и те производства машиностроения, которые выпускали виды машин и механизмов для промышленных целей – паровые котлы, клепаные изделия, стропила, баки. Потребность в этой продукции к началу XX века удовлетворялась собственным производством. Что же касается потребности в специальных производственных машинах и орудиях, то она почти полностью в 90-х годах удовлетворялась иностранным ввозом. Отечественное производство ограничивалось наиболее простыми по конструкции и тяжелыми по весу машинными частями и машинами. В целом же тяжелая промышленность в 90-е годы XIX века развивалась значительно быстрее, чем в таких развитых капиталистических странах, как Англия, Франция, Германия в соответствующие российский периоды индустриализации, но продолжала значительно отставать от

¹ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М., Эпифания, 1994 г., с. 30, 236

них по абсолютным объемам продукции тяжелой промышленности на душу населения и прогрессивности ее структуры в смысле соотношения добывающих отраслей и отраслей машиностроения. Но 90-е годы заложили основу прогрессивных изменений, которые выразились в систематическом росте производительности труда в тяжелой промышленности, снижении себестоимости ее продукции и понижении цен. Если численность рабочих в последние 13 лет XIX века возросла на 95,9 %, стоимость валовой продукции в фактических ценах на 260,30, то физический объем по подсчетам Л. Б. Кафенгауза на 385,0 %, т. е. произошло снижение цен в 1,5 раза.¹

Динамичность и структура тяжелой промышленности во многом определялась казенными заказами. Что же касается легкой промышленности, то спрос на ее продукцию формировался доходами широких групп населения, которые росли крайне медленно. Не было у легкой промышленности и другого стимула роста тяжелой промышленности – вытеснения иностранных товаров, которое произошло для легкой промышленности до середины 80-х годов XIX века. В этих условиях рост легкой промышленности (по методологии того времени включала и пищевую) обеспечивался всецело и за счет более быстрого развития крупной промышленности в сравнении с домашней и кустарной. Основным ограничителем подобного развития выступала отечественная сырьевая база, зависящая от динамики сельского хозяйства, и мировые сырьевые рынки, на которых в изучаемый период наметилась тенденция роста цен. Подобные ограничители в наибольшей степени сказались на замедленных, в сравнении с другими подотраслями легкой промышленности, темпах роста текстильной промышленности и кожевенного производства. Что же касается динамики пищевкусовой промышленности, то она обеспечивалась изменением структуры в сторону роста продуктов городского потребления – сахара, табака, подсолнечного масла. В целом же рост легкой и пищевой промышленности составил 78,7 % за период 1887-1900 гг., т. е. был в 3,3 раза ниже, чем в тяжелой промышленности. Подобное соотношение изменило как удельные веса легкой и тяжелой промышленно-

¹ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России» М., Эпифания, 1994 г., с. 30, 236.

сти в общем объеме стоимости промышленного производства, так и его внутреннюю структуру. Доля тяжелой промышленности возросла с 30,10 в 1887 г. до 46,5 % в 1900 г.

Значительными были и изменения во внутренней структуре промышленного производства: более чем в 6 раз возросла доля топливной промышленности (с 1,3 % в 1887 г. до 7,9 % в 1900 г.), росли доли таких отраслей как химическая, металлическая, силикатная; упали доли таких отраслей как рудная, пищевкусовая, кожаная, текстильная; стабильной оставалась доля бумажной промышленности. Как повлияли эти изменения на макроэкономическую структуру и прежде всего долю накопления в национальном доходе, обеспечивавшую инвестиционную активность экономики? По расчету П. Грегори доля внутреннего накопления (инвестиций) начиная с 1899 г. падала, также как доля правительственных расходов. Хотя для уверенных выводов необходимы данные за предшествующий период, все же очевидно можно предположить, что внутрипромышленные структурные изменения повлияли за счет преимущественного роста топливных отраслей в основном на изменения структуры валового общественного дохода (чистого продукта). Что же касается национального дохода (чистого продукта), то здесь не произошло сдвигов, обеспечивающих инвестиционную активность экономики. Подобные сдвиги произошли в период кризиса и депрессии и были реализованы в годы предвоенного подъема (1909-1913 гг.), но они не были устойчивыми. Для выяснения причин данного явления обратимся к условиям предвоенного подъема и их отличиям от условий подъема 90-х годов XIX века. Кризис и затянувшаяся депрессия начала XX века в силу русско-японской войны и революции 1905 г. повлияли на основные факторы подъема 90-х годов: железнодорожное строительство и приток иностранных капиталов в сторону их резкого снижения. В связи с этим резко сократился спрос на продукцию тяжелой промышленности. Спрос же на продукцию легкой промышленности формировался под влиянием известного роста доходов сельского населения. В результате произошли значительные изменения в структуре промышленности. В тяжелой промышленности вырос только удельный вес топливной промышленности, деревообрабатывающая и химическая промыш -

ленность не меняют свой удельный вес, резко падает удельный вес рудной, металлической и силикатной отраслей. Увеличивается удельный вес большинства отраслей легкой промышленности: в наибольшей степени растет удельный вес пищевой и текстильной отрасли. В целом доля легкой промышленности в валовой продукции промышленности растет с 53,5 % в 1900 г. до 60,1 % в 1908 г. Таким образом, эпоха кризиса привела к смягчению диспропорции между легкой и тяжелой промышленностью, которая сложилась в конце 90-х годов XIX века.

Начавшийся в 1909 г. подъем был вызван возросшими внутренними ресурсами страны. Накопление капиталов началось в период длительной промышленной депрессии, но, не находя выхода в промышленной деятельности, шло в кредитование торговых оборотов и на развитие оборотных средств. Данные о росте вкладов в акционерные коммерческие банки с 547,9 млн. руб. на конец 1900 г. до 813,0 млн. руб. на конец 1908 года свидетельствуют о росте внутреннего накопления. Как считает известный специалист промышленной динамики Л. Б. Кафенгауз, к концу периода депрессии значительное количество свободных капиталов находилось в ликвидном состоянии и значительно превышало необходимый для нормального развития минимум оборотных средств. Нужно было лишь изменение экономической конъюнктуры для направления этих средств на промышленной строительство. Такие изменения начались с 1909 года и были вызваны высокими урожаями за весь пятилетний период, предшествующий Первой мировой войне (кроме 1911 г.), и высокими ценами на хлеб на мировом рынке, что вызвало рост ценности российского экспорта. Росла и выручка от реализации продукции сельского хозяйства внутри страны, и, соответственно, увеличивалась емкость внутреннего рынка, рос спрос на предметы крестьянского потребления. Росли доходы и городского населения. Более равномерный в период предвоенного подъема по сравнению с подъемом конца 90-х гг. рост инвестиций позволили обеспечить более равномерное развитие всех отраслей промышленности, но все же не ликвидировал диспропорцию между развитием отраслей топливного комплекса и всей промышленностью в целом. Сравнение темпов прироста физического объема продукции отраслей тяжелой промышленности свидетельствует о

том, что они в период подъема 1909-1913 гг. были ниже, чем в конце 90-х годов XIX века в 1,1 раза: в каменноугольной промышленности в 1,9 раза (среднегодовой темп 14,9 % и 8,0 % соответственно), в нефтедобывающей промышленности в 10,6 раза (среднегодовой темп 10,6 % и 1 % соответственно), в химической темпы отличались незначительно (11,7 % и 11,3 %), в силикатной в 1,3 раза (22,8 % и 18 %), в металлической в 1,5 раза (17,1 % и 11,7 %).¹ Более медленный темп роста тяжелой промышленности в целом в период предвоенного подъема (1909-1913 гг.) по сравнению с периодом 90-х годов XIX века сопровождался совершенствованием внутренней структуры тяжелой промышленности – возросло производство более ценных и сложных полуфабрикатов и изделий за счет более сложных видов перегонки угля и нефти, сложных видов металлообработки, тонкой химии. В результате предвоенного подъема отечественная промышленность вышла на более высокий качественный уровень. Доля тяжелой промышленности в валовой продукции всей промышленности возросла с 39,9 % в 1908 г. до 47,0 % в 1913 г.²

Что касается легкой промышленности, то в оценке ее динамики существуют разные подходы. Первый, наиболее полно представленный в работе Л. Б. Кафенгауза «Эволюция промышленного производства России» (переизданной в 1994 г.), заключается в том, что динамика легкой промышленности подчинялась тем же влияниям циклического развития, что и тяжелая. Меньший спад в период кризиса и депрессии и меньший рост в периоды подъема не противоречат цикличности колебаний. Второй подход, представленный в работе С. Зака «Промышленный капитализм в России»³ опирается на другую, чем у Кафенгауза, классификацию промышленности, а именно делит ее на две группы: производства, обслуживающие массовое потребление, и производства, имеющие целью потребление капиталистическое и государственно-общественное. Первую группу С. Зак разделяет на две подгруппы: на производст-

¹ Бор М. З. История мировой экономики, с. 248

² Россия 1913 г. Ст. – док. справочник. СПб., 1995. с. 36

³ Зак С. Промышленный капитализм в России. Пг. 1917. Переиздан в приложении к Туган-Барановский М. И. «Избранное». Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., Наука, 1997. с. 138

ва, отвечающие общему спросу, и производства, отвечающие спросу состоятельных групп населения. Из второй группы следует по классификации Зака выделить производства продукта, которые не только имеют свои собственные рынки сбыта, но и борются за рынки сбыта с другими производителями. Циклическое развитие, как признак капиталистического производства, проявилось в конце XIX – начале XX века прежде всего в отраслях, работающих на государственно-общественное и капиталистическое потребление, а также потребление высших по материальному достатку слоев городского населения. Что же касается производств, работающих на массового потребителя, то цикличность как признак капиталистического производства не стала основным фактором его развития.

Оценивая изложенные подходы, следует подчеркнуть значительность статистических классификаций для общих выводов о степени развития капитализма в России. На наш взгляд, на современном уровне их разнообразия можно утверждать, что технико-экономическая и структурная организация российского производства к началу Первой Мировой войны была значительно более разнообразной, чем в странах развитого к тому времени капитализма (Англия, Франция, США, Германия). Такая ситуация определялась комплексом обстоятельств, разделение которых на причины и последствия затруднена тем, что на длительном отрезке времени они менялись местами. В частности, это относится к соотношению между технико-экономическим разнообразием производства и финансовой системой России. Исчерпывающую характеристику типа финансовой системы России дал И.Ф. Гиндин в работе «О вариациях и национальных разновидностях финансового капитала», где он выделяет два типа финансово-капиталистического сращивания. При первом господствуют банковские интересы, при втором – промышленные. Типичная форма первого типа сращивания банка с группой предприятий из различных отраслей, часто отвечающих принципам производственного комбинирования, потому что сращивание идет по линии банковских интересов. Технико-экономическое разнообразие производства и, соответственно,

потребности инвестирования, на наш взгляд, во многом определяли вертикальный характер первого типа сращивания. Типичная форма второго типа – капиталистический концерн, включающий в свой состав, как подчиненную часть, один или несколько банков. Здесь явно преобладают промышленные интересы. Второй тип был характерен для Англии и США. Первый – кроме России был характерен для Германии и Австрии. Наиболее значительная гегемония банковских интересов наблюдалась в России и Австрии, где развитие капитализма отставало от Германии. В Германии после Первой Мировой войны, особенно в 20-е годы, в результате развития горизонтальных связей сращивание промышленного и банковского капитала эволюционизировало в сторону второго типа. В России же технико-экономическая разнородность стала одним из факторов развития первого типа. Подобный тип сращивания, основываясь на технико-экономических диспропорциях, со временем становится их генератором, причины и следствия меняются местами. Банки, срачиваясь с государственной властью, экономическая сила которой связана с управлением разнородными по степени включенности в рыночные отношения частями экономики действуют в сторону генерирования диспропорций. Последнее связано с тем, что прибыли банков тем выше, чем значительней экономические диспропорции. Особенность России заключается в том, что развитие монополий изначально как государственных монополий началось в условиях макроэкономических диспропорций, устранение которых с помощью совершенной конкуренции было невозможно, в силу отсутствия последней как стадии развития капитализма.

Исследование взаимосвязи между типами монополий и сложившейся, а так же желательной структурой экономики чрезвычайно актуально в современных условиях, когда проблема структурной перестройки и ее финансирования не может быть решена вне государственного регулирования, границы которого во многом определяются степенью монополизации экономики. Определение направления желательных изменений в структуре экономики должно опираться на знание исторически сложившихся проблем диспропорций, которые сложились в основном к Первой мировой войне. Они заключались в:

- бедности населения, которая сдерживала развитие рынка и индустриализации;
- неустойчивости тенденции к индустриализации, ее зависимости от колебаний цен на сельскохозяйственную продукцию на внешнем рынке;
- диспропорциональности между развитием промышленности и инфраструктуры производства;
- зависимости индустриализации от развития военно-промышленного комплекса.

РОССИЙСКОЕ ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Вступление России в I мировую войну закономерно привело к существенным изменениям в функционировании отечественной промышленности. В течение второй половины 1914 г. и первой — 1915 г. произошли значительное сокращение производства в ряде отраслей, отчасти под влиянием мобилизации рабочих, отчасти под влиянием сокращения снабжения сырьем и топливом, частью под влиянием естественного сжатия рынка.

Важным фактором, оказавшим существенное влияние на состояние российской промышленности стало то, что военные действия сразу отрезали страну от Польского и Прибалтийского промышленных районов. Кроме того, деятельность промышленных предприятий, прилегавших к фронту в районах западных губерний и Прибалтики оказалась парализованной. По данным Л.Б.Кафенгауза, предприятия, оказавшиеся в зоне военных действий, выпускали в 1913 г. промышленных изделий на 1259,8 млн. руб., что составляло 17,4% общей промышленной продукции Российской Империи¹. Между этими районами и остальной территорией страны существовали тесные производственные контакты: Польша и Прибалтика играли значительную роль в производстве паровых котлов, двигателей, электромоторов, красителей, шерстяных тканей и целого ряда других важных для хозяйства страны товаров и полуфабрикатов. Одновременно западные регионы являлись потребителями большого количества промышленных изделий. Поэтому утрата производственных мощностей западных промышленных районов имела своим следствием значительное сокращение снабжения армии и населения промышленными товарами вскоре после начала военных действий.

¹ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России М., 1994, с. 172

В результате сложившейся ситуации казенные военные заказы в начале войны размещались очень неравномерно и с значительным опозданием. Только осенью 1914 г. такие крупные заводы, как Сормовский, Коломенский, Брянский и другие, начали готовиться к снарядному производству в большом масштабе: ими заказывалось за границей и в России необходимое оборудование, строились новые здания или прикупались целые заводы. Тем не менее, конец 1914 г. показал военному ведомству безнадёжность его планов в деле снабжения армии, и с 1915 г. началось размещение военных заказов на заводах услуги которых первоначально отклонялись. Тогда же были предприняты попытки размещения ряда заказов за границей, в том числе и в США, причем далеко не все заказы размещались в надежные руки. С февраля 1915 г. военным ведомством было принято решение о размещении военных заказов по производству снарядов на неспециализированных заводах, металлообрабатывающей промышленности, но дело шло весьма туго из-за неподготовленности заводов и технической косности военного ведомства.

Химическая промышленность и производство взрывчатых веществ, весьма слабо развитые в России, также испытали на себе напор запросов военного ведомства. Текстильная промышленность перешла на преимущественное производство тканей из хлопка и шерсти для военного интенданства. При этом, определенные затруднения возникли в результате изменения ассортимента продукции; преобладания тяжелых товаров и от изменения окраски выпускаемых в защитный цвет. Значительно увеличилась нагрузка на кожевенное и шорно-амуничное производства. Таким образом, почти весь первый год войны можно характеризовать, как период частичного, постепенного и, в общем, запоздалого приспособления промышленности к военным заказам, приспособления, наиболее глубоко коснувшегося химической и отчасти металлообрабатывающей промышленности и, хотя и в меньшей степени — остальных отраслей.

Вторым важным обстоятельством, повлиявшим на состояние отечественной промышленности в годы войны стало прекращение внешнего товарообмена по Западной и Черноморской гра-

ницам, через которые поступал основной объем импортных товаров. Важно отметить, что оборудование и средства производства для промышленности и технического хозяйства в мирное время в значительной части получались Россией из-за границы: в 1912 г. русское производство дало в этой области около 450 млн. руб., а иностранный ввоз — около 270 млн. руб. или 37% общей потребности. Оборудование транспорта было преимущественно отечественным, зато оборудование промышленности было преимущественно иностранным. Важнейший элемент, машины для промышленности, из общего потребления 1912 г. в сумме около 217 млн. руб. был покрыт на 58% иностранным ввозом¹.

Поскольку в течение всего военного времени иностранное сырье, полуфабрикаты и оборудование для промышленности ввозились главным образом, через Архангельск и Владивосток, а пропускная способность железных дорог, соединявших эти порты с промышленными центрами страны была ограничена, снабжение российской промышленности необходимыми компонентами производства было явно недостаточным. Об этом свидетельствуют данные следующей таблицы:

Таблица²

Ввоз в Россию товаров промышленного потребления в
1913-1917 гг. (в тыс. руб.)

Товар	1913	1914	1915	1916	1917
Каменный уголь	7758,0	4885,7	659,0	995,0	782,0
Кокс	973,1	539,2	4,5	17,3	16,3
Хлопчатая бумага (сырец)	196,9	173,7	139,0	77,5	31,0
Джут-сырец	44,8	26,3	5,9	3,6	9,9
Шерсть-сырец	55,5	44,5	21,0	9,1	6,2
Каучук-сырец	12,8	11,4	13,5	11,8	8,7
Металлы, кроме благородных	255,2	312,4	285,1	495,2	253,6

¹ Гриневский В.И. Послевоенные перспективы русской промышленности. М., 1919, с. 37

² Кафенгауз Э. Эволюция промышленного производства России. — М., 1994, АО «Астраселл», с. 173

Машины и аппараты	330,3	259,1	61,1	154,6	101,1
Химические и фармацевтические материалы	228,4	196,5	108,8	206,3	44,1
Краски и красильные вещества	55,7	35,7	13,4	22,3	10,5

При этом важно отметить, что количество товаров, в том числе металлов и машин, реально поступивших к потребителю в военные годы было значительно меньше приведенных здесь цифр. Вследствие трудности перевозки грузов, из прошедших таможенно товаров, а именно их число указано в таблице, лишь некоторая их часть попадала в реальное производство. Многие из привезенных во Владивосток и Архангельск товаров в течение нескольких лет лежали на таможенных складах и только после войны отечественные заводы получили возможность использовать запасы ввезенных в военный период сырья, металлов и станков.

Однако, наряду с этими отрицательными явлениями, в годы войны в развитии отечественной промышленности отмечаются и определенные позитивные тенденции. Так, по данным проф. Чернавского, затраты на расширение мощностей машиностроительных заводов с 1913 г. по 1915 г составили 350 млн. руб., вследствие чего производственная мощность отечественного машиностроения и металлообрабатывающего производства значительно возросла¹. Значительное развитие получила химическая промышленность. Весьма существенным фактором, способствовавшим увеличению объемов снабжения армии стали высокие урожаи технических культур в 1914 и 1915 гг.: свеклы, табака, масличных семян, льна и хлопка². Все эти обстоятельства оказались в состоянии смягчить кризис отечественной промышленности, вызванный

¹ Металлопромышленность республики и ее нужды. – М., Изд. Главного управления металлургической промышленности. 1921 г., с. 48

² Кефенгауз Л.Ф. Эволюция промышленного производства в России. – М., 1994, с. 175

войной и отодвинуть надвигающуюся катастрофу. Тем не менее, мобилизация русской промышленности осуществлялась в сложных условиях и с большим опозданием по сравнению с другими европейскими государствами.

Учитывая вышеприведенные факторы, попытаемся проследить общие тенденции в работе отечественной промышленности на оборону, в изменении в положения важнейших отраслей промышленности, численности занятых рабочих, оценить достигнутые технические и количественные результаты отечественного производства в годы I мировой войны.

Железнодорожное хозяйство

Главными причинами напряженности работы железнодорожной сети в военные годы и все возраставших для нее затруднений при обслуживании нужд страны стали особенности российского железнодорожного хозяйства, сформировавшегося в предвоенные годы: недостаточное развитие сети железных дорог; бессистемность железнодорожного строительства, несогласованного с экономической жизнью страны; политика экономии в расходах на железнодорожное хозяйство и стремление к максимальному получению прибыли от железных дорог.

Если сравнить степень обеспеченности железными дорогами России и ведущих иностранных государств, то оказывается, что мы в этом отношении занимали последнее место. На 100 квадратных километров пространства в канун войны приходилось железнодорожных сетей: в Бельгии — 16,0 км.; Англии — 12,0 км., Германии — 11,7 км., Франции — 9,4 км., Австро-Венгрии — 7,0 км., Италии — 6,2 км., Сев.-Ам. Соед. Штатах — 4,3 км., а в России только — 0,4 км. Бедность рельсовыми путями усиливалась еще и тем, что в то время, как иностранные государства имели от 40% до 60 % общей длины всей сети железнодорожных сетей в две и три колена, то для наших дорог этот процент в 1910 году составлял всего 27,2%¹. Подобное положение было связано с тем, что сеть железных дорог расширялась по мере возможности использования железнодорож-

¹ Михайлов И. Положение железнодорожного транспорта. // Народное хозяйство, 1919г., № 5

ных займов, казенных или гарантируемых казной. Иными словами, были деньги—железные дороги строились, не было денег—ожидали пока они будут.

Но не только по густоте железнодорожной сети мы занимали почти последнее место среди западно-европейских государств, но и в отношении технической оснащенности наши железные дороги не удовлетворяли современных требований. Этой технической отсталостью мы были обязаны, главным образом, той близорукой политике последних 10—15 лет, той неразумной экономии, которая так твердо проводилась Министерством путей сообщения. В то время, когда западно-европейские государства, учитывая значение железнодорожной сети для жизни страны, большую часть доходов от железных дорог направляли на их техническое улучшение и расширение сети, у нас, доход от эксплуатации железных дорог в бюджете 1914 года в смете доходов занимал второе по значимости место (первое занимал доход от винной монополии).

В погоне за повышением чистой доходности железных дорог всемерно сокращались эксплуатационные расходы, например, по перевозке балласта, что шло непосредственно в ущерб безопасности движения; сокращался расход на ремонт подвижного состава и особенно паровозов. Так, перед самой войной 1914 года была продана масса металлов и запасных частей от паровозов, а во время войны казна покупала этот же лом обратно по завышенным в несколько раз ценам. Таким образом, в мировую войну мы вступили совершенно неподготовленными к длительной, колоссально напряженной работе транспорта. Самый грубый подсчет показывал, что для полного использования пропускной способности наших главнейших магистралей и поддержания движения на боковых линиях, хотя бы в размерах движения 1913 года, недоставало 2.000 товарных паровозов и 80.000 товарных вагонов¹.

¹ Михайлов И. Положение железнодорожного транспорта. // Народное хозяйство. 1919г.. № 5

Война также внесла коренные изменения и в направления грузовых потоков. В армию, сосредоточенную на западной границе государства, были взяты миллионы земледельцев. И все то, что прежде они потребляли в своем хозяйстве, теперь пришлось для них закупать и к ним подвозить. При этом весь Сибирский район, в котором в 1914 году был хороший урожай, оказался отрезанным от Европейской России, так как пропускная способность обеих выходных магистралей из Сибири была занята. Точно так же были заняты военным ведомством и северные дороги. Помимо того, война потребовала дополнительного привлечения рабочей силы на военные заводы. Сотни тысяч мужчин и женщин двинулись из деревень и сел к городам, население городов стало возрастать с необычайной быстротой, и для них опять-таки нужно было подвозить продовольствие, а для заводов топливо и сырье, что существенно изменило направление грузопотоков.

Недостаток подвижного состава министерство путей сообщения пыталось компенсировать подъемной силы вагонов за счет простой замены трафарета сначала с 750 пуд. до 900, потом до 1.000 и, наконец, до 1.200 пуд. Но этого оказалось мало, подвижного состава все-таки не хватило. Пришлось принять меры к более интенсивному использованию паровозов и вагонов. Была установлена сменная езда на паровозах (так называемая американская, когда обслуживание паровоза осуществлялось не одной и той же паровозной бригадой - хозяином, а ближайшей свободной — с целью сокращения бесполезного простоя паровозов во время отдыха бригады - хозяина); удлинены сроки освидетельствования паровозных котлов; отменены, в отношении вагонов передаваемых с одной дороги на другую, требования, предусматривающие сохранность вагонов, а оставлены лишь условия, касающиеся безопасности движения и т. п. Результатом длительного применения этих облегченных условий при передаче вагонов, а также сменной езды на паровозах, явилась высокая изношенность подвижного состава уже в первые годы войны. В особенности, если принять во внимание, что и до войны от 20% до 25% всего наличного паровозного парка было в возрасте от 40 до 45 лет, а увеличение подъемной силы вагонов путем простой

замены трафаретов вызвало перенапряжение вагонов¹. В дополнение к сложившейся ситуации на железных дорогах в годы войны стал хроническим острым недостаток металлических запасных частей, так как вся производительность металлообработывающих заводов была занята исключительно заказами военного ведомства. Уже в течение первого года войны крайне обострился вопрос с рабочими руками, в особенности с квалифицированными рабочими. Потеря ряда крупных мастерских и основных депо с их мастерскими в западных районах еще более усложнила вопрос с ремонтом подвижного состава. Масштаб войны требовал, между тем все большего и большего напряжения от железных дорог, поскольку сосредоточение на фронтах огромного количества людей и лошадей, переброски их с одного фронта на другой, далеко превосходили все предположения, которые делались в этом отношении в мирное время.

При таком положении дел естественно, что продолжительная работа железных дорог, в условиях их технической и неподготовленности, при недостатке рабочих рук и материалов для ремонта, не могла не выразиться в постепенном ослаблении работоспособности всего железнодорожного транспорта. Появились зловещие признаки болезни, охватывавшей весь железнодорожный организм.

Так, годовое производство вагонов составило за 3 года (1914—1916) около 27.000 штук в среднем, т.е. около 60% производительной способности заводов. Годичное производство паровозов составило за те же 3 года около 700 штук в среднем, т.е. около 50% производительной способности, при чем в 1916 году из общего числа 576 паровозов— 2 южные заводы дали 60%, а остальные шесть - всего 40%. Такой результат надо приписать, прежде всего нелепой политике министерства путей сообщения, затем — крайним затруднениям в снабжении материалами и полуфабрикатами с юга заводов центра и севера страны. На создавшееся положение влияло также занятие значительной,

¹ Михайлов И. Положение железнодорожного транспорта. // Народное хозяйство. 1919г. № 5

а иногда преобладающей части производительной способности паровозо- и вагоностроительных заводов гораздо более выгодными военными заказами, начиная от вагонеток и полесвых паровозов, кончая станками и пушками. Проявление этой болезни особенно обострилось в 1917 г.: в то время, как еще в мае месяца 1916 г. железные дороги недогрузили против того же месяца 1916 г. 151.000 вагонов, в ноябре этот недогруз достиг уже до 350.000 вагонов, продолжая расти и в декабре месяце. Всего же на дорогах России за 1917 г. погружено вагонов менее предыдущего года примерно на 2.700.000, т.е. грузооборот страны уменьшился на 2,5 миллиарда пудов¹.

В результате к концу войны сложилось то катастрофическое состояние железнодорожного транспорта, которое наглядно видно из следующей таблицы:

Таблица 2²

**Состояние железнодорожного хозяйства России
в 1914-1919 гг.**

Годы	Эксплуатация длины сети в тыс. верст	Количество здоровых паровозов	% больных паровозов от общего их количества	% больных вагонов от общего их количества
1914	64	17 500	15-16%	3-4%
1915	65	16 500	15-16%	3-4%
1916	65	16 500	16,5%	3,3-5,4%
Декабрь. 1917	50,1	15 800	29,4%	7,1%
Декабрь. 1918	23,6	4 670	47,8%	16,6%
Декабрь. 1919	36,5	4 140	55,4%	17,2%

¹ Михайлов И. Положение железнодорожного транспорта. // Народное хозяйство, 1919г., № 5

² Михайлов И. Наши паровозы и вагоны. // Народное хозяйство, 1920 г., № 16

Металлургия и металлообрабатывающая промышленность

Годы в преддверии I мировой войны характеризуются необыкновенно сильным ростом русской металлургической промышленности. Под влиянием сильно возросшего спроса на ее продукты, как со стороны металлообрабатывающих заводов, так и других потребителей, выплавка чугуна и выделка железа и стали к 1914 году достигли весьма значительных размеров по сравнению со всеми предыдущими годами. Во время войны этот спрос, хотя и связанный с изменившимися потребностями, не только не уменьшился, а наоборот, значительно увеличился. Но целый ряд факторов способствовал сдерживанию производительности металлургических заводов.

Производство в стране (за исключением Царства Польского, которое из обзора исключено) чугуна, полупродукта и готового продукта в 1913 г. и в военные годы выражалось в следующих цифрах (в тыс. пудов):

Таблица 3¹

Годы	Чугун	Железные и стальные полупродукты	Готовое железо и сталь
1913	257,398	263,918	219,463
1914	249,324	272,424	223,800
1915	225,291	251,287	199,432
1916	231,786	260,888	206,033
1917	190,445	201,621	155,474

1913 год является рекордным для металлургической промышленности России. Производство чугуна за первую половину 1914 г. соответствовало уровню 1913 г., поэтому, общее понижение выплавки чугуна на 7% должно быть отнесено всецело на второе – военное полугодие. Что касается полупродукта и готового продук-

¹ Иванов А.И. Положение русской металлургической промышленности. // Народное хозяйство, 1919 г., № 9

та, то выпуск их даже несколько увеличился по сравнению с предыдущим годом: в первом случае на 3,2%, а во втором – на 2%.

1915 год даст значительное сокращение производства для всех трех видов основного продукта. Причины этого явления следует искать как в ухудшении качественного состава рабочих, происшедшем вследствие призыва в армию лучших работников, так и в изменившихся общих условиях, влияющих на производство.

В 1916 году снова наблюдается некоторое повышение производительности благодаря проведению ряда искусственных мер, к каковым надо отнести возвращение рабочих из армии и значительное увеличение общего числа рабочих на заводах, повышение цен и пр. Однако, уже с конца 1916 г. производительность заводов начинает резко падать, достигая низшего предела в феврале и марте 1917 г.

Если 1913 г. принять за 100%, то производство металлургической промышленности за пять лет представится в следующем процентном отношении:

Таблица 4¹

Годы	Чугун	Полупродукты	Готовые продукты
1913	100	100	100
1914	93	103,2	102
1915	87,5	95,2	91
1916	90	99	94
1917	74	76,4	70,8

Стоит обратить внимание также на изменение на цен на продукты металлургического производства за годы войны. Максимальные и минимальные цены на некоторые виды чугуна и железа, по данным «Бюллетеня Харьковской каменноугольной и железоторговой биржи» и «Бюллетеня Екатеринбургской товарной и горнопромышленной биржи», изменились следующим образом:

¹ Иванов А.И. Положение русской металлургической промышленности. // Народное хозяйство. 1919 г., № 9

Таблица 5¹

	Копейки за пуд			
	1913	1914	1915	1916
А) Харьков				
Чугун литейный	69-72	73-74	90-115	130
Чугун предельный	64-66	66-68	77-80	125
Железо сортовое	149-158	159-163	220	230
Двутавровые балки	146-159	153-167	215-224	220
Рельсы	112	112	132	132
Б) Екатеринбург				
Чугун литейный	75-80	-	-	140-145
Штыковой				
Чугун пере- дельный штыковой	72	-	-	135
Железо сортовое	140-180	152-192	-	280
Железо кровельное	222-237	247-252	300-390	440-455

Таким образом, за три года войны цены на чугун и железо поднялись почти вдвое, причем наиболее значительное увеличение цен произошло на Урале. Продажа готовых железа и стали все время держится на довольно высоком уровне благодаря интенсивному спросу на эти продукты со стороны обрабатывающих заводов и других потребителей, поддерживаемому преимущественно военными заказами. Исключение составляет 1917 год, когда разрушение транспорта и промышленности достигло колоссальных размеров.

Однако, несмотря на достаточно успешное развитие металлургической промышленности, страна постоянно испытывала острый металлический голод. Из-за высоких цен на металлургическую продукцию запасы чугуна, железных и стальных полупродуктов, готовых железа и стали по России в течение военного периода последовательно возрастали.

¹ По материалам статьи А. И. Иванова «Русская металлургия во время войны» // Народное хозяйство, 1919 г., № 10

Таблица 6¹

**Запасы чугуна, железа и стали в России на
металлургических заводах (в тыс. тонн)**

Годы	Чугун	Полупродукты	Готовые продукты
1913	29 736	8 874	20 796
1914	29 049	11 542	24 538
1915	30 611	11 455	28 677
1916	26 431	13 461	24 107
1917	36 616	18 204	25 973

Как видим, в 1913 г. запасы чугуна составляли 29 736 тыс. пудов, и до 1916 г. эта цифра незначительно то повышается, то понижается в зависимости от условий транспорта и общего состояния промышленности, однако уже в 1917 г. производство чугуна падает против 1916 г. на 16%, а запасы его возрастают на 31%, достигнув внушительной цифры 36 616 тыс. пудов. Еще хуже обстоит дело с полупродуктом, заготовленным в значительном количестве и, в силу разных причин, оставшимся на заводах. Запасы его к концу 1913 г. составляли 8 847 тыс. пуд., в 1914 и 1915 гг. поднялись до 11 542 и 11 455 тыс. пуд., а в 1917 г. достигли 18 204 тыс. пуд., увеличившись в два с лишним раза, или на 205%.

В целом, металлургическая промышленность, как видим, обнаруживала тенденцию некоторого сокращения производства и одновременно накопления значительных объемов невостребованной металлургической продукции.

Производство же оборудования, машин, орудий и двигателей, представляло весьма пеструю картину: целый ряд заводов развил старое производство, другие занялись этим производством вновь и поставили его на широкую ногу. Среди заводов, изготовивших каждый по несколько сот станков, можно назвать: Тульский оружейный, Ю. Штолле, братьев Бромлей, В. Грачев и К⁰ в Москве, Коломенский, Сормовский, Брянский,

¹ По материалам статьи А.И.Иванова «Русская металлургия во время войны» // Народное хозяйство, 1919 г., № 10

Людиновский, Крематорский и т. д.. Это производство, представлявшее из себя наиболее слабое и отсталое место русского машиностроения, выросло не только количественно, но и качественно. Многие заводы поставили производство по типу нормализованного или массового: Тульский оружейный завод, Ю. Штолле, технические школы, объединенные „Земгором", Краматорский, Сормовский и Брянский заводы строили станки весьма тонкие или сложные и давали лучший фабрикат, чем большинство скандинавских и иных военных импортеров. С двигателями дело обстояло гораздо хуже — первоклассные заводы, строившие дизели, перешли почти исключительно на работу для морского ведомства, другие также были загружены заказами, но могли исполнять их чрезвычайно медленно из-за недостатка материалов и прочего. Еще хуже стояло дело с производством машин и орудий прочих производств¹.

Снарядное производство, ранее почти неизвестное частной промышленности, получило значительное развитие. В центральном районе кульминационным месяцем был ноябрь 1916 г. — в нем было исполнено трехдюймовых снарядов по заказам генерала Ванкова на 40% больше, чем за весь 1915 г., к ним запальных стаканов на 300% больше, чем за весь 1915 г., и т. д.. Некоторые заводы, изготовившие за японскую войну 30.000 шт. снарядов выпускали свыше 1 миллиона штук в год. В 1915 г. рекордными цифрами производительности на станок в Московском районе были 7—10 шт. трехдюймовых снарядов; в 1916 г. рекордными цифрами были 22—25 штук, а в южном районе еще выше².

Значительные успехи были достигнуты в производстве взрывателей, которое в начале войны сдерживалось бедностью инструментальных средств, неподготовленностью рабочих и плохим качеством станков. Справиться с этими затруднениями удалось преимущественно организационными мерами: раздроблением обработки на самые элементарные операции и соответственной

¹ По материалам книги В.И. Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности», М., 1919, с. 37-44

² Там же.

подготовкой рабочих и инструментов. Ряд заводов освоили производство точных инструментов не только для себя, но и для продажи. Среди таких заводов можно назвать: казенные оружейные заводы, кампанию К⁰ Зингер в Подольске, Международную кампанию жатвенных машин в Люберцах, а также ряд других. Наконец, некоторые заводы, как Сормовский, весьма быстро поставили у себя труднейшее пушечное производство¹.

В дополнение ко всему, военные годы характеризуются существенным увеличением числа рабочих на металлургических предприятиях России.

Таблица 7²

Движение рабочей силы на металлургических заводах России в 1913-1917 гг.

Годы	Юг России	Урал	Подмо ск.рай- он	Приво лжск. район	Северн. район	Всего в России	Коли- чест- во заво- дов
1913	74080	74080	26875	12071	25716	212716	153
1914	80496	76670	27832	13180	30405	228583	148
1915	85558	86662	27373	17543	36715	253851	139
1916	107037	104887	35229	21464	41075	309692	145
1917	129952	133816	39616	23785	41643	386802	144

Как видим, процесс развития металлургической и металлообрабатывающей промышленности в России обладал весьма противоречивыми тенденциями. Вместе с тем, удельный вес металлургии в общем объеме промышленного производства по данным Л.Б.Кафенгауза также последовательно возрастал: по стоимости продукции с 20% в 1913 г. до 32% - в 1916 г. и по числу рабочих – с 20% - в 1913 г. до 32,4% - в 1916 г.³

¹ По материалам книги В.И. Гриневецкого «Послевоенные перспективы русской промышленности». М., 1919, с. 37-44

² Иванов А. Положение русской металлургической промышленности. // Народное хозяйство. 1919г., № 9

³ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М., 1994 г., с. 207

Каменноугольная промышленность Донбасса¹

Каменноугольная промышленность в 1923-1916 гг. работала со все возрастающей напряженностью, диктуемой условиями военного времени. Железные дороги, металлургические заводы, обслуживавшие военное ведомство, предъявляли усиленный спрос на топливо. Донецкие углепромышленники развили добычу угля до максимальных размеров. В итоге форсированной работы за эти три года было добыто 5.062 млн.пуд., против 4.067 млн. пуд. добычи предшествовавшего трехлетия, что составляло повышение на 24%. 1916 год, давший 1.751 м. пуд. добычи, был рекордным, дав самую большую добычу за все время существования Донбасса.

Вместе с тем, проблемы с железнодорожным транспортом не давала возможности вовремя вывозить готовую продукцию каменноугольных предприятий. С 1916 года стали быстро расти запасы угля на шахтах и рудниках. К 1917 году запасы увеличились в 2,5 раза по сравнению с нормальными запасами (на 1-е янв. 1914 г. запасов было 44,5 м. пуд., на 1-е янв. 1917 г.— 110 м. пуд.). Ситуация усугублялась расстройством технического оборудования шахт, месячная производительность которых из года в год падала. (Месячная производительность одного забойщика в 1913 г. была равна 3.550 пуд., в 1914 г.—3.358, в 1915 г.—3.000, в 2.825, в 1917 г.—2.300).

В итоге, форсированная добыча угля, расстройство железнодорожной отрасли и отсутствие мероприятий по технической реконструкции оборудования шахт, привели к резкому спаду производства в 1918 году, составившему 37,9% от продукции 1913 года.

Таблица 8²

**Добыча угля в Донецком бассейне
за 1913—1918 гг. (в мил. пуд.)**

¹ Материал подготовлен по изданию "Совместный съезд горнопромышленников Юга России". М., 1917, арх. док МФ РФХХIX-VIII, с. 30-58.

² Каменноугольная промышленность Донбаса. Стат.сб. — изд ГУКП. Донбас.

1913 г.	1914	1915	1916	1917	1918
1.560,15	1.683,78	1.626,58	1.751,25	1.510,0	541,0

Нефтяная промышленность России

Ситуация для развития русской нефтяной промышленности в годы войны складывалась неблагоприятно. Уже в 1914 г., частично захваченном войной, для сбыта нефтепродуктов были закрыты рынки Германии и Австрии и фактически стал, по обстоятельствам военного времени, невозможным экспорт в другие страны Западной Европы. Поэтому 1914 г. дает значительное уменьшение вывоза. В дальнейшем, после присоединения Турции к коалиции стран центральной Европы, прекратился экспорт через Дарданеллы, что привело к полной приостановке торговли с Западной Европой и Востоком, за исключением близко расположенных к нам Швеции, Норвегии, Финляндии, Персии, Афганистана и Китая.

Было вывезено: в 1913 г.— 57.814 тыс. пуд., в 1914 г.— 32.377 (55,8% от 1913 г.) и в 1915 г.— 4.739 тыс. пуд. (8,2%). Что касается 1916 и 1917 г.г., то данные об экспорте за эти годы имеются только по европейской границе. Так, в 1916 г. экспорт нефти и нефтепродуктов составил 2.534 тыс. пуд. (в т.ч. в Финляндию 2.239 тыс. пуд.), в том числе - керосина 1.622 тыс. пуд. и смазочных масел 222 тыс. пуд.¹

К 1917 г. влияние войны успело расшатать нефтяную промышленность во всех промысловых районах. Добыча неуклонно сокращалась, еще стремительнее падало бурение. Особенно отчетливо эти тенденции можно проследить в основном районе — Бакинском: за весь 1917 г. там было добыто всего 402 млн. пуд. нефти, то есть на 75 млн. пуд. менее, чем в предыдущем году. В частности на четырех главных площадях добыча 1917 г. понизилась до 262,5 млн. пуд., вернувшись к масштабу, бывшему в начале 90-ых годов прошлого столетия².

¹ Годзишевский З.Э. Русская нефть на мировом рынке. М., 1924. с. 54

² Нефтяная промышленность России за три года советской власти. М., изд. ВСНХ, 1920. с. 3

Основной причиной падения производства в нефтяной промышленности явился необычайный упадок бурения: достаточно указать, что на 4 главных площадях Бакинского района в 1917 г. было пройдено 23 тыс. саженей — почти втрое менее, чем в 1913 г.. Необходимые материалы для бурения вздорожали и их не хватало: импортное оборудование не заводилось, а изготовление отечественного нефтедобывающего оборудования вследствие перехода промышленности к работе на оборону, уменьшилось. Нефтедобывающая промышленность жила за счет основного капитала и не восстанавливала его, оборудование изнашивалось, ремонтные работы уменьшались или совсем приостанавливались. Такое положение объяснялось нежеланием нефтепромышленников вкладывать крупные денежные средства в буровое дело, дорогостоящее и оправдывающее затраты лишь через несколько лет. Нефтепромышленники не скрывали, что фиксация цен на нефть, осуществленная государством, ограничивая их прибыль и не давая возможности использовать полностью конъюнктуру рынка, парализует стимул к бурению. Понятно, что от заложения новых скважин они воздерживались, и в 1917 г. таковых было начато бурением только 77, против 319 скважин в 1913 г.. Параллельно сокращалось число производительных скважин. В 1913 году оно составляло на главных площадях около 3,5 тыс. скважин, а затем, постепенно уменьшаясь, дошло к концу 1917 г. до 2.730 скважин¹.

В Грозненском районе бурение также сокращалось. В 1913 г. здесь было пробурено около 29 тыс. сажен, а в 1917 г. — уже только 15 тыс. сажен. Зато добыча росла, и с 73 млн. пуд. в 1913 г. повысилась в 1917 г. до 108 млн. пуд.. Это увеличение происходило за счет „новой" площади, введенной в эксплуатацию только в 1913 г. и успевшей в 1917 г. дать более 30 млн. пуд. Производительность же промыслов „старого" района, наоборот, сокращалась².

Масштаб работы нефтеперерабатывающих заводов, определяемый размерами общей выработки за годы войны также неук-

¹ Годзишевский З.Э. Русская нефть на мировом рынке. М., 1924, с. 44

² Годзишевский З.Э. Русская нефть на мировом рынке. М., 1924, с. 45-46

лонно понижался. В 1917 г. из 54 нефтеперегонных заводов в Баку работало только 50%, при чем выработано было 220,7 мил. пуд. всех продуктов, т.е. на 100 млн. пуд. менее, чем в 1913 г.. При этом процессу количественного сокращения выработки сопутствовало и качественное понижение уровня бакинской нефтеперерабатывающей промышленности; происходило форсирование выпуска нефтяных остатков (мазута) за счет сокращения выработки квалифицированных продуктов—осветительных и смазочных масел. Для характеристики этого процесса показательны следующие цифры: выработка нефтяных остатков понизилась в 1917 г. против 1913 г. на 19%, тогда как выработка осветительных масел сократилась за тот же период на 26%, а смазочных масел даже на 60%. Вместе с тем, доля участия выработки нефтяных остатков — возросла. В 1913 г. эта доля составляла 48% общей выработки, а в 1917 г. повысилась до 65%¹.

В противоположность Баку, грозненские нефтеперегонные заводы в период мировой войны расширяли свое производство, и с 56,3 млн. пуд. в 1913 г. довели его в 1917 г. до 73,1 млн. пуд.. Однако, это расширение происходило за счет увеличения выпуска мазута, при одновременном сокращении выработки керосина и бензина.

Общие тенденции развития нефтяной промышленности России в годы войны представляет следующая таблица:

Таблица 9²

**Добыча нефти и выработка нефтепродуктов
за 1913—1918 г.г.**

Годы	Всего добыто млн. пуд.	В том числе		% от добычи 1913 г.	Выработано всех нефтепродуктов
		В Баку	В Грозном		
1913	561.3	467.0	73.7	100	376.4

¹ Там же, с. 48

² Нефтяная промышленность России за три года советской власти. М., изд. ВСНХ, с. 7

1914	556,3	431,1	98,4	99,1	338,8
1915	568,7	450,8	87,8	101,3	326,0
1916	602,1	476,9	102,7	107,3	320,0
1917	518,2	402,3	107,8	92,3	293,1
1918	232,9	192,3	25,2	41,0	73,9

Химическая промышленность

Химическая промышленность до войны была одной из весьма слабых групп, почти лишенной многих важных отраслей, например, обработки каменноугольных продуктов, производства фармацевтических веществ, искусственных удобрений и т.д. Крупная химическая промышленность по производству кислот и оснований, лишенная базы широкого и развивающегося потребления, также не обладала достаточной устойчивостью. Война своим чрезвычайным спросом взрывчатые вещества, для производства которых в России не хватало основных материалов, совершенно новой потребностью в средствах военной химической продукции, спросом на фармацевтические и иные продукты поставила перед российской химической промышленностью чрезвычайно трудные задачи. Было необходимо организовать целые новые отрасли, обработку продуктов каменноугольной перегонки, производство взрывчатых веществ, средств газовой борьбы, фармацевтических продуктов и т. д.. Вместе с тем, расширение ряда существующих и устройство многих новых предприятий осложнялось тем, что в мирное время оборудование для заводов химической промышленности шло преимущественно из-за границы, а заводы нередко обслуживались иностранными техниками.

К реальным результатам развития химической промышленности в годы войны можно отнести следующие. Вследствие усиленного строительства мощности сернокислотных заводов за годы войны возросла втрое: с 147,4 тыс. тонн моногидрата в 1913 г. до 442,4 тыс. тонн в 1917 г. Также возросли мощности заводов по переработке каменноугольной смолы¹. С целью удовлетворения потребностей пороховых заводов, наряду с развитием производства

¹ Фокин Л.Ф. Обзор химической промышленности в России. М., 1922, с. 46

серной кислоты, существенно расширилось производство азотной кислоты - оно увеличилось с 18,1 тыс. тонн в 1914 г. до 49,1 тыс. тонн в 1917 г. За время войны было построено 18 новых азотнокислотных заводов и оборудованы сернокислотные установки на 23 заводах. Также для военных нужд были оборудованы несколько новых заводов для выработки газообразного и жидкого хлора¹. В целом, с 1913 г. по 1916 г. валовая продукция всей химической промышленности возросла на 153 415 тыс.руб, или на 64,1%².

Однако у процесса милитаризации химической промышленности была и другая сторона. С отвлечением средств на развитие производств, вырабатывающих материалы и полуфабрикаты для взрывчатых веществ, сократилось производство кислот и солей для нужд текстильной промышленности. В этом отношении показательно сокращение соляной кислоты, сульфатов и суперфосфатов:

Таблица 10³

Производство соляной кислоты, сульфатов и суперфосфатов в России в 1913-1917 гг. (тонны)

Годы	Производство соляной кислоты	Производство суперфосфатов	Производство сульфата
1913	60 737	62 868	70 649
1914	42 376	31 647	41 033
1915	31 582	15 234	59 973
1916	39 263	13 645	49 010
1917	39 354	4 914	30 502

За годы войны также значительно сократилось производство содовых продуктов: выработка кальцинированной соды упала с 159 873 т. в 1913 г. до 101 307 т. в 1917 г., что отрицательно отразилось на всей легкой перерабатывающей промышленности.

¹ Там же

² Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России. М., 1994, с. 190

³ Там же, с. 191

В целом, в химической, как и в металлообрабатывающей промышленности, наряду со значительным развитием и расширением милитаризованного производства и с весьма существенным качественным подъемом его уровня, выпуск товарной продукции для обслуживания нужд невоенных потребностей экономики угрожало падал.

Текстильная промышленность

В текстильной промышленности, во многом переориентированной на выполнение военных заказов, произошли существенные изменения во внутренней структуре производства и ассортименте вырабатываемых товаров. Значительно возрос спрос на грубошерстные шерстяные ткани и суррогаты шерстяных тканей в виде тяжелых хлопчатобумажных и смешанных тканей. Также увеличилось производство грубых льняных, джутовых и брезентовых тканей. При этом выработка высококачественных ситцевых, шелковых и шерстяных тканей существенно снизилась, чему способствовало сокращение импорта высоких сортов хлопка, недостаток красителей и химических материалов для отделки пряжи и тканей. Совокупность всех этих причин привела к значительному понижению уровня качества, а соответственно и стоимостного уровня всей отечественной текстильной продукции, что наглядно демонстрирует следующая таблица:

Таблица 11¹

Прирост числа рабочих и валовой продукции в текстильной промышленности в 1913-1917 гг. (%)

Годы	Прирост рабочих в текстильной промышленности	Прирост валовой продукции в тыс. довоенных рублей
1913	100,0	100,0
1914	100,7	96,5
1915	102,7	99,5
1916	103,5	89,4

¹ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М., 1994. с. 200

1917	105,2	62,4
------	-------	------

Приведенные данные показывают систематическое снижение ценности произведенных тканей, что практически не было связано с сокращением общих объемов производства, но было обусловлено главным образом снижением их качества, уровня обработки и отделки.

Аналогичная ситуация была в целом характерна для всей российской легкой промышленности, о чем свидетельствуют следующие данные:

Таблица 12¹

Легкая промышленность России в 1913-1917 гг.

Годы	Всего			В том числе без винокуренного и пивоваренного производства		
	Число рабочих	Валовая Продукция		Число рабочих	Валовая Продукция	
		Тыс. руб.	%		Тыс. руб.	%
1913	1.116.987	2.526.171	100	1.050.744	2.349.063	100
1914	1.119.245	2.501.164	99,0	1.061.302	2.329.119	99,1
1915	1.121.874	2.525.165	99,9	1.087.564	2.460.962	104,8
1916	1.126.466	2.361.416	93,5	1.131.071	2.334.763	99,4
1917	1.112.145	1.774.358	70,2	1.131.511	1.762.622	75,0

Как видим, при последовательном росте числа рабочих, мы наблюдаем такое же последовательное снижение стоимостного эквивалента качественного уровня произведенной продукции.

Мы полагаем, что в качестве общей характеристики развития легкой промышленности за годы I мировой войны следует сослаться с мнением Л.Б. Кефенгауза, который писал: “В отличие от тяжелой промышленности легкая промышленность не приобрела за время войны нового более высокого технического опыта, но наоборот, деградировала в качественном отношении...”, перейдя в преобладающих областях массового производства к выпуску

¹ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М., 1994, с. 206

“...менее разнообразных и худших по качеству, более грубых простых групп изделий”¹.

Общие закономерности изменений в структуре отечественной промышленности в годы войны отражены в следующей таблице:

Таблица 13²

Развитие основных групп отраслей российской промышленности в 1913-1917 гг.

Группа отраслей	Удельный вес группы отраслей по стоимости (%)			Удельный вес группы отраслей по числу рабочих (%)		
	1913	1916	1917	1913	1916	1917
Топливная	9,7	8,6	9,4	12,3	12,3	11,3
Рудная	3,0	1,8	1,8	7,2	5,3	4,2
Металлическая	20,1	32,0	28,8	20,9	32,4	34,1
Химическая	11,0	13,3	14,6	3,5	5,0	6,0
Пищевая	14,4	11,9	13,2	10,4	8,2	7,6
Текстильная	30,1	23,4	21,9	29,3	24,8	24,9
Бумажная	1,6	1,3	1,2	1,7	1,4	1,3
Силикатная	3,1	1,6	1,7	7,5	3,8	3,3
Вещи и одежда	0,9	1,8	2,3	1,1	1,0	2,0

Приведенные данные наглядно показывают последовательный рост удельного веса отраслей металлургической и химической промышленности при снижении показателей всех остальных сфер производства. А весь предыдущий материал убедительно доказывает, что результатом милитаризации российской экономики стало:

- значительное снижение производства в каменноугольной, нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности, в сельскохозяйственном машиностроении и паровозостроении;

¹ Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М., 1994, с. 206

² Там же, с. 207

- существенно снизился уровень качества продукции легкой промышленности;

- за годы войны существенно сократилась и деградировала транспортная система России;

- рост военного производства в металлургии, металлообработке и химической промышленности в значительной мере сократил производственные мощности продукции, необходимой для смежных отраслей народного хозяйства (пищевой, текстильной, аграрной и т.д.) и далеко не полностью оправдывал себя из-за транспортных проблем по доставке военной продукции этих отраслей к действующей армии.

Эпоха I мировой войны стала для нашей страны, в целом, эпохой промышленного упадка, снижения уровня и качества производства. Фундамент, заложенный быстрым развитием монополистического капитализма в последние годы XIX и в начале XX столетий, не выдержал давления выстраиваемой на нем новой структуры милитаризованной экономики, которая строилась, во-первых, - со значительным опозданием и, во-вторых – без ориентации на приоритетные передовые технологии своего времени.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

К началу Первой мировой войны в сельском хозяйстве России сложились зачатки кризиса, который ему пришлось пережить в годы войны.

Наличие в стране огромных помещичьих латифундий, малоземелье и нищета миллионов крестьян были причинами того, что характеризовалось как существование мелкой культуры, мелкого хозяйства на крупных латифундиях, обработка помещичьей земли инвентарем мелкого крестьянина.

Революция 1905-1907 гг. не привела к крестьянскому решению аграрного вопроса. Продолжалась борьба двух путей развития земледельческого капитализма – прусского (помещичьего) и американского (крестьянского).

Царская Россия была преимущественно аграрной страной, свыше 76% населения было занято в сельском хозяйстве и только 10% - в промышленности¹. В 1913 г. на долю сельского хозяйства приходилась половина национального дохода Российской империи, а на долю промышленности только 28,7%².

Крестьянство производило 88% зерновых хлебов, из них 38% приходилось на долю кулачества. Таким образом половина всего зерна производилась помещиками и кулаками и половина – беднотой и середняками. Товарность помещичьего хозяйства составляла 47%, кулацкого – 34%, а середнячко-бедняцкого – 14,7%³.

Расслоение деревни усилилось. В Европейской части России 17% хозяйств относилось к категории безпосевных хозяйств, одна треть не имела лошадей, свыше половины – железных плугов.

¹ Контрольные цифры народного хозяйства за 1926/27 гг. с. 174

² Перспективная ориентировка на 1927/28 – 1931/32 гг. М., 1928, с. 12

³ Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962, с. 285

В связи с инфляцией и отсутствием промышленных товаров для сельского хозяйства наблюдалось падение товарности всего сельского хозяйства.

Аграрный строй в России после революции 1905-1907 гг. еще не стал в целом капиталистическим. В деревне еще сильны были полукрепостнические связи и отношения. Полукрепостнические отношения – это те же крепостнические отношения, модифицированные капитализмом, но сохранившие свое значение в такой степени, что тормозили, сковывали развитие аграрного капитализма. Таким образом, наряду со сравнительно высокоразвитыми капиталистическими формами ведения сельского хозяйства, значительное распространение имело производство простых товаропроизводителей, ведущих торговое земледелие без найма рабочей силы, потребительское полунатуральное хозяйство бедноты и части середняков, а также мельчайшее, парцеллярное хозяйство пролетаризованного слоя крестьян – «рабочих с наделом».

Основу производственных отношений составляют отношения собственности. В сельском хозяйстве – это прежде всего отношения собственности на землю, землевладения. По данным статистики землевладения 1905 г., частновладельческие земли составляли в общей массе земель 30,8%, а с землей казны и учреждений – 44,9%. Среди частновладельческих имений латифундии составляли 72% всего частного землевладения¹.

В 1906-1914 гг. был сделан значительный шаг в движении землевладения от сословности к бессословности, к уменьшению удельного веса дворянского землевладения.

В то же время за годы столыпинской реформы дворянство утратило не более 20% земли, тогда как цены на оставшуюся в их руках землю повысились за те же годы в 2 раза. Следовательно, по абсолютному богатству дворянство не только не ослабло, но и значительно усилилось. Крупное частное землевладение продолжало оставаться оплотом крепостнической эксплуатации крестьянства.

Столыпинская реформа укрепила землевладение лишь небольшого слоя кулачества, скупившего земли через Крестьянский банк и непосредственно у крестьян. Но не была достигнута основ-

¹ Статистика землевладения 1905 г., СПб., 1907

ная цель – создание прочной основы для монархии в лице «крепких хозяев». Кулацкое землевладение было недостаточно, чтобы капиталистическое производство стало доминирующим в сельском хозяйстве России, что сказалось в годы Первой мировой войны.

Помещичье хозяйство в XX в. сделало шаги по пути капиталистической перестройки. Но этой перестройке сопутствовало не уменьшение полукрепостнической эксплуатации латифундиями большинства крестьянства, а наоборот, усиление эксплуатации, столь же крепостнического характера, только облеченного в денежную форму, как более удобного средства расчета стоимости аренды и отработок.

Анализируя данные об испольщине и отработках в канун Первой мировой войны, можно сделать вывод, что землевладение у нас оставалось в большой степени крепостническим: как помещичье, так и надельное, крестьянское.

Первая мировая война застала помещичье хозяйство на разных ступенях капиталистической эволюции: от крепостнических форм кабально-отработочного хозяйства до крупных капиталистических зерновых фабрик и животноводческих форм. Наряду с хозяйствами бывших крепостников-дворян становились крупные хозяйства купцов, мещан, разбогатевших крестьян. Российские частновладельческие хозяйства, независимо от сословия владельцев, основывались к началу мировой войны не столько на капиталистической эксплуатации наемных рабочих, сколько на полукрепостнической эксплуатации малоземельного крестьянства.

Отличительной чертой помещичьего землевладения в России являлось резкое несоответствие размеров землевладения размерам ведущегося на этой земле хозяйства. Собственные запашки помещиков едва превышали половину имевшейся у них пашни. Другая половина сдавалась крестьянам за деньги, за отработки, испольно и т.д. Число хозяйств, не сдававших пашни, не достигало и трети. Преобладающим среди крупных помещичьих хозяйств был смешанный тип, в котором капиталистическая организация собственного хозяйства сочеталась с крепостнической эксплуатацией крестьян.

В годы войны полукрепостническое дворянское землевладение оказалось больше втянутым в процесс мобилизации земли,

чем капиталистическое частное землевладение. Большая устойчивость землевладения капиталистически хозяйствующих помещиков проявилась отчетливее, чем до войны.

Крепостническое помещичье хозяйство потерпело в годы войны серьезный урон. Сила крепостнических латифундий убывала. Сужалась база для полуфеодальной эксплуатации крестьянства. Это сужение происходило как за счет уменьшения кабальных арендных отношений, так и за счет сокращения крепостнического землевладения. Капиталистическое частновладельческое хозяйство с большой выгодой учитывало производственно-торговую конъюнктуру в стране, созданную войной.

Владельцы латифундии, жившие сдачей земли в аренду, а также среднепоместные дворяне, не сумевшие поставить капиталистическое хозяйство, представляли собой наиболее консервативную часть дворянства, главную опору царского самодержавия. Потери этих помещиков на сокращении кабальной аренды и арендной платы явились для них неожиданностью.

Технический уровень сельского хозяйства оставался крайне низким. Механизация сельского хозяйства в России по сравнению с передовыми капиталистическими странами была весьма незначительной. Отношение мощности механических двигателей, применявшихся в сельском хозяйстве и в обслуживавших его предприятиях, к живой рабочей силе (человека и животных) было: в России – 24%; в Англии – 152%, в Германии – 189%, в Соединенных Штатах Америки – 420%.

Потребление машин в России с 30,3 млн. руб. в 1901 г. возросло до 116,2 млн. в 1912 г. Стоимость действующего парка возросла со 104 млн. руб. в 1901 г. до 425 млн. руб. в 1914 г., т.е. в четыре раза. Однако, в США, например, к началу XX века стоимость сельскохозяйственных машин оценивалась в 5,8 млрд. руб., т.е. в 14 раз больше, чем в России в 1914 г.¹

Результатом расстройтва сельскохозяйственного машиностроения и прекращения импорта было резкое сокращение потребления новых машин и орудий в стране к 1916 году:

¹ Анфимов А.М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962, с.

Таблица 1¹

**Потребление сельскохозяйственных машин
в годы войны**

Годы	Годовое потребление	
	Тыс. руб.	%
1911-1913	111 192	100,0
1914	94 926	85,4
1915	30 374	27,3
1916	12 582	11,3

Уже в 1915 г. потребление машин сократилось в 4 раза, а в 1916 г. – в 10 раз по сравнению с довоенным временем.

Потребление удобрений упало в России за годы войны в 11 раз и в 1916 г. составило менее 4 млн. пуд.; если до войны удобрялось всего 1,8% посевной площади, то в 1916 г. этот процент упал до 0,21.²

Отличительной особенностью сельскохозяйственного производства России была слабость его материально-технической базы, вследствие чего даже в земледелии, не говоря о животноводстве, безраздельно господствовал ручной человеческий труд и живая тягловая сила. В связи с этим первостепенное значение имело обеспечение хозяйства прежде всего достаточным количеством рабочих рук.

До Первой мировой войны российская внешняя торговля была ориентирована на европейские рынки. В 1913 г. на европейскую границу (включая Финляндию) приходилось 93,5% российского товарооборота, а на азиатскую – 6,5%. Около 80% экспорта предназначалось для 8 европейских стран, причем половину ее поглощали Англия и Германия. В свою очередь половину российского импорта составляли товары из Германии, Великобритании, Франции и Австро-Венгрии.

¹ Анфилов А. М. Российская деревня в годы Первой мировой войны. М., 1962, с. 133

² Там же, с. 136

Российский экспорт, обеспечивавший положительное сальдо внешнеторговых операций почти до начала Первой мировой войны, известен: хлеб, сахар, мясо, нефть, керосин. В российском экспорте хлебных культур преобладала в предвоенный период пшеница. К 1910 г. доля российского экспорта – 50,7% общего мирового экспорта пшеницы, что составило 29,6% всего урожая. По данным 1913 г. Россия вывозила в Великобританию 9,4% пшеницы, во Францию – 15,1, в Италию – 29, в Германию – 5,8, в Голландию – 22,5%.¹

В самой России преимущественно потребляли рожь: объем сбора ржи в 2-3 раза превышал объем сбора пшеницы, составляя примерно половину мирового урожая ржи.

Вывоз хлеба давал России около половины всего дохода от экспорта. Россия продолжала вывозить хлеб даже во время войны. Сложилось мнение, что Россия вывозит хлеб в силу своей бедности. Однако анализ показывает, что такой вывод не соответствует действительности. Недостаток хлеба и других продуктов питания в военное время остро ощущался в городах, где цены на них заметно поднялись. Вместе с тем повышение цен на продовольствие способствовало увеличению доходов крестьян. Являясь крупнейшим в мире поставщиком хлеба, Россия собирала весьма низкие урожаи. В 1901-1910 гг. сборы пшеницы (с десятины) в России составляли 38 пудов, в Бельгии – 157, в Великобритании – 149, в Германии – 137. Аналогичными были показатели по другим зерновым, льну, сахарной свекле, картофелю².

Во время войны резко сократились поступления от внешней торговли, особенно от продажи сельскохозяйственной продукции – основы российского экспорта.

Таблица 2³

Экспорт сельскохозяйственной продукции в 1913-1916 г.

¹ Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1948, с. 640

² Кулишер И.М. Будущее нашей внешней торговли. Пг., 1917, с. 10

³ Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1948, с. 645.

Вид продукции	1913 г.	1916 г.
Зерновые (млн. пуд.)	648,0	2,7
Лен (млн. пуд.)	18,6	7,4
Пенька (млн. пуд.)	3,3	1,2
Масло животное (млн. пуд.)	4,8	0,6
Яйца (млн. шт.)	3,6	0,1
Щетина (тыс. пуд.)	158,7	0,4

В 1914 г. впервые торговый баланс России имел отрицательное сальдо. В 1916 г. ввоз превысил вывоз на 1874 млн. руб.¹

Правительство лишилось традиционных источников поступления денежных средств и решило мобилизовать накопления населения (в результате инфляции).

Масштабы войны заставили царское правительство перейти к централизованным закупкам продовольствия для армии. Правительственные закупки уже в 1915/16 г. превысили половину, а в 1916/17 г. сняли две трети всего товарного зерна. Частная торговля хлебом значительно сократилась. Уменьшение своих операций хлеботорговые фирмы, коммерческие банки и прочие хлебные торговцы старались возместить спекулятивным повышением хлебных цен.

Сокращение валовых сборов, множественность цен, укрытие хлебных запасов и другие обстоятельства все более затрудняли выполнение нарядов интендантства по закупке продовольствия, и правительство пыталось перейти к реквизициям. Они были, прежде всего, направлены против мелких производителей, тогда как помещичьи партии хлеба подвергались реквизициям в очень редких случаях.

Но и широко практиковавшиеся принудительные меры не смогли обеспечить царскому правительству значительного увеличения заготовок хлеба и смягчить продовольственный кризис. За три года войны крестьянское хозяйство дало лишь 15,0% товарности по зерну вместо 23,2% до войны. Если в предвоенные годы, крестьянское хозяйство в целом давало на рынок около 1 020 млн.

¹Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1948, с. 645

пуд., то в 1916 г. оно дало лишь 600 млн. пуд., т.е. на 40% меньше, чем до войны.¹

При этих условиях регулярное, хотя и урезанное, снабжение могло происходить лишь при жестких и последовательных мерах регулирования производства и рынка хлебов, что было не только не под силу царскому правительству, но встречало сопротивление со стороны влиятельных кругов помещиков и буржуазии.

Первые симптомы материального и финансового разрушения экономики проявились в 1916 г. Главная причина состояла в том, что производственный потенциал России намного уступал Германии. Другая причина заключалась в том, что основное преимущество России – высокая численность занятых в народном хозяйстве, – было потеряно: половина трудоспособных мужчин из сельского хозяйства была мобилизована в армию.

Законом от 27 ноября 1915 г. председателю особого совещания по продовольствию представлялось право устанавливать в пределах империи или отдельных ее районов предельные цены на продовольственные продукты и фураж, обязательные для всех. Но до осени 1916 г. предельные цены распространялись лишь на закупки для нужд армии и только 9 сентября 1916 г. было издано распоряжение об установлении твердых цен на главные хлебные продукты для всех без исключения сделок.

Председатель Временного комитета Государственной думы М. Родзянко потребовал «не останавливая обычных закупок и получения хлеба по разверстке от всех владельцев, немедленно... приступить к реквизиции хлеба у крупных земельных собственников и арендаторов всех сословий, имеющих запашку не менее 50 десятин, а также к реквизиции запаса хлеба у торговых предприятий и банков»².

В потребляющих губерниях хлеба не хватало. В то же время в производящих губерниях хлеба было достаточно. Но не было благоприятных транспортных, экономических и организационных условий для его движения из зернопроизводящих в потребляющие

¹ Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. М., 1948, с. 644

² Белоусов Р. Экономическая история России: XX век. М., 2002, кн. 2, с. 43

региона.. Потенциальная возможность более или менее удовлетворительного обеспечения России хлебом реализована не была.

Глубинная причина – в значительном отставании производительных сил сельского хозяйства, накапливающаяся многие десятилетия. Аграрный сектор стал узким местом в развитии России еще в XIX веке. Решение крестьянского вопроса затягивалось, продовольственный вопрос обострялся.

Продовольственная комиссия Петроградского совета предложила создать единую организацию продовольственного дела в стране в рамках монополии торговли хлебными продуктами. Временное правительство принимает закон о хлебной монополии. Предусматривались следующие меры: 1) строгий учет всего зерна, производимого в стране; 2) нормированное снабжение городского населения хлебопродуктами по твердым ценам из расчета 1 фунт (409 гр.) на человека; 3) организованные заготовки-закупки зерна по ценам, которые на 60-70% выше осенних цен предыдущего года; 4) создание губернских, уездных, волостных, а также Всероссийского продовольственных комитетов, на которые возлагалось практическое осуществление принятого закона.

Отодвигая земельную реформу, правительство пошло по пути перестройки лишь сферы купли-продажи зерна в процессе его движения к потребителям. Был принят закон «О передаче хлеба в распоряжение государства» (хлебной монополии).

Причина продовольственного кризиса и роста инфляции в стране коренилась в ошибках планирования и осуществления заготовок. Продовольственный кризис осени 1916 г. был вызван недостаточностью и неэффективностью регулирования поставок, а также негибкостью политики твердых цен.

Правительство в это время приняло решение о переходе с системы закупок и реквизиций к разверстке 772,1 млн. пудов продовольственного и фуражного зерна. Министр земледелия А.А. Риттих рассчитывал закончить разверстку в течение 35 дней, но из-за отрицательного отношения к разверстке со стороны крестьян и землевладельцев, а также транспортных затруднений, продразверстка не была выполнена. Применить вооруженную силу правительство не решилось.

Местные власти в отдельных городах уже в 1915 г. ввели карточную систему распределения некоторых продовольственных товаров. Правительство сначала отрицательно относилось к введению карточной системы в общегосударственном масштабе. Но уже в середине 1916 года оно было вынуждено ввести карточную систему на сахар, позднее – на хлеб и мясо.

Продразверстка и карточная система – эти два фактора «государственного социализма» – были введены еще царским правительством и знаменовали собой альтернативу товарно-денежному механизму распределения ресурсов. Правда, в тот период эти нововведения не нашли еще широкого применения – более широкое распространение они получили при Временном правительстве и стали нормой при большевиках.

В 1917 г. иными стали аграрные отношения, идет ускоренный развал помещичьего хозяйства с его высоким уровнем товарности и наемного труда. Целый ряд причин обусловил продовольственный кризис в России и рост цен на продукты питания.

Уменьшение посевной площади и сбора хлебов за годы войны было незначительным. Урожай 1917 г. был всего на 17,9% ниже среднего довоенного уровня¹.

Но в этот период наблюдался существенный рост потребления продуктов питания. Нормы довольствия в армии были намного выше норм потребления рабочих и крестьян в мирное время. Крестьянство в годы войны также значительно улучшило свое питание, т.к. налоговый пресс при падении курса рубля и дороговизна продуктов сельского хозяйства стали менее чувствительными. Появлению свободных средств в крестьянских хозяйствах способствовал «сухой закон».

Но глубинной экономической причиной, обусловившей продовольственный кризис в крупных городах, стало расстройство транспортного хозяйства страны. Запасы продовольствия из производящих районов не доставлялись вовремя в основные районы потребления, что приводило к большой разнице в ценах между производящими и потребляющими районами. Продавать продукты в условиях инфляции было невыгодно. Поэтому важно было при-

¹ Клаус Р. Война и народное хозяйство России (1914-1927 гг.). Л., 1926, с. 106

влекть крестьян к рынку. Постоянный рост цен обеспечивал прибыль, поэтому стало широко практиковаться сокрытие запасов в ожидании очередного повышения цен.

Власти не могли решить продовольственной проблемы. Уполномоченные Главного управления землеустройства и земледелия по закупкам продовольствия для армии настояли на издании Указа от 17 февраля (2 марта) 1917 г., запрещавшего вывоз необходимых для армии продовольственных продуктов за пределы района закупок. Уполномоченным было предоставлено право устанавливать твердые цены на эти закупки, а в случае отказа продажи по этим ценам – реквизировать продовольствие, компенсируя 85% его стоимости.

Итак:

- Мобилизация народнохозяйственных ресурсов и перестройка всей экономики страны на военный лад как способ обеспечения потребностей вооруженных сил – новое явление, свойственное лишь машинному периоду войны;

- В России с начала войны по 1 сентября 1917 г. военные расходы составили 41 392,7 млн. руб. На заготовку для армии сельскохозяйственных продуктов было израсходовано 2473,7 млн. руб., то есть около 6% от общей суммы военных расходов;

- Хозяйства с капиталистической организацией производства сравнительно успешно приспособились к условиям войны. Произошло усиление роли капиталистических помещичьих хозяйств в ущерб крепостническим латифундиям, что было главным проявлением развития капитализма в помещичьем земледелии в годы Первой мировой войны. Усилилась поляризация двух групп помещичьего класса;

- Несмотря на определенную устойчивость небольшой доли капиталистической экономики, в целом помещичье хозяйство оказалось в Первую мировую войну уязвимым звеном русского земледелия. Причинами были слабость материально-технической базы, зависимость от крестьянского хозяйства с его отсталой техникой, отсутствие предпринимательства, крепостническая организация помещичьих имений. Медленная капиталистиче-

ская эволюция помещичьих латифундий не обеспечивала роста производительных сил в деревне. Сила крепостнических латифундий убывала, сужалась база для полуфеодальной эксплуатации крестьянства. Сужение происходило как за счет уменьшения кабальных арендных отношений, так и за счет сокращения крепостнического землевладения;

- Ипотечные учреждения, в первую очередь Дворянский банк, превратились для дворян в благотворительные, предоставляя льготы по уплате взносов и долгов заемщиков;

- Принцип усиления государственного контроля и регулирования народного хозяйства стал определяющим в экономической политике после 1916 г. Государственные продовольственные закупки дополнялись разверсткой, реквизициями хлеба по твердым ценам;

- Столыпинская землеустроительная политика в интересах кулачества продолжалась в годы войны, но вызвала подъем борьбы крестьянства против кулаков и землеустроителей, 29 ноября 1916 г. царем был утвержден закон о прекращении землеустроительных работ.

Война лишила сельское хозяйство России огромных контингентов рабочей силы. С июля 1914 г. по 1916 г. включительно в армию было призвано 13 млн. человек¹, из них свыше 10 млн. человек – из деревни. По данным Всероссийской переписи 1917 г., в двух губерниях Европейской России было мобилизовано около 40% мужчин в рабочем возрасте, в пяти – от 40 до 45%, в 25 губерниях – от 45 до 50% и в семи – от 50 до 53%, в девяти губерниях и областях Сибири – 49 %, в Степном крае – 55%².

Изъятие половины работников явилось одной из наиболее важных причин, вызвавших расстройство сельского хозяйства. Затронув прежде всего крестьян, это изъятие оказало серьезное влияние и на помещичье хозяйство. Обычный добровольный наем уступил место различным способам вербовки или разным формам принудительного труда;

¹ Россия в мировой войне 1914-1918 гг. (в цифрах) М. 1925. с. 17

² «Поездные итоги...». с. 2-207

- В годы войны арендные отношения претерпели изменения. Малоземельные крестьяне, арендовавшие землю небольшими участками, в связи с мобилизацией в армию отказались от аренды. Это вызвало понижение арендных цен. Земельные собственники, жившие арендной платой, понесли тройной ущерб: 1) вследствие отказов от аренды; 2) вследствие понижения цен на арендную землю; 3) в результате инфляционного обесценения арендных сумм;

- Первая мировая война потребовала радикальных перемен в руководстве народным хозяйством, связанных с перестройкой экономики на военный лад, резкими изменениями в структурных пропорциях, огромным ростом государственных закупок и усилением централизованного управления всей жизнью страны.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ФИНАНСЫ И ПОПЫТКА ФОРМИРОВАНИЯ МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Государственные финансы – одна из наиболее уязвимых структур современных государств. Как правило, глубокие экономические и социальные кризисы развиваются во взаимосвязи с дестабилизацией государственных финансов.

Исторический анализ таких комплексных и масштабных кризисов открывает уникальные возможности изучения государственных финансов как системы, развитие которой включает не только стадии формирования, но и стадии упадка, позволяет ответить на вопрос: при каких условиях возникают явления, результатом которых становится дезинтеграция системы государственных финансов. Современный системный подход интерпретирует подобные условия как «точки бифуркации», т.е. условия, при которых случайные для данной системы флуктуации могут существенно изменить траекторию ее развития, когда достаточно на первый взгляд незначительного толчка, чтобы резко изменить ход дальнейших событий.¹ Эти изменения могут иметь своим непосредственным результатом как формирование новых более сложных и устойчиво развивающихся социальных систем, так и разложение социумов, общественный хаос. В формировании устойчивых социальных организмов существенную роль играет эффект синергии, когда результат взаимодействия различных компонентов формирующейся системы получает больший потенциал развития, нежели исходные компоненты в отдельности. На ход и результаты дезинтеграционных процессов во многих случаях оказывает воздействие эффект, который можно назвать «обратной синергией». Дезорганизующий социальную систему характер взаимодействия ее компо-

¹ Прангишвили И.В. Системный подход и общесистемные закономерности. М., 2000. с.90 и далее; Пригожин И., Стенгенс И. Порядок из хаоса М., 1986 с. 235

нентов приобретает такую силу, что распадается и система, и ее составляющие. На их месте формируются новые более неустойчивые образования с высоким потенциалом дальнейшей деградации. Такого рода траекторию развития можно охарактеризовать как «ускорение на пути к хаосу». В системе государственных финансов эффекты «обратной синергии», во многих случаях провоцирует гиперинфляция.

Анализ совершившихся событий в контексте указанных общесистемных закономерностей представляет собой задачу, важную не только для изучения истории финансов. Прошрое всегда было и будет, в первую очередь, зеркалом, в котором, хочет того общество или нет, оно видит отражение сегодняшнего дня, ищет способы решения сегодняшних проблем.

В результате системного кризиса, который развернулся на завершающих этапах первой мировой войны и достиг своего максимума в 1917 г., произошли кардинальные качественные изменения траектории развития российского общества. Распад государственных финансов и в целом денежной и финансовой системы России был одной из основных предпосылок этих изменений. Восстановление хозяйства и финансов после окончания гражданской войны происходило уже на принципиально иных основаниях в новых социально-экономических и социально-политических условиях.

Кризис, предшествовавший распаду государственных финансов, был результатом обострения проблем, как довоенного происхождения, так и сформировавшихся в ходе войны.

К началу войны военно-промышленный потенциал экономики Российской империи и потенциал ее государственных финансов не соответствовал даже довоенным оценкам потребностей ведения вооруженной борьбы. Расчеты, сделанные Военным министерством еще в 1906 г., показали, что удовлетворение только первоочередных потребностей вооруженных сил, не связанных с их развитием, а лишь с благоустройством и снабжением «необходимым в уровень с современными требованиями военного дела», требует сумм, сопоставимых с годовым доходом бюджета империи.¹

¹ Шаццлло К. Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М., 2000, с.104,105

«Большая общеевропейская война ныне была бы великим горем народным и историческим несчастьем» - представлял С.Ю.Витте императору Николаю II еще в 1896 г.¹ Но, как показало время, реальные возможности Российского императора предотвратить общевропейскую войну оказались не слишком велики.

После кризиса 1905-1907 гг. в России были проведены некоторые меры по подготовке к большой войне. Но мало кто предполагал, что война потребует развития в стране отраслей и предприятий, способных на постоянной основе обеспечивать потребности ведения длительных боевых действий всеми военными и морскими силами. Военное министерство предполагало, что война будет вестись «за счет запасов, заготовленных в мирное время».² Степень мобилизации финансовых ресурсов общества в интересах подготовки к войне трудно было бы назвать высокой. В предвоенные годы через бюджет перераспределялось 16-17% чистого национального продукта. Расходы на армию и флот по отношению к величине чистого национального продукта составляли 3,6-4,0%.³ Основная часть расходов на армию была связана с ее текущим содержанием.

В предвоенное время проблемы накопились и в самой системе государственных финансов. Важнейшие из этих проблем: перекос структуры доходов государственного бюджета в сторону косвенного обложения и особенно доходов от винной монополии, слабость прямого обложения вообще и особенно обложения доходов имущих классов, гипертрофия государственного долга.

Тем не менее, на первых этапах войны в условиях резкого сокращения государственных доходов вследствие прекращения продажи водки и снижения оборотов внешней торговли Министер-

¹ С.Ю. Витте Всеподданнейшая записка от 12(24) ноября 1896 г. Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация. Составитель Рыбаченок И.С. М., 2004, с. 79

² Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М., 1973, с.15

³ Оценка по данным Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX -начало XX в.): новые подсчеты и оценки. М., 2003 с.242; Проект государственной росписи доходов и расходов на 1916 год с объяснительной запиской министра финансов. Петроград. Ч.1. 1915. С 83-85

ству финансов удалось обеспечить финансирование стремительно растущих военных расходов.

В 1915-1916 гг. налоги обеспечивали около половины государственных доходов (без заимствований). Косвенные налоги, несмотря на резкое сокращение поступлений от казенной винной операции, продолжали доминировать в структуре государственных доходов. В 1914 г. были увеличены акцизы на сахар, пиво и табак, нефтепродукты, дрожжи, спички; введен налог на очищенный среднеазиатский хлопок и увеличен таможенный сбор с привозного хлопка, увеличены некоторые пошлины. В 1915 г. повышены таможенные пошлины в среднем на 10%, введен акциз на вино. Согласно проекту бюджета на 1916 год, поступления косвенных налогов должны были составить 27,6% государственных доходов.¹

Большую сумму составлял только доход от казенных имуществ и капиталов. В структуре последнего более 80% составляли поступления от казенных железных дорог. Практически те же суммы использовались для финансирования расходов казны на содержание и развитие железных дорог. Из всех налоговых новаций наибольшие доходы казне принес введенный в ноябре 1914 г. налог с грузов, провозимых по железной дороге. Он взимался с каждого пуда груза по ставке от 1 до 15 коп. в зависимости от вида груза и скорости его транспортировки.

Уже в начале войны правительство попыталось увеличить поступления прямых налогов. В 1914 г. был увеличен налог на городскую недвижимость, увеличены ставки промыслового обложения и квартирного налога, база обложения сбором с денежных капиталов увеличена за счет капиталов, отданных в ссуды под залог недвижимости. В 1915 г. были повышены различные местные сборы (оброчная подать, кибиточная подать и др.). В начале 1916 г. были введены новая прогрессивная шкала обложения имущества, переходящих по наследству, налог на игральные карты, увеличено обложение билетов «на публичные зрелища и увеселения». По примеру Англии в 1916 г. был принят закон об обложении военных сверхприбылей. Однако в жизнь закон не был проведен до 1917 г.,

¹ Проект государственной росписи доходов и расходов на 1916 год ... Ч.1, 1915 с.

в котором налог на сверхприбыль принес 55 млн. руб.¹ Перечисленные новации не изменили систему прямых налогов, которая в своих основных чертах сложилась еще в конце XIX столетия. Эта система могла обеспечить налоговое изъятие лишь незначительной части доходов торгово-промышленного класса и находилась в явном несоответствии с участием различных классов в распределении созданного национального дохода.

Результаты правительственных усилий по увеличению налоговых поступлений, полученные в 1915-1916 гг. характеризуют следующие данные:

Таблица 1

Сравнительные изменения в суммах поступлений важнейших статей обыкновенных доходов казны в первой половине 1915 - первой половине 1916 гг. по сравнению с аналогичными периодами предшествующих лет. (тыс. руб.)²

	в первой половине 1915 г. в сравнении с первой половиной 1914 г.	в первой половине 1916 г. в сравнении с первой половиной 1915 г.
Казенные железные Дороги	52 119 ³	184 500
Государственный промышленный налог	2 868	81 357
Гаможенный доход	- 107 300	118 439
Сахарный доход	15 764	8 046
Сбор с доходов от денежных капиталов	2 713	6 547

¹Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны (1914-1917). М., 1960, с.126

²Проект государственной росписи доходов и расходов на 1916 год с ... Ч.1, с.11-12; Проект государственной росписи доходов и расходов на 1917 год с объяснительной запиской министра финансов. Петроград Ч.1, 1916 с.12-13

³Чистое увеличение: доходы от усиления обложения в сумме 81 512 тыс. руб. за вычетом уменьшения доходов казенных железных дорог на сумму 29 393 тыс. руб.

Телеграфный и телефонный доход, почтовый доход	14 253	11 247
Прибыли от принадлежащих казне капиталов и от банковых операций	- 10 054	88 399
Пошлины с переходящих имуществ	- 8 727	10 470
Табачный доход	6 114	26 788

Потери бюджета только от не поступления доходов от казенной винной операции за первое полугодие 1915 г. составили 407,5 млрд. руб.¹ Как показывают приведенные данные, эти потери не были компенсированы в том же периоде другими налоговыми и неналоговыми доходами. Лишь в первой половине 1916 г. прирост доходов казны от поступлений по основным статьям обыкновенных доходов бюджета оказался большим, чем ущерб от прекращения торговли водкой. Но для ведения войны требовались суммы совершенно иного порядка.

Эти суммы правительство не предполагало получить путем увеличения налогов. Наиболее крупной, но так и не успевшей практически реализоваться налоговой реформой в годы первой мировой войны стало введение в России подоходного налога. Широкое обсуждение вопроса о подоходном налоге началось еще в середине XIX столетия. В июле 1914 г. Дума одобрила очередной проект подоходного налога и внесла проект в Государственный Совет. Государственный Совет проект отверг. Особые разногласия вызвала ст.100 проекта, согласно которой все учреждения обязаны были сообщать учреждениям по подоходному налогу бесплатно «сведения, могущие служить к выяснению доходов отдельных плательщиков», при затруднительности сообщения таковых, все учреждения были «обязаны допускать председателя участкового присутствия или, по его уполномочию, помощника податного инспектора».² Государственный Совет решительно возражал против распростра-

¹ Проект государственной росписи доходов и расходов на 1916 год ... Ч.1, с. 11

² Марков Г. Закон о государственном подоходном налоге. М., 1917, с. 45

нения этой обязанности на кредитные учреждения. Для разрешения разногласий была создана согласительная комиссия. Ее большинством (11 против 3) возражения Госсовета были отвергнуты. После чего проект был вторично внесен в Думу, затем с новыми изменениями вновь попал в Государственный Совет. Проект стал законом лишь в апреле 1916 г.

Закон о подоходном налоге с 1917 г. вводил прогрессивное обложение доходов физических лиц и предприятий и должен был взиматься «с полученного плательщиком дохода, в какой бы форме таковой доход не получался, от всякого рода источников».¹ Необлагаемый минимум дохода составлял 850 руб. С первых 50 рублей дохода, превышающего 850 руб., плательщику надлежало платить 6 руб. При доходе от 390 тыс. до 400 тыс. руб. сумма платежа должна была составить 48 тыс. руб. или 12%. С каждых 10 тыс. дохода, превышающего 400 тыс. руб., надлежало платить по 1250 руб. Налог мог взиматься по пониженным ставкам при наличии нетрудоспособных членов семьи.

Процентный сбор с прибыли взимался, если рентабельность предприятия (отношение прибыли к основному капиталу) составляла 3%. С увеличением рентабельности ставка налога возрастала в диапазоне от 5,00% до 11,50%. При рентабельности, большей 20%, дополнительная прибыль, превышающая 20% на капитал, облагалась по ставке 0,5%.

Таким образом, при получении дохода, превышающего 390-400 тыс. руб., и прибыли, превышающей 20% на капитал, налоговую прогрессию сменяла регрессия.

При уплате подоходного налога зачитывались подлежащие уплате суммы основного промыслового налога на личные промысловые занятия и квартирного налога.

В проекте бюджета на 1917 г. предполагалось, что поступления составят 130 млн. руб.² На практике закон о подоходном налоге реализован не был и остался последним памятником законо-

¹ Марков Г. Закон о государственном подоходном налоге. М., 1917, с. 10

² Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России 1914-1917 гг. СПб., 2002, с. 107

дательной деятельности Российской империи в области государственных финансов.

Основным источником финансирования военных расходов стало увеличение внутреннего долга государства. В основном за счет этого источника были не только профинансированы дополнительные расходы, но и компенсировано выпадение значительной части доходов бюджета вследствие прекращения с началом войны продажи спиртных напитков, а также уменьшение поступлений от обложения экспорта и связанных с ним доходов. Для финансирования войны за счет увеличения госдолга правительство смогло использовать запущенный с началом войны самоподдерживающийся процесс расширения денежной массы. По оценке Министерства финансов, расходы казны на снаряжение и довольствие армии, финансировавшиеся за счет выпуска кредитных билетов Государственного банка, и прекращение продажи спиртных напитков «создали обилие свободных средств на денежном рынке и значительно ускорили рост народных сбережений».¹ Только за 10 месяцев 1915 г. объем поступлений во вклады и на текущие счета в банковские учреждения (Госбанк, частные комбанки, общества взаимного кредита, городские общественные банки) увеличился более чем на 1 млрд. руб. или на $\frac{1}{4}$ часть и превысил 5 млрд. руб.² Еще более интенсивным был приток вкладов в сберегательные кассы. Они увеличились за тот же период на 627 млн. руб. или на 28,1% - немногим меньше, чем за предшествующее пятилетие, и достигли 2863 млн. руб.³ Кредитные учреждения, столкнувшись с избытком средств, понизили проценты по вкладам и стали активно размещать средства в обязательства казначейства. «Указанное состояние денежного рынка ... создало благоприятные условия для реализации наших государственных займов» - отмечал Министр финансов в объяснительной записке к бюджету на 1916 год. К ноябрю 1915 г. сумма связанных с войной заимствований государства превысила

¹ Проект государственной росписи доходов и расходов на 1916 год ... Ч.2, с. 126

² Там же, с. 108

³ Там же, с. 114

7,2 млрд. руб., не менее 3/4 этой суммы обеспечил внутренний рынок.¹

Золотой запас на 1 ноября 1915 составил 1,7 млрд. руб. и практически не уменьшился с начала войны. Эмиссионное право Госбанка было расширено и на ту же дату в обращение было выпущено кредитных билетов на сумму чуть более 5 млрд. руб., что в 3,1 раза превышало аналогичный показатель на 1.07.1914. Однако соотношение количества денег в обращении и величины золотого запаса оставалось достаточно высоким (34,4%).² Причем среднемесячный выпуск кредитных билетов в 1915 г. был на 6% ниже, чем во второй половине 1914 г.³

Рост цен оставался в допустимых пределах. За первый год войны цена ржаной муки увеличилась в 1,5 раза, шерсти – в 1,4 раза, каменного угля – в 1,2 раза. Более значительно (в 2,1 раза) увеличилась цена овса в связи с мобилизацией в армию большого количества лошадей.⁴ Т.е. количество денег увеличилось в значительно большей степени, чем выросли цены. Все это позволяло и далее рассчитывать на устойчивость денежного рынка и успешность внутренних заимствований казны.

Хозяйство страны постепенно перестраивалось на военные рельсы, хотя и недостаточно быстрыми темпами.

С учетом роста объема промышленного производства в довоенных ценах в 1916 г. на ¼ к уровню 1913 г., снижения объемов производства в сельском хозяйстве в 1916 г. примерно на 1/3 к уровню 1913 г. и 2-3 кратного повышения цен, расходный бюджет 1916 г. составил от одной третьей до половины чистого национального продукта того же года. По оценкам, приводимым Т.М. Китаниной, на нужды обороны расходовалась ежегодно одна треть народного дохода страны.⁵ Эти оценки не дают достаточных оснований утверждать, что расходы на войну были не по плечу народно-

¹ Там же, Ч.1, с. 6, 16

² Проект государственной росписи доходов и расходов на 1916 год ... Ч.2, с. 107

³ Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России ... , с. 592

⁴ Там же, с. 605

⁵ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России 1914-октябрь 1917). Л., 1985, с. 11

му хозяйству России, как это полагает А.Л. Сидоров, опираясь на сравнительные данные о величине национального дохода на душу населения в России и других воюющих странах.¹

Более 80% расходов государственного бюджета в 1915-1916 гг. было непосредственно связано с войной. Динамику расходов бюджета в целом и на военные нужды за эти годы характеризуют следующие данные:

Таблица 2²

Прямые расходы на войну и бюджетный дефицит в 1915-1916 гг.

Годы	Всего Расходов		Дефицит		Военные Расходы	
	Млн. руб.	%	млн. руб.	%	млн. руб.	%
1915	11 562	100	8 561		9 374,9	81,1
1916	18 101	100	13 756		15 267,0	84,3

Дефицит госбюджета финансировался, как уже отмечалось, главным образом за счет увеличения внутреннего долга.

Согласно отчету Министерства финансов, по состоянию на 23 ноября 1916 г. от внутренних кредитных операций, осуществленных после начала войны, казна получила 17,6 млрд. руб. Из них 7,9 млрд. руб. или 44,7% составили заимствования казны из Государственного банка, в основном, в форме учета Госбанком 5-ти процентных казначейских обязательств, т.е. денежной эмиссии (на сумму 6,0 млрд. руб.). Остальные 55,3% доставили займы на открытом рынке: покупка частными лицами и учреждениями облигаций государственных займов (6,2 млрд. руб.), 5-ти процентных казначейских обязательств (2,7 млрд. руб.) и выпуск 4-х процентных билетов казначейства (0,9 млрд. руб.).³

¹ Сидоров А.Л. Финансовое положение России ..., с. 131-132

² Там же, с.115,117. Цифры военных расходов даны в соответствии с расчетами Г. Дементьева. По данным ЦСУ (в кн. «Россия в мировой войне 1914-1918 года (в цифрах)». М., 1925, с.5) военные расходы в 1915 г.составили 8 814 млн. руб., в 1916 г. – 14 573 млн. руб.

³ Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России ..., с. 248-249

Следует учитывать, что суммы, полученные от размещения внутренних облигационных займов, поступали за вычетом комиссий, в течение длительного периода, а сами займы могли быть оплачены другими государственными бумагами. Фактическая доходность внутренних займов в годы войны оставалась на одном и том же уровне, в пределах 5,3-5,8% годовых.¹ Невысокая доходность вложений в государственные бумаги в условиях ускоряющегося роста цен не стимулировала инвесторов. Размещаемый с октября 1916 г. краткосрочный заем номинальной стоимостью 2 млрд. руб. принес правительству за вычетом комиссий около 1,3 млрд. руб. в виде краткосрочных обязательств и облигаций прежних займов и только около 400 млн. руб. наличными.²

На начало 1917 г. на долю Государственного банка приходилось более 2/3 учтенных краткосрочных обязательств казначейства. Несмотря на все усилия Министерства финансов, за 1916 г. эту долю удалось уменьшить всего на несколько процентов.³

Расходы на оборону финансировались также за счет внешних заимствований. Так, к июню 1916 г. Россия получила от своего основного кредитора – Франции 2125 млн. франков или около 1,4 млрд. руб. (по курсу первой трети 1916 г. 150 франков примерно соответствовали 100 рублям).⁴

Курс рубля на золото на международных биржах в 1916 г. составлял 45-50% к довоенному уровню и отставал от обесценения рубля внутри страны.⁵ Это свидетельствует, что международные финансовые рынки не оценивали на тот момент состояние финансов Российской империи как катастрофическое.

Заграничные займы преимущественно использовались для финансирования оборонных заказов, выполняемых за рубежом. Фактическое выполнение и соответственно оплата этих заказов осуществлялись медленно и часто в объемах меньших, чем предусматривалось первоначально. После октября 1917 г. часть заказов не была получена или имущество было продано в покрытие пред-

¹ Сидоров А.Л. Финансовое положение России с.154-155

² Там же. с. 159

³ Оценка по данным Беляев С.Г. Банк и финансовая политика России с. 591

⁴ Там же. с. 376, 595

⁵ Сидоров А.Л. Финансовое положение России с. 167-168

шествующих долгов. Поэтому, общую сумму заграничных долгов России, сложившуюся по итогам войны, различные источники определяют по разному.¹ Как наиболее обоснованную, А.Л. Сидоров указывает сумму в 7,2 млрд. золотых рублей.² Из них, не менее 1 млрд. руб. получено Временным правительством.³

Суммарный дефицит бюджета за 3 военных года составил 24,2 млрд. руб.⁴ Таким образом, за счет заграничных займов могло быть профинансировано около ¼ части дефицита. Остальное пришлось на долю внутренних источников.

Война потребовала от воюющих сторон, в том числе от Российской империи, беспрецедентного напряжения и перестройки всей системы хозяйства в интересах снабжения действующей армии.

В августе 1915 г. были созданы четыре Особых совещания: по обороне, по топливу, по перевозкам, по продовольствию. В состав Совещаний входили члены Государственной Думы и Государственного Совета, представители важнейших министерств, в том числе, Министерства финансов, а также представители «общественных организаций» - Центрального военно-промышленного комитета, Союза земств и Союза городов. Председатели Совещаний, обязанности которых исполняли соответствующие Министры, получили широкие полномочия по прямому управлению казенными предприятиями, закупками топлива, промышленных и сельскохозяйственных товаров, установлению предельных цен, отстранению и замене должностных лиц, проведению реквизиций и другими. Все решения Совещаний должны были быть санкционированы Военным Министром – он же председатель Особого совещания по обороне.

Основные усилия Совещаний были направлена на «затыкание дыр» в снабжении действующей армии, которая в 1915 г. вследствие истощения предвоенных запасов испытывала острый недостаток в вооружении и снаряжении. Усилия эти были совсем

¹ Обзор этих цифр см. Сидоров А.Л. Финансовое положение России ... с. 514 и далее.

² Там же с.526

³ Там же с.438,494,511

⁴ Там же с.117

не безуспешными. Хотя потребности русской армии оказались намного выше ожидаемых в предвоенный период, на предприятиях промышленности был налажен выпуск боеприпасов, в количествах, которые вместе с зарубежными поставками позволили в целом преодолеть «снарядный голод» 1915 г. и создать значительные запасы военных материалов, достаточные для проведения в 1916 г. наступательных операций.

Главным образом за счет опережающего роста выпуска оборонной продукции. валовая продукция промышленности в довоенных ценах в 1915 г. увеличилась на 13,7%, в 1916 г. – на 21,5% по сравнению с 1913 г.¹ В 1913 г. военная продукция составила около 1/4 общего объема продукции машиностроения в 1916 г. – почти 4/5.²

Валовые сборы продовольственного зерна в военном 1915 г. оказались большими (на 5,6%), чем среднегодовые сборы 1909-1913 гг., при общем снижении сбора хлебов на 9,6%. Избыток хлебов – основного экспортного товара России, создавшийся вследствие резкого сокращения вывоза, был поглощен увеличением армии. Баланс производства и потребления хлебов и картофеля за первые два года войны сводится с существенными избытками.³

Эти факты свидетельствуют, что рыночная экономика России и ее государственные финансы на первых порах относительно успешно, хотя и недостаточно быстро, адаптировались к условиям ведения первой в истории мировой войны. Первые годы войны показали, что потенциал экономики России, с учетом поставок из-за рубежа и зарубежных кредитов, в целом позволял и в 1916 г. мобилизовать необходимые для ведения войны материальные и финансовые ресурсы.

Однако к осени 1916 г. потенциал адаптации мирной экономики страны к нуждам войны оказался исчерпанным. На третьем году войны Россия оказалась поставлена перед качественно но-

¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России с.350

² Там же с.364-365; близкие цифры приводит И.В. Маевский (Маевский И.В. Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны. М., 2003, с.94)

³ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991 с.126

вой задачей - задачей формирования мобилизационной экономики, т.е. экономики структурно ориентированной на всестороннюю мобилизацию, эксплуатацию и наращивание ресурсов в интересах решения национально-приоритетных задач, в данном случае, задач обороны страны.

Эту задачу, так или иначе, решали все главные воюющие страны. Успех ее решения зависел в первую очередь от степени единства общества – силы или слабости центробежных сил, остроты накопленных в довоенный период экономических и социальных проблем. Во-вторых, от успехов правительства в освоении социальной механики – умении объединить различные общественные группы и защитить их интересы, способности обеспечить себе и своей деятельности по организации обороны страны деятельную поддержку со стороны этих групп. В третьих, от объективных ресурсных возможностей страны. В-четвертых, от характера сложившейся структуры экономики и ее возможностей по перестройке в интересах формирования мобилизационной экономики.

Среди воюющих сторон Россия находилась далеко не в самых худших условиях. Так, во Франции посевные площади сельскохозяйственных культур к концу 1916 г. сократились до 64,6% предвоенного уровня, а сбор зерна уменьшился до 30% предвоенного уровня.¹ За 3 года войны в Германии производство пшеницы сократилось на 44%, ржи – на 33%, овса – на 59%.² В России, как отмечено выше, масштабы снижения объемов производимой сельскохозяйственной продукции были в этот период гораздо меньшими.

Основные факторы развития кризиса государственных финансов, а затем развала денежной системы и хозяйства страны, лежали вне непосредственной «сферы ответственности» Министерства финансов.

На первый взгляд механизм финансирования военных расходов за счет увеличения денежных доходов населения, подавляющую часть которого по-прежнему составляло крестьянство, действовал достаточно результативно. В докладе Министра финан-

¹ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция ... с.99-100

² Там же с.82

сов о проекте росписи на 1917 год П.Л. Барк указывал, что платежеспособность крестьянства выросла, и рассчитывал использовать этот ресурс для размещения госбумаг и финансирования войны.¹ За 1916 г. количество кредитных билетов в обращении выросло в 1,6 раза и составило 9,1 млрд. руб. По сравнению с началом войны масса бумажных денег увеличилась почти в 5,6 раза.² Т.е. 1916 г. темпы роста цен уже сблизились с темпами роста денежной массы. На 1 января 1917 г. общая сумма вкладов только в сберегательные кассы увеличилась до 5,2 млрд. руб. или в 2,6 раза по сравнению с 1 января 1914 г.³ С учетом 3-4 кратного роста цен это увеличение не выглядит столь уж значительным к началу 1917 года.

Заставляя Госбанк печатать деньги в обмен на казначейские векселя и оплачивая этими деньгами заготовки, Министерство финансов рассчитывало затем получить эти деньги от крестьян займы. За 1914-16 гг. Министерству земледелия для финансирования закупок хлеба было выделено 1079 млн. руб.⁴ И эта политика приносила результат, но лишь до тех пор, пока инфляционные ожидания не стали доминировать на товарных и денежных рынках страны, в том числе, и в крестьянской среде. Немалую роль в таком развитии событий сыграло уменьшение товарной массы поступающей в деревню – с одной стороны, и резкое увеличение денежных средств крестьянства – с другой.

Прекращение продажи водки дало среднему крестьянскому хозяйству дополнительные денежные доходы. Прибавка в губерниях Европейской России составила около 1/10 части душевого дохода крестьянина.⁵ Снижение посевных площадей во владельческих хозяйствах в основном в связи с нехваткой призванных в армию наемных работников в 1915 г. составило почти 50% от довоенного уровня.⁶ Исчезновение с рынка значительной части зерна, производимого во владельческих хозяйствах, и рост спроса обеспе-

¹ Сидоров А.Л. Финансовое положение России с.126-127

² Там же. с.144

³ Там же. с.168

⁴ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция с.221

⁵ Оценка по Петров Ю.А. Налоги и налогоплательщики в России начала XX века. Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003. с. 395, 407

⁶ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование с.122

чили повышение цен до уровня, в среднем превысившего издержки крестьянских хозяйств (более высокие сравнительно с затратами на единицу продукции во владельческих хозяйствах) В ходе войны значительная часть крестьянских хозяйств впервые в аграрной истории России получила уникальные возможности накопления. Согласно оценкам Н.Д.Кондратьева, сделанным на базе бюджетных обследований крестьянских хозяйств, в 1916 г. отношение расхода к приходу крестьянских хозяйств в Симбирской губернии (зернопроизводящей) уменьшилось до 61,7%, в Волоколамском уезде Московской губернии (зернопотребляющей)- до 77,6%.¹

Однако эти финансовые ресурсы по большей части не были использованы производительно. Операции Крестьянского банка по выдаче ссуд на покупку земель с началом войны стали резко сокращаться. Уже в 1915 г. при посредничестве Крестьянского банка было приобретено втрое меньше земли, чем в 1913 г., хотя земельный запас Крестьянского банка продолжал увеличиваться.² Кроме того, на товарных рынках отсутствовали сельскохозяйственные машины, удобрения, инвентарь, лошади, наконец, свободные рабочие руки для обработки арендованной земли. Производство сельскохозяйственных машин в 1915 г. составило 50%, в 1916 г. – 20% от уровня 1913 г.³

Наоборот крестьяне, значительная часть которых многие годы была вынуждена продавать хлеб по низким ценам, чтобы расплатиться по налоговым и другим обязательствам, получив дополнительные денежные доходы, не торопились продавать хлеб, ориентируясь на постоянный рост заготовительных цен и не желая наполнять карманы обесценивающимися рублями, на которые стало трудно купить уже не только инвестиционные, но и потребительские товары. Один из участников совещания по вопросам продовольствия в августе 1916 г. описывал соотношение цен на продукцию промышленную и сельскохозяйственную так: «за пуд железа

¹ Там же с. 130-131

² Проскурякова Н.А. Земельные банки Российской империи. М., 2002. с 337,344-346

³ Маевский И.В. Экономика русской промышленности ... с.121

раньше давали 1,5 пуда пшеницы, а теперь 6; за пуд пшеницы раньше можно было купить 10 аршин ситца, а теперь 2».¹

Эти ценовые диспропорции были результатом быстрой деградации структуры промышленности России. К 1916 г. развитие гражданских отраслей хозяйства стало резко отставать от потребностей потребительского рынка. Главной причиной был недостаток капиталовложений, который не позволял организовать производств во в необходимых объемах. Ожидаемая доходность инвестиций в гражданских отраслях была заведомо более низкой, чем на предприятиях, работавших на оборону. Так, прибыль 7 акционерных предприятий металлообработки в 1916 г. составила 812% к уровню 1913 г. «Но военная экономика одарила монопольно высокими прибылями далеко не все отрасли» - отмечал И.В. Маевский.² В группе из 134 акционерных предприятий промышленности валовая прибыль в 1916 г. увеличилась в 2,84 раза к уровню 1913 г.³ Чистая прибыль по 162 предприятиям обрабатывающей промышленности (пищевой, кожевенной, обработке шелка и хлопка, производству одежды) за тот же период выросла в 1,96 раза.⁴ Т.е. и в том, и в другом случае рост прибыли отставал от 3-4 кратного увеличения общего уровня цен.⁵

В формировании условий возникновения товарного дефицита немалую роль сыграли как «регулирующие меры» правительства, так и инициатива «общественности» в центре и на местах.

После создания Особых совещаний быстро обнаружилось, что заявки ведомств на получение наиболее важных видов продукции, как правило, превышают имеющиеся ресурсы. В этой связи объемы товаров, поступающих на «вольный рынок» постоянно сокращались. Так, к августу 1916 г. ежемесячно распределялось 15,5 млн. пудов железа и стали, а только военные потребности оценивались в 18,5 млн. пудов. Для «вольного рынка» не оставалось практически ничего. В том же 1916 г. 2/3 продукции текстильных пред-

¹ Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. т. II Мюнхен, 1949, с. 201

² Маевский И.В. Экономика русской промышленности ... с. 220

³ Сидоров А.Л. Экономическое положение России ... с. 406

⁴ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция ... с. 19

⁵ Сидоров А.Л. Финансовое положение России ... с. 147-148

приятый были загружены военными заказами. «Вольному рынку» оставалось менее 1/3 произведенного.¹

В то же время важнейшие базовые отрасли промышленности в результате стихийного (поощряемого высокой прибылью) и организованного правительством перераспределения ресурсов в интересах военных заказов не получали необходимых инвестиций для развития. По сравнению с уровнем 1913 г. объем производства в горной и горнозаводской промышленности в 1915 г. составил 92,3%, в 1916 г. — 93,8%, в то время как производство продукции металлообрабатывающей промышленности выросло в 1916 г. в 3 раза.² Ограниченность сырьевой базы привела к сокращению производственных возможностей такой ключевой для России отрасли хозяйства как транспортное машиностроение. Количество паровозов и вагонов на начало 1916 г. по сравнению с началом 1915 г. увеличилось соответственно на 3,3% и 6,7%. Но уже на начало 1917 г. при возросшем объеме перевозок количество паровозов и вагонов снизилось по сравнению с началом 1915 г. соответственно на 16,1% и 14,1%.³ При этом оборот товарных вагонов в январе-феврале 1917 г. увеличился на 1/3 по сравнению с аналогичным показателем 1916 г.⁴

В ходе войны постоянно расширялась сфера применения централизованно нормируемых цен на промышленные товары — табак и табачные изделия, спички, ткани, сукно, уголь, нефть. Голоса представителей торговли и промышленности, а также таких экономистов, как С.Н. Прокопович, утверждавших, что «свобода торговли лучше хаоса несогласованных административных запрещений и такс», а нормирование цен приведет к недостаткам таксированных товаров,⁵ остались в меньшинстве. В августе 1916 г. министеру торговли и промышленности было предоставлено право устанавливать, по согласованию с министрами военным, морским и путей сообщения, предельные цены на металлы и изделия из них. Главной причиной нормирования цен на хлеба, сукно, металлы

¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России с. 377. 385.

² Там же, с. 350

³ Там же, с. 607

⁴ Там же, с. 608

⁵ Маевский И.В. Экономика русской промышленности с. 236-237

была ограниченность средств военного ведомства. Отмеченный Советом Министров в марте 1916 г., «непомерный рост цен по военным заказам»¹ был обратной стороной высокой прибыльности этих заказов.

Не меньшее значение имела инициатива мест - земств и городов. В начале войны Министерство внутренних дел циркулярным письмом предписало губернаторам для борьбы со спекуляцией «озаботиться изданием ... обязательных постановлений, регулирующих цены на предметы первой необходимости».² В результате в губерниях и городах по инициативе «снизу» стали вводиться предельные цены на самые разнообразные товары. С большим трудом центру удалось подавить получившую широкое распространение практику установления запретов на вывоз отдельных товаров за пределы губерний, но практика нормирования и таксирования различных товаров распространялась все шире. Ее логическим результатом стала карточная система распределения важнейших продовольственных продуктов. В 1916 г. эта система существовала уже в 40 губерниях.³

Вследствие увеличения контингентов, находившихся на государственном (централизованном и местном) снабжении, напряженность баланса заготовок хлебов возрастала. Еще в декабре 1915 г. Николай II дал Председателю Совета Министров следующий рескрипт: «Ознакомившись из повседневной печати с ростом нужды необеспеченного населения некоторых городов, признаю необходимым, чтобы Совет Министров немедленно обсудил и доложил мне, какие могут быть изысканы меры к планомерному снабжению нуждающихся местностей империи продовольствием и топливом».⁴ Рескрипт вызвал усиленную бюрократическую работу центральных ведомств, которая, однако, не привела к существенному изменению ни методов, ни состояния организации снабжения. Газеты либерального направления требовали ограничения свободной торговли и твердых цен.⁵ В организации продовольст-

¹ Там же, с. 269

² Китанина Т.М. Война, хлеб и революция ..., с. 159

³ Там же, с. 354-355

⁴ Там же, с. 146

⁵ Там же, с. 172

венного снабжения модно было уповать на благотворительную роль «общественности», а не на слепые силы рыночной стихии. Город желал получать зерно по твердым ценам, невзирая на предупреждения, что крестьянин «решительно и категорически ... отказывается везти свой хлеб на рынок по фиксированной цене».¹

Трудности в бюджетной и финансовой сфере, накопленная инерция использования административных методов подталкивали правительство к расширению масштабов разверстки. Разверстка казалась инструментом, который позволит нивелировать влияние роста цен и обеспечить независимо от состояния бюджета и денежного обращения необходимые нормы потребления в армии и в тылу. Но методы разверстки, к тому же проводимые со свойственной российскому бюрократическому аппарату неуклюжестью, были результативны лишь до тех пор, пока охватывали меньшую часть товарной массы и в целом ориентировались на «вольный рынок». Даже осенью 1916 г. на снабжении армейского интендантства находилось не более 10 млн. чел.,² т.е. порядка 7% населения Российской империи. До осени 1916 г. заготовки происходили путем закупки на рынке. Нормировка цен, запреты вывоза и угроза реквизиций были лишь вспомогательными мерами.³

В 1915 г. объем производства товарного хлеба составил по оценке Н.Д.Кондратьева около 515 млн. пуд. (включая кормовые, без картофеля). Фактический объем заготовок в кампанию 1915/16 г. составил 500 млн. пуд. При этом запасы хлебов в стране увеличились.⁴ В том числе Министерством земледелия для армии было заготовлено 343 млн. пуд. или 100% от всех заготовленных этим Министерством хлебов.⁵ С помощью частных посредников было приобретено до 50% хлебов.⁶ По расчетам Министерства земледелия, закупки для войск муки, крупы и фуража из урожая 1916 г. должны были составить не менее 485 млн. пуд.,⁷ что составляло

¹ Там же, с. 165-166

² Сидоров А.Л. Экономическое положение России ..., с. 487

³ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование ..., с. 200

⁴ Там же, с. 130, 228, 141

⁵ Киганина Т.М. Война, хлеб и революция ..., с. 212

⁶ Сидоров А.Л. Экономическое положение России ..., с. 482

⁷ Киганина Т.М. Война, хлеб и революция ..., с. 211

менее 1/10 валового сбора хлебов 1916 г. и было гораздо меньше имевшихся в стране запасов хлебов.¹ Но с учетом потребностей городского населения общая величина заготовок должна была превысить 1 млрд. пуд.² Иными словами, напряженность хлебозаготовки, сравнительно с имевшимся количеством товарного хлеба, возникала именно в результате включения в план разверстки потребностей городского населения. Исчисление этих потребностей опиралось на требования мест, которые четкой оценке и контролю не поддавались.

В начальной стадии развития находилась инфраструктура, которая позволяла бы концентрировать под контролем государства крупные запасы зерна. Начатая перед войной программа строительства 160 элеваторов Государственного банка общей емкостью 126,4 млн. пудов в случае полной реализации могла обеспечить хранение не более 1/5 только вывезенных за рубеж хлебов в 1913 г. (не самом удачном). При этом реально к концу 1915 г. было введено в действие лишь 13% запланированного объема зернохранилищ.³

Увеличение объема потребностей, которые предполагалось удовлетворять посредством централизованного и организованного на местах снабжения, привели правительство к мысли об усилении принудительного начала в организации заготовок и отказу от использования посредничества частных заготовителей.⁴ К этому же подталкивало неудачное начало заготовительной кампании 1916/17гг. (за август-октябрь было заготовлено лишь 2/3 от заготовленного в предшествующем году).⁵ Эта неудача, как указано выше, отчасти была результатом политики самого правительства.

В начале декабря увидело свет постановление Министерства земледелия «О разверстке зерновых хлебов и фуража, приобретаемых для потребностей связанных с обороной». Разверстке подлежало 772 млн. пудов, т.е. в 1,5 раза больше, чем было заготовле-

¹ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование ... с 126

² Китанина Т.М. Война, хлеб и революция ... с.212

³ Проект государственной росписи доходов и расходов на 1916 год ... Ч.2. с.9,14-15.

⁴ Сидоров А.Л. Экономическое положение России ... с 482

⁵ Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование ... с.228

но в предыдущем году и в 1,4 раза больше, чем весь объем товарного хлеба урожая 1915 г.¹ Это притом, что валовой сбор хлебов в 1916 г. оказался на 1/5 ниже, чем в предшествующем году.² Необходимое количество хлебов в России было, поскольку в 1914 и 1915 гг. их сбор значительно превышал объемы потребления армией и гражданским населением. Об этом свидетельствуют цифры баланса производства и потребления хлебов. Приводя эти цифры, Н.Д. Кондратьев писал: «Легко видеть, что если брать баланс не по каждому году отдельно, а вообще за время войны и по всем хлебам, говорить о недостатке хлебов в России за рассматриваемое время не приходится и нельзя: их более чем достаточно».³

Разверстка хлебов касалась всех регионов и всех производителей. Закупки разверстанных хлебов должны были производиться по твердым ценам. С половины ноября 1916 г. начинается снабжение населения по планам, с января 1917 г. в план включается железнодорожное население.⁴

В условиях товарного дефицита и инфляционных ожиданий, проводимая в столь значительных масштабах, разверстка стала механизмом запуска продовольственного кризиса. Уже в начале 1917 г. доклад «Продовольственное положение городов по данным экспедиционного обследования Всероссийского союза городов в январе 1917 г.» констатировал: «продовольственный вопрос запутался безнадежнее прежнего, пресловутая разверстка успела наглядно обнаружить свою несостоятельность, а продовольственное дело в империи превратилось в общеимперскую продовольственную катастрофу».⁵

Таким образом, правительство не смогло обеспечить мобилизацию хозяйства страны методами рыночного регулирования. Вместо этого тихим бюрократическим порядком на разных этажах власти без четко определенных целей и сколько-нибудь серьезного анализа возможных последствий были начаты масштабные опыты

¹ Сидоров А.Л. Экономическое положение России ... с.489; Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование с.130,228

² Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование ... с.126

³ Там же с. 127

⁴ Там же с.275

⁵ Сидоров А.Л. Экономическое положение России ... с.491

по управлению экономикой с помощью директивно-распределительных методов. Эти методы в России в период первой мировой войны показали и свою принципиальную неэффективность, и несовместимость со стабильным развитием государственных финансов и денежно-кредитной системы. Методы же централизации, директивной разверстки и тотального принуждения, позднее широко примененные для формирования мобилизационной экономики большевиками, предполагали совершенно иную систему социальных отношений, контуры которой ни царская бюрократия, ни политический класс общества в тот момент не могли и представить.

Стихийные силы рынка, до лета 1916 г. обеспечивавшие работу хозяйства страны в основном за счет механизмов саморегуляции, в условиях формирования структурных диспропорций и усиления роли директивно-распределительных методов управления потеряли свои созидательные возможности. При формировании глубоких структурных диспропорций и связанном с этими процессами накоплении платежеспособного спроса на продукцию отдельных отраслей и секторов хозяйства, монетарные эффекты приобрели разрушительный макроэкономический характер. Финансовый сектор стал терять функции как посредствующее звено в движении общественного капитала. Это проявилось в образовании относительного избытка свободных денежных средств на фондовом рынке, который стимулировал рост цен на бумаги предприятий, которые выполняли военные заказы. Спекулятивный ажиотаж притягивал свободные денежные ресурсы из гражданского сектора экономики. В результате этот сектор лишался и без того незначительных источников инвестиций.

В течение всего 1916 г. курсы ценных бумаг, котируемых на частных биржевых собраниях, росли. (Официальная деятельность бирж с началом войны была приостановлена.) Лишь в конце января 1917 г. деятельность Петроградской фондовой биржи была возобновлена. «На бирже (*Санкт-Петербургской*) вакханалия. ... все идет на повышение» - отмечал П.П. Мигулин в феврале 1917 г.¹

¹ Лизунов П.В. Санкт-Петербургская биржа и российский рынок ценных бумаг (1703-1917) СПб..2004. с. 478

Министерство финансов, по-видимому, рассчитывало использовать относительный избыток средств на фондовом рынке как источник финансирования государственных заимствований. Но подобная схема могла быть жизнеспособной, когда инфляционные и политические риски не были в глазах инвесторов чрезмерными. Биржевой бум преимущественно был связан с бумагами акционерных предприятий. В марте 1917 г. П.Л. Барк жаловался уже Временному правительству, что «сдержанное отношение к государственным займам» наблюдается не только в действующей армии, но и в остальных классах населения.¹

В конечном итоге концентрация свободных денежных ресурсов системой государственных заимствований при сокращении инвестиций в гражданские сектора промышленности привела к дисбалансу между увеличивающейся денежной массой на руках у населения, основным источником которой были казенные заказы и выплаты, и сокращающейся массой потребительских товаров. Результат этого дисбаланса - инфляция на рынке потребительских товаров.

Таким образом, к началу 1917 г. механизм государственных заимствований за счет доходов предприятий и населения, связанных с потребностями военной экономики оказался дестабилизирован. Рост цен и «кризисы»: продовольственный, топливный, транспортный стали проявлением деструктивной силы рыночных механизмов в условиях господства в важнейших сегментах рынка административных ограничений. Фондовый рынок потерял объективные возможности преобразования сбережений в производительные инвестиции.

К началу 1917 г. созидательные рыночные механизмы оказались парализованными, а директивные – неработоспособными. Оставалось наращивать объемы учета Госбанком казначейских обязательств и печатать деньги. За сентябрь-октябрь 1916 г. выпуск кредитных билетов превысил 950 млн. руб., а за ноябрь-декабрь 1,0 млрд. руб. За январь-февраль 1917 г. количество бумажных денег

¹ Сидоров А.Л. Финансовое положение России ... с.162

увеличилось на 846 млн. руб., что в 4,8 раза превышало эмиссию за январь-февраль 1916 г.¹

«К январю 1917 г. в обращении имелось бумажных рублей на 9 225 млн.,... 3 р. 18 коп. бумажных были равны рублю довоенному».² К началу 1917 г. инфляционные ожидания стали не только самоподдерживающимися и неуправляемыми, но начали деструктивно влиять на важнейшие общественно-экономические институты, в первую очередь, на государственные финансы и, особенно, на государственный долг. К инфляционным ожиданиям добавились опасения неустойчивости государства. По воспоминаниям Председателя Государственной Думы М.В.Родзянко: «Города голодали, в деревнях сидели без сапог, и при этом все чувствовали, что в России всего вдоволь, но нельзя ничего достать из-за полного развала в тылу».³

В начале 1916 г. на съезде кадетской партии, ее видный деятель Н.А.Гредескул предупреждал: «Если бы старый режим захотел зло пошутить над нами на фоне происходящей трагедии, он сказал бы: «Извольте, становитесь на наше место». И что тогда? ... Получилось бы дилетантское министерство, лишенное деловых навыков и непривычное к политической работе в условиях обладания властью».⁴

Так и случилось. Временное правительство продолжило и довело до пределов политику директивной разверстки хлебозаготовок, выпуск необеспеченных денег, карточную систему. С марта по ноябрь 1917 г. Временное правительство выпустило свыше 9,5 млрд. руб., т.е. столько же бумажных денег, сколько было в обращении перед Февральской революцией.⁵ К январю 1918 г. курс рубля упал уже в 16,3 раза.⁶

¹ Оценка по данным Беляев С.Г. П.Л. Барк и финансовая политика России ... с.592-594

² Финансовая политика за период с декабря 1920 г. по декабрь 1921 г. (отчет IX Всеросс.Съезду Советов. Наркомфин. 1921.с.5

³ Родзянко М.В. Крушение империи. В кн. Гибель монархии. М., 2000, с.233

⁴ Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 - весна 1917 г.) М., 2003, с.193

⁵ Сидоров А.Л. Финансовое положение России ... с.144

⁶ Финансовая политика за период с декабря 1920 г. по декабрь 1921 г. ... с.5

Таким образом, ресурсный потенциал, уровень развития сельского хозяйства, промышленности и транспорта, состояние финансовой системы не ставили непреодолимых преград формированию в стране в период первой мировой войны мобилизационной экономики на базе рыночных отношений. Движение по этому пути было возможно только в результате продуманной системы финансово-экономических мероприятий, нацеленных на поддержание сбалансированной структуры народного хозяйства страны, своевременное формирование гибкой и охватывающей все виды доходов налоговой системы, организацию государственных заимствований, опирающихся на реальное движение капитала. Но сила господствующих иллюзий и недееспособность политического класса, толкали российское общество в совершенно ином направлении.

ФИСКАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Накануне Первой мировой войны в России существовала сложившаяся система бюджетных доходов. Россия покрывала свои расходы за счет налоговых поступлений, таможенных пошлин, экономических монополий и доходов получаемых от государственных учреждений и предприятий. Доля последнего вида доходов в российском бюджете составляла около 34 %, но если рассматривать бюджет не в целом, а за исключением издержек казны на покрытие расходов, связанных с каждым источником его формирования, эта доля была меньше.¹ В мирное время основой обыкновенного бюджета являлись налоговые доходы и доходы экономических монополий.

Вступление России в Первую мировую войну нарушило финансовое равновесие. Военные действия потребовали резкого роста чрезвычайных расходов государства (непосредственно связанных с ведением военных действий) и создания секретного военного фонда, за счет которого должны были финансироваться военные операции. Война вела не только к росту расходной части бюджета, но и к сокращению его доходной части.

Военные действия привели к снижению экономической активности населения, что повлекло за собой уменьшение поступлений косвенных налогов. Уменьшение коммерческого движения поездов по железным дорогам внутри страны и за рубеж, связанное с вступлением России в войну и началом военных действий, привело к снижению доходов казны от железнодорожных перевозок и таможенных пошлин. Но особенно заметный урон бюджету нанесло прекращение поступлений доходов от казенной винной монополии.

Со вступлением России в войну была запрещена продажа водки, а позднее даже виноградного вина (вне местности его производства) и пива. Вначале этот запрет распространялся на момент

¹ Расчет сделан по материалам Министерства финансов 1903-1913 гг., с. 6

мобилизации, но фактически он привел к введению сухого закона в стране. Сельским, волостным обществам, земским собраниям и городским думам на время войны было дано право запрещать продажу любых спиртных напитков на местах. Практически повсеместно право на запрет продажи спиртных напитков было реализовано.

Резкое снижение поступлений доходов в государственную казну и одновременный рост государственных расходов, вызванный началом военных действий, требовали принятия неотложных мер. В первую очередь было необходимо компенсировать недополучение обычным бюджетом почти трети дохода вызванного уменьшением базы для косвенного налогообложения и, в первую очередь, прекращением поступления в бюджет доходов от винной монополии.

Попытка компенсировать недобор средств в государственном бюджете от ликвидации продажи казенной водки за счет увеличения ставок косвенных налогов на предметы широкого потребления не смогла полностью решить проблему. Хотя Министерство финансов увеличило ставки акцизов на все подакцизные товары от 20 до 80% и даже ввело ряд новых налогов и сборов (на телефон, перевозку пассажиров, багажа и грузов) это позволило покрыть только половину недополученных доходов.

Неэффективность пополнения бюджета за счет увеличения акцизных ставок заключалась еще и в том, что значительная часть косвенных налогов, в конечном счете, оплачивалась за счет государственного бюджета, так как в условия военного времени само государство являлось конечным потребителем многих подакцизных товаров и услуг.

Такие же проблемы возникали и при получении и уплате таможенных пошлин. В первые месяцы войны произошел рост объема поступлений от таможенных пошлин. Это было вызвано значительным увеличением импорта товаров и сырья, необходимых для снабжения предприятий, работающих на армию, и самой армии. Номинальный рост объема таможенных пошлин не мог принести реального эффекта для государственного бюджета, так как эти доходы становились одновременно и расходами, которые необходимо было компенсировать за счет бюджета. Понимая это, правительство не меняло тарифы таможенных пошлин.

Реальным путем увеличения доходной части бюджета без экстраполяции этих доходов на расходную его часть было повышение ставок прямых существующих налогов и введение новых прямых налогов. Экономически это был наиболее правильный путь, но он был связан с определенными политическими сложностями.

Вопрос об увеличении доли прямых налогов поднимался и до начала Первой мировой войны, но теперь левые силы настаивали на немедленном введении прогрессивного подоходного налога, налогов на наследство, имущество и капитал и высокого обложения военных прибылей. В свою очередь, торгово-промышленные круги и землевладельцы вели активную борьбу против законопроектов о повышении налогообложения, которое затрагивало их интересы. Противоречие интересов в данном вопросе этих наиболее влиятельных групп населения тормозило модернизацию налогообложения.

Торгово-промышленные круги выступали за решительную реорганизацию прямого налогообложения и расширение налоговых источников. Они настаивали на привлечение к налогообложению крупных землевладельцев и государственных чиновников. Их оппоненты настаивали на обложении промышленных военных прибылей. Мнение двух противоборствующих сторон совпадало только в одном: и те и другие считали необходимым распространение подоходного налога на малоимущие слои населения. Взаимные претензии землевладельцев и промышленников создали ситуацию, при которой введение закона об изъятии военных прибылей и введение подоходного налога были взаимосвязаны¹.

Весной 1916 года новые налоги были введены законодательно. Первым был опубликован Закон о подоходном налоге. Согласно новому закону налог должен был взиматься с дохода полученного в любой форме независимо от источника. Налогообложению подлежали любые формы прибыли и доходов, недвижимая собственность, денежные капиталы, все торговые, промышленные и иные предприятия и общества. В основе лежал принцип личного

¹ Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М., 1979. С. 408-409

налогообложения. Каждый должен был платить налог в соответствии со своими доходами. Минимум, подлежащий налогообложению, составлял 850 рублей в год. Принцип налогообложения был регрессивным: ставки налога уменьшались увеличением дохода.

Летом 1916 года правительство утвердило форму отчетности по подрядам и поставкам для расчета налога на прирост прибыли. В отчетности предусматривалась обязанность сообщать обо всех поставках и подрядах, начиная с 1912 года. В них также должен был указан размер жалования служащих. Данные отчетов довоенного времени должны были использоваться для выявления базовой нормальной довоенной прибыли. Сравнение ее с прибылью, полученной в годы войны, позволило бы выявить прирост прибыли, который рассматривался как военная сверхприбыль.

Одновременно с введением военного налога на прирост прибыли был введен ряд налоговых льгот. Торговые и промышленные учреждения, расположенные в прифронтовых зонах, освобождались от дополнительного налогообложения за текущий год. В виде исключительной меры от налога на военную прибыль освобождались заводы, заключившие контракты до опубликования закона.

Прежние налоги не отменялись, но при уплате нового подоходного налога в его сумму засчитывался промысловый налог.

Оба закона, регулирующие прямо налогообложение, должны были существенно увеличить поступление налогов в бюджет. Только от подоходного налога правительство предполагало получить около 75 миллионов рублей в год. Смена политической власти в начале 1917 года на первом этапе не изменило характера налоговой политики.

В «Заявлении Временного правительства о признании денежных обязательств царизма и о характере финансовой политики» от 8 марта 1917 года отмечалось, что «все платежи, следующие в казну, — налоги, пошлины и иные всякого рода поступления — должны вноситься по-прежнему, впредь до изменения их новыми законами»¹. Но уже 17 марта вышло постановление об отсрочке

¹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской революции.

платежей по подоходному налогу на 1-2 месяца «ввиду новизны закона о подоходном налоге»¹.

Новые налоговые законы были приняты только 12 июня. Это были законы «О повышении окладов государственного подоходного налога», «Об установлении единовременного налога» и «Об изменении оснований взимания и размеров временного налога на прирост прибылей торгово-промышленных предприятий и вознаграждения личных промысловых занятий».

Первый из этих законов реформировал закон от 6 апреля 1916 г. Годовые доходы от 100 до 200 тыс. руб. должны были облагаться по ставке 20%, а не 8%, соответственно предыдущему закону. Доходы от 200 до 300 тыс. руб. в год облагались налогом по ставке 25%, а более 300 тыс. руб. — по ставке, постепенно приближающейся к 30%. Ставка обложения самых высоких доходов (от 400 тыс. руб. в год и выше) увеличилась с 12,5 до 30%. Необлагаемый минимум по новому закону повысился с 850 до 1000 руб. в год. С дохода в 1000 руб. в год налог брался по ставке 1,2%, с 10 тыс. руб. он составлял 7% (по прежнему закону — 3%). Поступления налога осуществлялись в государственную казну двумя частями. Первая половина, уже с учетом корректировки, должна была быть внесена не позже 2 октября 1917 г.²

Закон «Об установлении единовременного налога» вводил новый единовременный налог для физических и юридических лиц, годовой доход которых превышал 10 тыс. руб. Ставки единовременного налога приравнивались к ставкам подоходного налога. Закон допускал понижение размера единовременного налога, предусмотрев максимум совокупного налогообложения. Если сумма единовременного налога вместе со всеми другими налогами превысила бы 90% совокупного годового дохода, то единовременный налог предполагалось понизить так, чтобы суммарный налог не превысил 90% доходов. Такое налогообложение рассматривалось Временным правительством как национализация доходов имущих классов. Сам закон рассматривался как временная мера, «вызванная крайним истощением финансовых ре-

¹ Вестник Временного правительства. 1917, 17 марта

² Вестник Временного правительства. 1917, 16 июня

сурсов государства, заставляющим отказаться от некоторых предположений современной теории финансового права»¹. Ранее максимальная часть изъятия прибыли не могла превышать 50%.

Закон «Об изменении оснований взимания и размеров временного налога на прирост прибыли торгово-промышленных предприятий и вознаграждения личных промысловых занятий» предусматривал внесение ряда изменений и дополнений в действовавший закон от 13 мая 1916 г. Расширился круг предприятий и частных лиц, подлежащих обложению налогом на военную сверхприбыль. В этот разряд теперь попадали торговые посредники, а также лица, получившие выгоды от переуступки другим лицам принятых ими подрядов и поставок или от участия в получении подрядов и поставок другими лицами. Теперь налогом облагалась сверхприбыль, полученная не только в 1917 г., но и в предыдущем. Были повышены ставки налогообложения для акционерных обществ, товариществ на паях и т.п. от 40%, при сумме прироста более 6% ставка составляла 40%, а при 20% она

Законы вызвали критику, как со стороны радикальной, так и со стороны либеральной части общества. Первые были недовольны тем, что законы предусматривали изъятие только доходов, не затрагивая нажитых капиталов и имущества. Они считали, что из-за обесценивания денег, изъятие денежных доходов в 1917г., утратило свое значение, и было явно недостаточным. Первый съезд Советов требовал высокого единовременного поимущественного налога, который должен был быть реальным источником покрытия, чрезвычайных расходов государства в военное время². Недовольство вызывало и то, что налог на военную прибыль был ограничен только двумя последними годами войны, не затрагивая два первых года, которые тоже принесли военную сверхприбыль.

Остались неизменными как методы оценки подлежащих обложению доходов, так и налоговые органы, что не позволяло реально контролировать объем и сроки налогообложения. Обложе-

¹ Тихотский К.И., Тепак П.Е. Новые налоговые законы. М., 1917. с. 3

² Вестник Временного правительства. 1917, 16 июня

³ Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной Думы. М.- Л., Политиздат, 1932. с. 217

нию подлежал не действительный доход, а податная прибыль (часть чистой прибыли); ее размер определялся на основании предоставленных самими плательщиками деклараций о доходах. По мнению большевиков отсутствие закона об отмене коммерческой тайны и тайны банковских вкладов не позволяло реально использовать эти законы¹. В ответ на издание законов от 12 июня 1917г. банки поставили правительство в известность о возможном отказе краткосрочного кредита для государства в виде «займа свободы»². Под давлением финансовых кругов уже в сентябре правительство приступило к фактической отмене законов от 12 июня 1917г. В развитие этого решения 11 сентября 1917г. Министерство финансов внесло предложение в правительство о пересмотре отдельных положений июньских законов, включавшее:

- перенос сроков уплаты налогов;
- изменение порядка обложения сверхприбыли, исключив из подлежащей обложению прибыли суммы, уплачиваемые по подоходному и промысловому налогам;
- сохранение максимального налогообложения доходов в 90% только для подотчетных предприятий, уменьшив его до 50% для неподотчетных предприятий и до 40% — для лиц высшей администрации;
- введение льгот по всем трем законам в виде отсрочки платежей и сложения пени.

13 октября 1917г. правительство утвердило эти предложения.

Поправки свели поступление в государственный бюджет от прямых налогов практически к нулю, так как введение единовременного налога было перенесено на конец следующего финансового года, налоговый максимум понижен почти до уровня предыдущего года, а большая часть военных сверхприбылей вообще освобождена от налогообложения.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч., Т.25. С.328-329

² Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Документы и материалы, М.:Л., изд. АН СССР, 1957. ч.2, с.407-409

Реально в казну за 1917 год прямых налогов поступило всего 644 млн. руб., в то время как ожидаемые поступления только промышленного налога планировались в 700 млн. руб. От вновь введенных налогов в казну поступило 100 млн. руб., хотя только от нового подоходного налога ожидали поступления 500 млн. руб.

Неудавшаяся попытка усиления роли прямых налогов привела к тому, что и при Временном правительстве косвенные налоги оставались основной статьей налоговых поступлений в государственную казну.

Как и до революции, основой косвенного налогообложения продолжали оставаться налоги на ряд предметов потребления — акцизы. Однако их роль в формировании государственного бюджета за несколько военных лет относительно снизилась. Немалую роль в этом сыграла неизменность принципов начисления и поступления косвенных налогов, которые были разработаны в экономически стабильное мирное время.

Ставки акцизов в России, как и во всех остальных странах, первоначально устанавливались в определенном денежном выражении с единицы объекта налогового обложения. В условиях экономической стабильности и постоянного курса национальной валюты такой подход себя полностью оправдывал. Изменение акцизных ставок происходило достаточно редко, не чаще одного раза в десятилетие, и почти не затрагивало ни интересы потребителя, ни интересы производителя, так как отражало главным образом изменившиеся условия производства данного продукта и уровня благосостояния основной массы его потребителей.

Однако, при постоянном падении курса национальной валюты, как это происходило во время Первой мировой войны во всех воюющих странах ситуация изменилась. В этих условиях налоги частично теряют свою ценность, в течение периода времени между исчислением налогового оклада и фактической уплатой его в казну. Ставки налогов не успевают за обесцениванием валюты и ростом цен, поэтому удельный вес акциза в цене падает. Государство вынуждено искать другие неналоговые источники покрытия собственных расходов; обычно таким источником оказывается эмиссия. Но это только временно решает проблему и ведет к дальнейшему снижению роли налогов в формировании бюджета.

Столкнувшись с такой проблемой, практически все европейские страны в период Первой мировой войны искали пути ее решения. В некоторых из них попытались искусственно сдерживать рост цен, но жесткое регулирование цен отдельных конечных продуктов не могло сдерживать инфляционный процесс, а фиксирование цены на подакцизный продукт вело к искажению сущности акциза, как налога на потребление. Дело в том, что ограничение цены на подакцизный товар, с фиксированным размером акциза, при достаточной эластичности спроса на данный товар и естественным в условиях инфляции ростом себестоимости, ведет к снижению прибыли производителя ниже общественно нормальной. А это, в свою очередь, ведет к частичному перекладыванию акциза с потребителя на производителя. Если подобное происходит достаточно продолжительное время, это может в конце концов подорвать производство данного товара и резко снизить базу налогообложения. Решение этой проблемы было найдено в Австро-Венгрии, где впервые был изменен ранее существовавший принцип обложения акцизом. От фиксированного акциза с единицы продукции (или его массы) там перешли к процентному исчислению акциза от его цены¹. Временное правительство, не рискуя пойти таким путем, в конце концов было вынуждено поднять ставки акциза на многие подакцизные продукты.

Тем не менее, в военное время, косвенные налоги оказались более приспособленными к условиям экономической, финансовой и политической нестабильности, чем налоги прямые, что и позволило достаточно успешно использовать их для формирования государственного бюджета 1917г. В первую очередь, это определялось самим порядком формирования и поступления косвенных налогов в государственный бюджет. Поступления акцизных сборов в казну происходили регулярно, равномерно и практически с самого начала финансового года, а не в начале следующего финансового года, как это происходит со многими прямыми налогами. Этот фактор становится особенно важным в условиях постоянного и значительного роста дефицита государственного бюджета, сопровождаемого интенсивным инфляционным процессом. За 8 месяцев правления Временного правительства не успело получить основную массу прямых нало-

¹ Микеладзе П.В. Косвенные налоги. Л., 1927, с. 30

говых поступлений в государственный бюджет, а значительная часть косвенных налогов фискальными органами была собрана.

В условиях политической нестабильности важным было и такое свойство косвенного налогообложения, как совпадение момента возмещения акциза потребителем с актом приобретения товара. Это свойство позволяет рассматривать акциз как своеобразный индикатор финансовых возможностей основной массы населения. Полная финансовая невозможность уплаты данного вида налога ведет к сокращению потребления подакцизного продукта и может рассматриваться как достаточно точный показатель излишней налоговой напряженности. В то же время значительное повышение ставки акциза может искусственно стимулировать сокращение некоторых видов потребления.

Поэтому повышение ставки акциза можно рассматривать не только как чисто фискальное мероприятие, но и как попытку сдерживания роста потребления той части продовольственных товаров, которая облагалась акцизом. В условиях напряженного рынка продовольствия акциз выступал в роли экономического регулятора потребления. Во время войны, в условиях ограниченного объема продовольственных ресурсов, при необходимости сократить потребление продовольствия гражданским населением это может быть достигнуто с помощью косвенных налогов. За счет регулирования ставки акциза можно вызвать сокращение, или структурное изменение потребления продовольствия.

Немаловажным было и то, что в России задолго до Февральской революции механизм косвенного налогообложения был хорошо отлажен, и успешное получение косвенных налогов не требовало дополнительных финансовых усилий со стороны правительства. Корректировка данного налогового звена не могла вызвать значительных денежных расходов, тогда как разработка и введение новых прямых налогов должны были сопровождаться большими финансовыми затратами.

Несмотря на все сказанное, до июля 1917 г. Временное правительство, зная отрицательное отношение к косвенным налогам Советов, не решалось поднимать акцизные налоги. Министр финансов Временного правительства А.И. Шингарев утверждал, что вопрос об увеличении косвенных налогов может встать на очередь

только тогда, когда будут исчерпаны все возможности прямого налогообложения.

Даже в условиях провала реформирования прямого налогообложения в июле 1917г., после отмены законов 12 июня, когда Временным правительством был взят курс на усиление косвенного налогообложения, оно не рискнуло вначале увеличивать акцизы на продовольственные товары. А.И. Шингарев предлагал на первой стадии ограничиться подъемом акциза на табак, аргументируя это тем, что денег у населения много, а спрос на табак велик.

Акцизные ставки были повышены по отдельным сортам табака на 49—85%, а предельные цены подняты на 50—189%. При этом повышении сильнее всего увеличивались ставки на самые низкие сорта табака и папирос. Табачные фабриканты ничего не потеряли от подъема акцизного налога, так как при его повышении и изменении предельных цен была учтена их прибыль. Повышение акциза и предельных цен на табачные изделия затронуло также и изделия из махорки, но уже в июле 1917г. Временное правительство приняло решение в недалекой перспективе перейти к махорочной монополии.

Одновременно с повышением косвенного налога на табачные изделия был поднят вопрос о необходимости обложения акцизом продуктов, являющихся заменителями подакцизных товаров. Было намечено распространить акциз на крахмальный сахар, сахарин, а также на зажигательные приборы, заменяющие спички. Параллельно разрабатывался законопроект о повышении акцизных ставок на целый ряд других подакцизных товаров.

Десятого октября 1917г. этот законопроект был вынесен на рассмотрение Временного правительства. В нем предусматривалось повышение акцизных ставок на нефтепродукты, спирт, плодово-виноградные вина, прессованные дрожжи, папиросные гильзы и папиросную бумагу, а также в виде временной меры, до введения монополии на чай. Законопроект содержал ставки и порядок обложения новых подакцизных товаров: крахмального сахара, сахарина и зажигательных приборов, заменяющих спички. Но, как и раньше, от акцизного сбора освобождались нефтяные продукты, используемые для надобностей военной обороны страны: бензол, толуол и ксилол.

Увеличение акцизных ставок в условиях нарастающей инфляции дало только временный эффект. Правительство опасалось повышать размеры акцизного налога регулярно и, тем самым, каждый раз вызывать негативную реакцию основной массы населения. В условиях постоянной опасности взрыва недовольства экономической политикой со стороны основной массы населения Временное правительство искало более завуалированную форму получения доходов в государственном бюджете от подакцизных товаров и выбрало монополию казны на торговлю, а в некоторых случаях и на производство, отдельных видов подакцизных товаров. В первую очередь предполагалось ввести сахарную, махорочную и спичечную монополии. В дальнейшем должна была быть введена чайная и кофейная монополии и монополия на искрометный сплав для зажигалок¹.

Созданию фискальных монополий, способствовал удачный опыт введения винной монополии в России в начале XX в. Прямой возврат к винной монополии в России, в период правления Временного правительства, был невозможен из-за установленного запрета на продажу крепких спиртных напитков. Однако опыт винной монополии показал, что при недостаточном развитии налоговой системы именно фискальная монополия может обеспечить регулярные и возрастающие пропорционально темпам инфляции поступления в государственный бюджет.

Первые попытки Временного правительства в области введения государственной монополии касался нефинансовых монополий — хлебной и угольной. Необходимость введения этих монополий была вызвана сложностью экономической и политической обстановки в стране. Меры, использованные при их введении, были настолько радикальны, что при их оценке иногда проводится аналогия с действиями государства в период военного коммунизма.

В первую очередь, 25 марта 1917г., Временное правительство ввело хлебную монополию. Согласно закону о хлебной монополии, весь урожай 1916г. и остатки зерна от прежних лет подлежали сдаче специальным органам государственной монополии. Каждый производитель должен был представить сведения об имеющихся

¹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции, Ч.2, с.426

запасах хлеба, числе едоков, размере посевной площади и количестве скота. По этим данным определялось, какое количество хлеба можно оставить в хозяйстве. Весь излишек подлежал продаже государству по твердым ценам.

Вокруг вопроса о твердых ценах разгорелся ожесточенный спор. Одна сторона во главе с промышленниками и землевладельцами требовала повышения закупочных цен и сохранения системы свободной торговли. Другая сторона требовала при твердых ценах полного регулирования, как производства хлеба, так и хлебной торговли, транспортировки, распределения и потребления.

Введение хлебной монополии не дало ожидаемых результатов. Государство, потратив на введение хлебной монополии около 500 млн. руб., не смогло гарантировать населению продажу хлеба по более низким ценам, чем частная торговля. Одной из основных причин неудачи введения хлебной монополии был недостаток денежных средств у государства.

Неудачей закончилась и попытка введения (1 августа 1917г.) угольной монополии. Провал этих начинаний был вызван объективными условиями. Введение монополии в условиях военного времени сопряжено со значительными организационными трудностями. Кроме того, банки, которые сначала согласились открыть кредит в размере 100 млн. руб., позднее отказались финансировать эту монополию.

Невзирая на неудачи, связанные с введением хлебной и угольной монополий, Временное правительство планировало ввести государственную финансовую монополию, которая должна была стать основным рычагом усиления косвенного налогообложения. Временное правительство считало, что в этой сфере, традиционно находившейся под контролем государства, не будет таких трудностей, как при введении хлебной и угольной монополий.

Проводя политику монополизации, Временное правительство исходило из того, что с позиции государственного казначейства казенная монополия является наиболее продуктивным способом обложения налогом предметов потребления, потому что в этом случае оптимально используется платежеспособность населения в интересах казны. При этом монополия позволяет извлекать, помимо акцизной ставки, и часть прибыли от производства и торговли.

1 ноября 1917г. Временное правительство ввело сахарную монополию. Это единственная финансовая монополия, которую оно успело реально ввести в действие. На очереди была махорочная и спичечная монополии; через некоторое время предполагалось ввести чайную, кофейную монополии и монополию на искрометный сплав для приборов, заменяющих зажигательные спички.

Установление монополии предполагалось на следующих принципах: казна получала исключительное право на продажу монопольных продуктов внутри России, а также на вывоз и ввоз их из-за границы. Предполагалось, что продукты внутреннего производства будут приобретаться казной на частных заводах и фабриках по ценам, определяемым Министерством финансов ежегодно. Выпуск продукции должен был полностью контролироваться Главным Управлением неокладных сборов, а продажа монопольных продуктов — производиться казной непосредственно с заводов и фабрик, из казенных складов и лавок и из частных торговых заведений на комисионных началах.

При введении монополии государства на торговлю сахаром было принято компромиссное решение: государство устанавливало приемлемые для производителя цены и брало обязательство сдерживать революционные настроения среди рабочих и крестьян, связанных с сахарной промышленностью.

Руководство монополии передавалось в ведение Министерства финансов. Предусматривалось, что Министерство продовольствия займется только распределением сахара. Временное правительство связывало с введением сахарной монополии значительные финансовые планы. По подсчетам Министерства финансов, чистый дополнительный доход казны от монопольной продажи сахара до конца года планировался в размере почти 500 млн. руб.

Высокие доходы Министерство финансов ожидало от введения и других финансовых монополий. Чайная монополия должна была дать 740 млн. руб. чистого дохода, спичечная монополия — принести около 200 млн. руб. прибыли в казну. Министерство финансов также ожидало получить значительный рост доходов бюджета от махорочной, кофейной и других монополий. Если бы все эти проекты были реализованы, то роль косвенных налогов в формировании Государственного бюджета вновь стала бы одной из самых важных.

В качестве финансового результата всех осуществленных и планируемых преобразований в косвенном налогообложении ожидалась сумма в размере более 2,5 млрд. руб. дополнительных доходов уже к концу 1917г.¹

Как показал дальнейший опыт мирового развития, выбранное направление модификации фискальной системы наиболее адекватно военным условиям. Временное правительство не смогло получить желаемый экономический эффект от этих преобразований из-за отсутствия четкого плана необходимых реформ и недостаточной последовательности в реализации принятых решений. Ситуация осложнялась обострившимися противоречиями между различными социальными слоями общества и его нестабильностью. Кроме того, Временному правительству просто не хватило времени на реализацию своих планов. После Октябрьской революции Советское правительство, в значительной мере, прямо или косвенно, использовало опыт предшественников в преобразовании налоговой и фискальной политики.

¹ Экономическое положение России накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Ч. 2. – С. 431.

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ГОРОДСКИЕ И ЗЕМСКИЕ ФИНАНСЫ

Вступление Российской Империи в Первую мировую войну нарушило финансовое равновесие и на уровне государственного, и на уровне местных бюджетов. С одной стороны участие России в войне стимулировало резкий рост чрезвычайных бюджетных статей, в другой – военные действия привели к снижению экономической активности населения и уменьшению налоговых поступлений на государственном и местном уровнях. Эффективность налоговых поступлений также сильно снижалась из-за обесценения денег. С момента начала войны, золото исчезло из обращения. Затем, с осени 1915 г. исчезли полноценное серебро и разменная серебряная и медная монета.

По данным российского экономиста С.Н. Прокоповича количество денежных знаков в обращении менялось в следующих пропорциях:

Таблица 1¹

Количество денежных знаков в обращении в Российской империи в 1914- 1917 годах

Годы		в млн. руб.	в %
1914	1 июля	2.335,4	100,0
1915	1 янв.	3.226,5	138,2
1915	1 июля	4.048,1	173,4
1916	1 янв.	5.656,6	242,4
1916	1 июля	6.712,3	287,4
1917	1 июля	13 228,0	566,4

Согласно этому расчету, в первое полугодие войны денежное обращение увеличилось на 38,2%, во второе — на 73,4%, в третье — на 142,4%, в четвертое - на 187,4% и в пятое - на

¹ Прокопович С.Н. Война и народное хозяйство. М., 1918, с. 327

466,4% На 1 декабря 1916 г. количество денежных знаков в обращении достигло следующих размеров: кредитных билетов 8.383,5 млн. руб., разменных знаков 39,8 млн. руб., итого 8.423,3 млн. руб., на 260,7% более, чем до войны. Обесценение денег последовательно снижало эффективность налогообложения. Если налоги, взимаемые в 1913г., принять за 100%, то, по данным Г.Л. Марьяхина,¹ в последующие годы объемы налоговых поступлений, исчисленные в товарных денежных рублях, по бюджетному индексу статистики труда составляли:

в 1914 году – 80%,
в 1915 году – 68%,
в 1916 году – 63%,
в 1917 году – 22%.

Фактор обесценивания налоговых поступлений усугублялся быстрым ростом расходов в сфере местного самофинансирования накануне войны. Расходы росли с поразительной быстротой: бюджет городов поднялся со 153 млн. руб. в 1904 г. до 297 млн. руб. в 1913 г., т. е. удвоился за девять лет; в земствах расходы росли еще быстрее: с 89 млн. руб. в 1900 г. и 124,2 в 1905 г. до 253,7 млн. руб. в 1913 г.— для 34 земских губерний. К старым земствам прибавилось 9 новых; по сметам на 1914 год сумма расходов всех 43 земств достигла уже 353 млн. руб.²

Между тем, источники налоговых доходов строго ограничивались законом: 15% надбавка к промысловому налогу, предельные ставки городского оценочного сбора, сбора с торговли и промышленности, изъятия из обложения казенных, монастырских и частных железнодорожных имуществ; и ряд других незначительных налогов и сборов не удовлетворяли растущие потребности городов и земств. В предвоенной России настойчиво говорили о необходимости расширения налоговой базы местных бюджетов за

¹ Марьяхин Г.Л. Очерки истории налогов с населения СССР. М., Финансы, 1964, с.23.

² Погребинский А.П. Очерки истории финансов дореволюционной России. М., Госфиниздат. 1964, с.226

счет введения подоходного налога и расширения сферы реальных налогов.

Закон 1912 года, несколько сокративший расходы местных союзов на содержание правительственных учреждений, и закон 1913 г., передавший городам одну шестую налога с недвижимости, мало способствовали ослаблению финансовой нужды и не прекратили настойчивых требований коренной реформы. Однако, вместо реформы разразилась величайшая в мировой истории война, которая потребовала с одной стороны от органов самоуправления крайнего напряжения финансов, а с другой - существенно изменила доходную часть *их бюджетов*.

В целом по исследованиям известного русского экономиста проф. Н.В. Твердохлебова за военные годы (1914 - 1916) произошло снижение налоговых доходов земств по различным уездам от 20 % до 40%; втрое были уменьшены казенные пособия на народное образование; на 30% сокращены казенные пособия на мелиоративные работы.¹

Сократился и такой источник местных доходов как *кредиты*: падение курсов фондов и курса русских денег почти закрыли городам путь облигационных займов, что повело к приостановке многих начинаний. Положение комитета министров от 23 июля 1915 г. лишило крупные города и губернские земства возможности удовлетворить свои чрезвычайный нужды даже с помощью такого громоздкого аппарата, как касса городского и земского кредита, - ограничив мил. рублей в месяц, а краткосрочные ссуды - 100 тыс. на каждое земство или город.²

Резкое сокращения кредитов на народное образование в военные годы характерно практически для всех районов империи. Так в самарской губернии оно составило 426,3 тыс. руб. или 12%, в бузулукском уезде и в воронежской губернии - 600 тыс. или 15%, в белебеевском и других уездах уфимской губернии - 567 тыс. или 18%. Значительно были уменьшены ассигнования и на

¹ Твердохлебов В.Н. Влияние войны на городские и земские финансы. М., 1915, с.23

² Твердохлебов В.Н. Влияние войны на городские и земские финансы. М., 1915, с.28

экономические мероприятия, опять-таки в связи с сокращением казенных пособий, так в самарских земствах они сведены: с 893,6 до 498 тыс. рублей; в олонецкой губернии, в некоторых южных они пострадали даже больше других статей бюджета.¹

Второй после народного образования главной категорией земского бюджета являлись расходы на *медицину*, достигшие по сметам 1914 г. в 43 губернии 82,3 мил. руб. или 23,3% бюджета. Объективно по данной статье должно было произойти увеличение расходов. Кроме издержек по лечению раненых и больных воинов, лишь отчасти покрываемых казной и общеземским союзом, на земства легло попечение о больных, признанных негодными к службе. На земства легли также затраты на подготовку к борьбе с инфекционными заболеваниями и эпидемиями.

Вместе с тем, под влиянием войны в некоторых земствах возникли планы организации *земских предприятий* для производства сельскохозяйственных орудий и других предметов, ввозившихся, до сих пор преимущественно из Германии: "таковы проект в вятском земстве аренды Холуницких горных заводов, бездействующих ныне, проект завода сельскохозяйственных машин в Золотоношском земстве".² Таким образом, война дала толчок намечавшейся уже непосредственно перед ней новой тенденции в деятельности земств - формированию муниципальных производственных предприятий.

Если же тенденцию с изменением величины доходов местных бюджетов рассматривать в целом, то уместно обратиться к исследованиям В.В.Веселовского, который собрал сведения о 53 уездных земствах 18 губерний. Причем, оказалось, что 24 земства в 1915 году увеличили сметы, а 28 - уменьшили их общий прирост по сравнению с 1914 г., несмотря на чрезвычайные ассигнования, вызванные войной. При этом общий прирост еле достигает ½ %, тогда как в 1914 году он равнялся 12,2%.³ Если эти цифры рассматривать как *среднюю тенденцию* в изменении земских смет, то нужно признать, что *"сократительная" тенденция оказалась*

¹ Там же с. 30

² Павлов Я. Земство и война. Вестник финансов. 1915. №9

³ Вестн Пензенского земства. 1915. № 3.

существенной. Обратимся теперь к некоторым данным о состоянии финансовой базы самоуправления в Москве в предвоенные и военные годы, во многом отражающих типичную ситуацию крупных городов России.

Доходная часть бюджета г. Москвы за 1901, 1911, 1917 годы выглядела следующим образом:

Таблица 2¹

**Доходная часть бюджета г. Москвы за 1901, 1911, 1917
годы (в тыс. рублей)**

	1901г.	%	1911г.	%	1917г.	%
Налоги и Пошлины	8104,6	54,1	10773,3	27,1	16445,7	16,5
Городские имущества и оброчные статьи	1053,7	7,0	2177,5	5,5	3085,6	3,1
Городские предприятия	4079,4	27,2	21185,2	53,2	56232,8	56,5
Поступления в возврат расходов	1361,1	9,1	4817,6	12,1	23210,6	23,3
Прочие доходы	374,3	2,6	851,4	2,1	557,9	0,6
ВСЕГО доходов	14973,1	100	39805,0	100	99532,6	100,0

Так, с 1901 по 1917 годы бюджет Москвы возрос в 6,5 раза, а с 1911 по 1917 годы по расчетам в 1,5 раза. Значительные цифры 1917 года объясняются экстраординарной обстановкой войны, обусловившей "широкую деятельность, проявленную Москвой в деле помощи раненым и больным воинам, снабжения армии, обеспечения продовольствием населения, помощи беженцам, выдачи пособий семьям призванных на войну и пр."²

Деятельность эта обеспечивалась отчасти повышением цен на городские услуги (воду, проезд в городском транспорте, и др.), а главным образом за счет правительственных субсидий, зафикси-

¹ Смета доходов и расходов г. Москвы на 1917год. М., 1916, с. 21

² Там же, с. 23

рованных в статье “поступления и возврат расходов”. Государство, отчасти компенсировало Москве те громадные затраты, которые нес город в связи с наплывом массы раненных и беженцев, тогда как в мирное время статья эта, откуда черпались средства на городское благоустройство и развитие народного образования и здравоохранения, носила второстепенный характер. Но даже с поправкой на войну темпы роста доходной части городского бюджета представляются очень высокими. За 10 предвоенных лет, как нетрудно заметить, общий его итог вырос более, чем в 2,5 раза – свидетельство динамичного развития городского организма в начале 20 века.

В структуре доходной части бюджета Москвы еще в начале XX века наметились изменения, усилившиеся в годы мировой войны. Если в 1901 году основной статьей муниципального бюджета являлись налоговые сборы в пользу города (“налоги и пошлины”), то к концу войны на первое место вышли доходы, приносимые городскими предприятиями (трамвай, канализация, городские бойни, водопровод). Дала свои плоды политика “муниципализации” городского хозяйства и крупные инвестиции в эту отрасль, осуществленные городским самоуправлением. Именно прибыль муниципальных предприятий придала городскому бюджету подчеркнутый динамизм.

Налоги и доходы городских предприятий являлись основными статьями бюджета, принося городу в довоенный период около 80% всех доходов. Но за 17 лет в структуре бюджета они менялись местами – налоги ввиду бурного роста городских предприятий, уступили им пальму первенства. Динамика городских налогов, жестко регламентированных законодательством, отставала даже от роста численности населения г. Москвы, которое за 1902 – 1912 годы увеличилось на 39% (с 1174 до 1617 тысяч человек). В годы войны значение внутренних городских источников несколько уменьшилось (за счет роста казенных субсидий (“поступление и возврат субсидий”), но все же и по смете на 1917 год муниципальные налоги и доходы муниципальных предприятий обеспечивали 73% доходов городского бюджета.

По сравнению с этими двумя “китами” московского бюджета остальные статьи доходов носили второстепенный характер. По

статье “городские имущества и оброчные статьи” концентрировались прежде всего поступления от продажи и аренды городской земли, “поступления и возврат расходов” в мирное время формировались, помимо казенных субсидий, за счет поступлений на уплату процентов по городским займам, от пожертвований городу капиталов на благотворительные и просветительные нужды, на здравоохранение и др.

Следует признать, что финансы предреволюционной Москвы отличались сравнительно низким уровнем обложения горожан в пользу муниципалитетов. “Все попытки муниципалитетов добиться каких – либо новых видов обложения для города – подчеркивали муниципальные лидеры Москвы, - были тщетны, даже собственные предпочтения правительства в этом направлении (имелся в виду законопроект 1911 года об усилении обложения торговли и промышленности в пользу земств и городов) не достигли цели...”¹

В целом в России также активно пропагандировались идеи *передачи* земствам и городам *реальных налогов* или, точнее: поземельного, подомового и *основного* - промыслового. Об этом ходатайствовали отдельные города. Указанная реформа оставалась центральным пунктом законопроекта конституционно-демократической партии о реформе местных финансов, ее выдвигали в большинстве статей, и докладов (А.И. Шингарев, Б.Б. Веселовский и др., в Вольном Экономическом, Чупровском обществах). Причем если одни (Б. Б. Веселорский)² говорили лишь о передаче поземельного и подомового и прибавляют осторожно „хотя бы частью”, то другие, такие как А. И. Шингарев³, считали целесообразным перенести в городские и земские бюджеты все доходы от поземельного, подомового и основного промыслового налогов, еще раз подтверждая явно недостаточный объем налоговой базы местного самоуправления.

Однако, несмотря на значительные трудности финансирования продуманная система формирования доходов московских

¹ Московская городская Дума 1913 – 1916 годы. М., 1916, с.116

² Гол. Дело. 1915, № 2

³ В ст. Бюджет государственный и земские бюджеты.// Земск. Дело. 1915, № 1

властей позволяла им осуществлять достаточно активную политику в сфере градостроительства, благоустройства и обеспечения социальных потребностей москвичей даже в военные годы.

Московская Дума, не имея возможности увеличить бюджет за счет городских налогов, все внимание уделяла развитию доходных предприятий, ставших в XX столетии основным источником пополнения городских финансов.

В 1900-е годы в списке городских предприятий появились электростанция (1900 г.), газовый завод (1905 г.) и самое крупное – производство электрических трамваев. До 1901 года в Москве действовали конно-железные дороги («конки»), принадлежащие двум акционерным обществам.

В 1901 году Дума купила конку у 1-го Бельгийского общества и начала работу по переводу ее на электрическую тягу. В 1911 году в собственность города перешла и конно-железная дорога 2-го акционерного общества. Ее линии сразу же переводили с конной на электрическую тягу. Доходы от городского трамвая из года в год росли, и, несмотря на значительные затраты на его эксплуатацию и выплаты по займам, производившиеся из этих же доходов, быстро росла прибыль от этого предприятия.¹

Одновременно с открытием новых предприятий велись работы по расширению и модернизации городских скотобоен, водопровода и канализации. Необходимость их реструктуризации объяснялась быстрым ростом числа жителей столицы. Так, между 1902 и 1915 годами население Москвы увеличилось на 800 тысяч человек, приблизившись к двум миллионам жителей. Поэтому важная задача городского управления заключалась в развитии служб, обеспечивающих первостепенные нужды москвичей и, прежде всего, в увеличении мощности водоснабжения. В 1916 году Мытищинский и, пущенный в 1903 году, Москворецкий водопроводы поставляли в столицу около 12 миллионов ведер воды в сутки, но оба работали на пределе. В Управе разрабатывался план, по которому в Москву должен был поступать воды из Волги и Оки, принося в сутки 100 миллионов ведер воды. По пути эта вода

¹ Финансы города Москвы. // Современное хозяйство г. Москвы, 1901 г., № 12, с. 264-265.

должна была питать и водопроводы других городов, решая, таким образом, проблему водоснабжения целого региона.

Не меньшее внимание уделяла Московская Дума развитию другой городской службы – канализации. Однако ее строительство тормозилось нежеланием хозяев домов подсоединить свои владения к канализационной сети, а, следовательно, и платить канализационный сбор, составлявший особую часть дохода этого предприятия. Именно по этой причине к началу 1904 года к системе первой очереди канализации, пущенной в 1899 году, было подсоединено только 3341 владение, или половина их числа. Это наносило вред санитарной обстановке и убытки городской казне. (Первая прибыль от канализации была получена только в 1907 году). Дело закончилось принудительным присоединением владений к канализации. Руководствуясь этим законом, в 1914 году Дума обязала всех домовладельцев Городской, Тверской и Мясницкой частей города воспользоваться дорогими плодами цивилизации. К концу года к сети было подключено 7200 владений, или 1/3 общего их числа в Москве. Вторая очередь канализации, сооружение которой велось с 1911 года, должен был охватить остальную территорию города.¹

В XX веке городские предприятия становятся по-настоящему доходными, принося в муниципальный бюджет значительную прибыль. Особенно быстро росли поступления в предвоенные годы. Так, если в 1910 году чистый доход по этой статье составлял 15,9%, то в 1911 – уже 17,9%, а в 1912 – 18,8%, ежегодно возрастая в среднем на 2%. Но уже в 1916 году прибыль сократилась до 17,1%.

Таблица 2²

**Расходные статьи городского бюджета г. Москвы
в 1910-1916 годах (млн. руб.)**

Статьи расходов	1910	1912	1916
Правительственные учреждения, полиция и др.	1983	2979	4218*

¹ Краткий очерк канализации г. Москвы. М., 1913, с.29; Известия Московской Городской Думы. М., 1904, вып. 23, с. 113-114

² История финансов Москвы. М., Госгорархив. 1998.с. 90

Городские управления	950	1809	-
Пожарная команда	390	473	-
Благоустройство	1795	2113	3666
Городские предприятия	2563	13451	34397**
Народное образование	1308	4536	7573
Медицина, ветеринария и санитария	2646	5816	9286
Общественное приращение	705	2464	1223***
Уплата долгов	1511	7169	1415****
Содержание городского имущества	534	579	658
Прочие расходы	501	1859	12601***
Всего	14886	43243	75037

- * включены расходы на городское управление и полицию;
 ** включены платежи по займам;
 *** без расходов на Работный дом и Дом трудящихся, составивших около 1,3 миллиона рублей;
 **** кроме займов на городские предприятия;
 ***** включены расходы на военные нужды в размере 984 тысяч рублей.

В целом, анализ функционирования земских и городских финансов в предвоенный период и в годы Первой мировой войны формирует представление о зрелости и очевидной финансовой устойчивости системы местного самоуправления в дореволюционной России. Несмотря на тяжелые условия военного времени и явную недостаточность средств, вследствие сокращения доходных источников, местного самоуправления, накопленный после реформы 1851 года опыт функционирования местных властей на общинном, уездном, волостном и городском уровнях позволил обеспечить сохранение относительно устойчивой социальной ситуации в городских регионах России, сохранить системы земского и муниципального образования, медицинского обслуживания населения и раненных, обеспечить поддержку семей военнослужащих, вдов и

сирот, поддерживать, а в ряде случаев и расширить инфраструктуру и систему коммунальных коммуникаций в крупных городах России.

ПРОМЫШЛЕННАЯ И БЮДЖЕТНАЯ ПОЛИТИКА СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Если рассматривать исторический процесс как непрерывную цепь событий объединенных между собой причинно-следственными связями, необходимо вернуться к итогам Первой мировой войны, заложившим условия возникновения Второй мировой войны.

Безусловно проигравшими странами в войне 1914-1918 гг. явились Россия и Германия, которые оказались в полосе внутренней (смена форм власти) и внешней, (неучастие в выработке условий Версальского Мира) политической, экономической и социальной нестабильности. Поэтому не случайным оказалось сближение интересов России и Германии в 1922 г. в ходе Гёнуэзской конференции, затем их расхождение к 1933 г. после прихода к власти в Германии национал-социалистов во главе с А. Гитлером и снова сближение к 1939 г., когда в результате подписания мирного договора и Россия (СССР) и Германия восстанавливали свои территориальные потери понесенные в ходе Первой мировой войны. Вместе с тем и для России и для Германии неизбежность их будущего военного столкновения сомнений не вызывала.

Уже к концу 20-х, началу 30-х годов XX века политическое руководство СССР осознавало, что сохранять внутри страны политическую оппозицию и одновременно следовать в экономике по пути НЭП – это значит обрекать страну на неминуемое поражение в условиях войны. Поэтому в 1928 г. был взят курс на ускоренную индустриализацию страны; в 1929 г. была окончательно устранена оппозиция; в 1930-32 гг. – проведены кредитная, налоговая и тарифная реформы, что в совокупности позволило перейти к управлению промышленностью и финансовым хозяйством централизованными методами.

Особо следует сказать о двух предвоенных пятилетках (1928/33 и 1933/38 гг.), без которых победа в Великой Отечественной войне была бы невозможна. Даже несмотря на ускоренное развитие советской экономики в предвоенный период к концу 2-й пя-

тилетки электроэнергии на душу населения в СССР производилось в 3,5 раза меньше чем в Германии¹.

Нельзя сказать, что политическое и хозяйственное руководство СССР не предпринимало никаких шагов для обеспечения готовности страны к войне. Достаточно указать на принятое за две недели до начала войны постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 6 июня 1941 г. «Об ответственности наркомов, директоров предприятий, начальников железных дорог, начальников главков за подготовку и выполнение мобплана по боеприпасам»², в котором устанавливалась их личная ответственность по выполнению заданий по производству боеприпасов.

В настоящее время в печатных и электронных средствах массовой информации часто воспроизводится тезис о неготовности СССР к войне и о панике, охватившей советское руководство и в частности И. Сталина в первые дни немецкого наступления. Однако, Указ Президиума Верховного Совета СССР «О военном положении» был принят именно 22 июня 1941 г. В этом указе достаточно подробно изложены полномочия военных органов призванных осуществлять всю полноту властных функций от лица государства на территориях объявленных на военном положении. Очевидно, что без согласования этого указа с И. Сталиным никто не осмелился бы его инициировать в личном порядке.

В начале войны войска противника превосходили Красную Армию в оснащении важнейшими видами вооружения: по орудиям и минометам – на 25%, по танкам – почти в 3 раза, по самолетам – в 3,2 раза. В 1941 г. германская промышленность увеличила по сравнению с 1940 г. выпуск основных видов вооружения: стрелкового и автоматического оружия – на 90%, танков – на 139%³.

Материальной основой проводимой в СССР промышленной и бюджетной политики в ходе войны 1941-1945 гг. являлся произведенный национальный доход и его распределение на накопление,

¹ История социалистической экономики СССР. М., 1978, Т. 5, с. 19

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. 1941-1952 годы. Изд-во политической литературы. М., 1968, с. 35

³ История социалистической экономики СССР. М., 1978, Т. 5, с. 245

потребление и военные расходы. Данные, представленные в таблицах дают достаточно полное представление об этом.

Таблица 1¹

**Произведенный национальный доход СССР
в 1941-1945 гг. (в процентах к 1940 г.)**

1940	1941	1942	1943	1944	1945
100	92	66	74	88	83

Таблица 2²

**Распределение национального дохода СССР на накопление, потребление и военные расходы
(в % от общего итога, в ценах 1940 г.)**

Показатели	Годы				
	1940	1942	1943	1944	1945
Накопление	19	4	7	15	13
из него прирост основных фондов	10	6	4	7	9
Потребление	74	69	60	61	69
из него личное потребление военнослужащих	4	13	11	11	7
Военные расходы (без личного потребления военнослужащих)	7	27	33	24	18

Из первой таблицы наглядно видно, что материальные и территориальные потери, понесенные СССР в первые два года войны, существенно ослабили материально-техническую базу экономики, которая даже к окончанию войны в 1945 г. не смогла вый-

¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990, с. 5

² Там же, с. 29

ти на уровень 1940 года. Во второй таблице показано, что уже к 1944 г. распределение произведенного национального дохода стало складываться в пользу накопления и потребления при одновременном сокращении доли военных расходов, т.е. политическое и хозяйственное руководство страны к 1944 г. было уверено в разгроме противника.

Как отмечалось, на начало Великой Отечественной войны промышленность СССР значительно уступала германской особенно в производстве вооружений. На протяжении всей войны промышленность СССР испытывала «голод» в черных металлах, угле, нефтепродуктах. Данные представленные в таблицах 3,4, иллюстрируют высказанные положения.

Таблица 3¹

Соотношение выплавки чугуна и стали в СССР и Германии. Объем производства в Германии за соответствующие годы принят за 100%

	1940	1941	1942	1943	1944
Чугун	107	89	31	35	55
Сталь	96	86	39	41	59

Из таблицы следует, что особенно тяжелое положение в обеспечении страны металлом сложилось в 1942 г., когда практически вся европейская часть СССР казалась оккупированной врагом, а производство черного металла в восточных районах еще не вышло на необходимые мощности.

¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне Статистический сборник. М., 1990, с. 34

Таблица 4¹

**Добыча отдельных видов топлива, млн.т.,
в пересчете на условное топливо – 7000 калорий**

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Всего	237,7	222,0	119,2	136,0	158,5	185,0
в т.ч.:						
Уголь	140,5	128,3	56,5	69,7	90,9	115,0
Нефть	44,5	47,2	31,4	25,7	26,1	27,8
Газ	4,4	4,6	2,7	2,4	3,1	4,2
Торф	13,6	11,2	6,0	8,7	9,4	9,2
Сланцы	0,6	0,7	0,14	0,15	0,17	0,4
Дрова	34,1	30,0	22,5	29,3	28,8	28,4

Напряженное положение с черным металлом и углем нашло свое отражение в том, что за 1941-45 гг. центральными органами власти было принято соответственно 7 и 6 развернутых постановлений по этому поводу. Данные таблицы 4 свидетельствуют, что ни по одному из наиболее употребляемых видов энергоресурсов не удалось к 1945 году выйти на уровень их добычи в 1940 г. Дефицит энергоресурсов сказался на динамике промышленности и ее отдельных отраслей, о чем свидетельствуют данные таблицы.

Таблица 5²

Динамика промышленности и ее отдельных отраслей

	1942	1943	1944	1945
Вся промышленность	77	90	104	92
Оборонные отрасли	186	224	251	215

¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. Статистический сборник. М., 1990, с. 53

² Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. Статистический сборник. М., 1990, с. 53. История социалистической экономики СССР. М., 1978, Т. 3. с. 189

Электроэнергетика	60,2	66,9	81,2	89,6
Топливные отрасли	50,1	57,2	66,7	77,8

Из таблицы видно, что динамика промышленности обеспечивалась преимущественно за счет оборонных отраслей, выпуск продукции которых в 1944 году в 2,5 раза превышал уровень 1941 года. Так, за военные годы было выпущено 12 млн. винтовок и карабинов, 6,1 млн. пистолетов-пулеметов, 954,5 тыс. ручных и станковых пулеметов. В 1941 г. на производство боеприпасов было переклечено 382 предприятия 34 наркоматов. В 1942 г. боеприпасы производили 1108 предприятий 58 наркоматов, а в 1943 г. — 1300 предприятий 60 наркоматов и ведомств¹.

Работу основных отраслей оборонной промышленности за военный период наглядно иллюстрируют данные таблицы.

Таблица 6²
Рост выпуска военной продукции за 1941-1945 гг.
(в % к 1940 г.)

	1941	1942	1943	1944	1945
Авиационная промышленность	126	178	223	239	177
Танковая промышленность	112	184	234	296	276
Вооружения	145	191	200	206	156
Боеприпасов	152	218	264	310	171

Как следует из таблицы, важнейшие отрасли оборонной промышленности начиная с 1941 года непрерывно вплоть до 1944 г. наращивали темпы роста выпуска военной продукции, несмотря на значительные территориальные потери в Европейской части страны.

¹ Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945. Краткая история. М., Воениздат, 1970, с. 571. История социалистической экономики СССР. М., Т. 3., 1978, с. 256

² История социалистической экономики СССР. Т. 3. М., 1978, с. 258

Победа в Великой Отечественной войне была достигнута во многом благодаря сбалансированности материальных и финансовых потоков. Выше было рассмотрено функционирование в военный период промышленности в целом и ряда ее важнейших отраслей. Преимущество советской военной и промышленной машины было бы невозможным или весьма затруднительным без обеспечения устойчивого и своевременного финансирования. В первую очередь речь идет о бюджете как источнике этого процесса. В таблице 7 представлены данные о доходах бюджета и их основных источниках.

Таблица 7¹

Доходы государственного бюджета СССР,
(млрд. руб.)

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Налог с оборота	105,9	93,2	66,4	71,0	94,9	123,1
Отчисления от прибыли	21,7	23,5	15,3	20,1	21,4	16,9
Полоходный налог	3,2	3,1	1,9	2,9	3,5	3,3
Социальное страхование	8,5	6,9	5,8	6,7	8,9	10,3
Налоги с населения	9,4	10,8	21,6	28,6	37,0	39,8
Займы по подписке	9,0	8,3	12,2	17,9	26,3	23,1
Всего	180,2	177,0	165,0	204,4	268,7	302,0

Как следует из таблицы 7, основными доходными статьями военных бюджетов были: налог с оборота, налоги с населения, займы по подписке, а также в определенной степени отчисления от прибыли. Следует отметить, что значение отчислений от прибыли как одного из главных источников формирования доходов бюджета

¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990, с. 5

стало падать именно в военные годы и эта тенденция сохранялась вплоть до реформ 1965 г.

Основная нагрузка по формированию доходов бюджета легла в военные годы на население страны, избежавшее оккупации, а если иметь в виду, что были оккупированы вся Прибалтика, Украина, Белоруссия, не считая автономий Северного Кавказа, окажется, что к 1945 году по сравнению с 1940 г. налоговая нагрузка только по статье «Налоги с населения» возросла фактически в 4,2 раза.

Не менее красноречиво бюджетную политику характеризуют расходы бюджета по основным направлениям.

Таблица 8¹
Расходы государственного бюджета СССР,
млрд. руб.

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
На народное хозяйство	58,4	51,7	31,6	33,1	53,8	74,5
Социально-культурные мероприятия	40,9	31,4	30,3	37,7	51,3	62,7
Оборона страны	56,8	83,0	108,4	125,0	137,8	128,2
Управление	6,8	5,1	4,3	5,2	7,4	9,2
Всего	174,3	191,4	182,8	210,0	264,0	298,8

Данные таблицы 8 в первую очередь показывают, что начиная с 1941 г. расходы бюджета по основным составляющим неуклонно сокращались в пользу статьи «оборона страны», расходы по которой к 1944 г. выросли по сравнению с 1940 г. – в 2,4 раза. Характерно также то, что в 1944 г., т.е. к моменту освобождения почти всей территории страны от врага было не только восстановлено бюджетное финансирование основных статей расходов бюджета, но и по некоторым из них, в частности по расходам на социально-культурные мероприятия и на управление превысило соответствующие затраты 1940 г.

¹ Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне. М., 1990, с. 215

Более того, начиная с 1944 г. бюджет страны стал как и в 1940 г. профицитным.

Резюмируя промышленную и бюджетную политику СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., можно сделать следующие выводы:

- за счет перепрофилирования всех отраслей довоенной структуры промышленного производства на выпуск продукции военного назначения СССР в условиях активных боевых действий смог в кратчайшие сроки не только выйти на уровень довоенного производства продукции, но и значительно его превзойти, что и позволило в конечном счете одержать победу в Великой Отечественной войне;

- несмотря на дестабилизацию экономического хозяйства страны, удалось не только обеспечить формирование полноценного бюджета, но и обеспечить его профицитность, начиная с 1944 года.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Конкретные задачи и условия производства сельского хозяйства в военное время значительно отличаются от условий функционирования промышленности. В первую очередь потому, что сельское хозяйство больше, чем другие отрасли народного хозяйства страдает от военных действий, так как землю нельзя эвакуировать.

В сельском хозяйстве при переходе к военной экономике не происходит изменений в структуре производимых продуктов, но они приобретают новое значение: становятся средством ведения войны. Войну нельзя вести без обеспечения армии оружием, боеприпасами, продуктами и снаряжением.

Представление о производительных силах сельского хозяйства в начале войны дает таблица 1. В годы войны потребность в продуктах сельского хозяйства возросла. В связи с мобилизацией в армию, промышленность, транспорт, значительно возросло население, находящееся на государственном централизованном снабжении – более 80 млн. человек¹.

В первые годы войны сократилась доля продукции, идущей на внутреннее потребление в сельском хозяйстве. Доля сельскохозяйственной продукции, идущей на удовлетворение военных потребностей, увеличилась с 9% в 1940 г. до 24% в 1942 г.².

В годы войны были мобилизованы все резервы сельского хозяйства, основные трудности легли на тыловые районы страны. Деятельность тыловых совхозов и колхозов не исчерпывалась организацией производства продуктов. Это верно только для 1941, 1942 гг. С августа 1943 г. сельское хозяйство тыла, по решению правительства, должно было помогать машинами, семенами, ско-

¹ Чернявский У.Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941-1945 гг.). М., Наука, 1964, с. 16

² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Т. 6, с. 46.

гом районам, освобождающимся от немецко-фашистской оккупации.

Таблица 1¹

Состояние сельского хозяйства в начале войны

	1940 г.	Всего на конец 1941 и начало 1942 г.	
		абс.	% к 1940 г.
Число сельскохозяйственных предприятий, тыс.			
Колхозы	236,9	149,7	63,2
Совхозы	4 159	2 276	54,9
МТС	7 069	4 898	69,2
Рабочая сила			
Трудоспособные колхозники, млн.	35,4	16,5	46,9
Рабочие совхозов, тыс.	1 373	846	61,6
Рабочие МТС тыс.	537	439	81,7
Энергетические мощности (без электроустановок и механических двигателей), млн. л.с.			
Парк тракторов, комбайнов и грузовых автомобилей, тыс.	45,9	19,2	41,8
Тракторы	684,0	383,0	56,0
Комбайны	182	121	66,0
Грузовые автомобили	228,2	45,6	20,0
Посевные площади, млн. га	150,6	82,5	54,1
В том числе зерновые культуры	110,7	51,6	46,4
Сахарная свекла	1,23	0,16	13,0
Подсолнечник	3,54	1,77	50,0
лен-долгунец	2,10	1,05	50,0

¹ Страна Советов за 50 лет, сс. 116, 128, 150, 156; «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945», т. 2, с. 166; т. 3, с. 182; т. 6, с. 66; Чадаев Я.Е. Экономика СССР в период Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.). М., изд-во «Мысль», 1965, с. 364; Арутюнян Ю.В. Указ. соч., с.387-392; «Народное хозяйство СССР в 1965 году», с. 367

	1940 г.	Всего на конец 1941 и начало 1942 г.	
		абс.	% к 1940 г.
<i>Поголовье скота, млн голов*</i>			
Лошади	21,0	8,4	39,8
Крупный рогатый скот	54,5	31,4	57,3
В том числе коровы	27,8	15,0	53,6
Свиньи	27,8	Ок. 9,0	32,6
Овцы и козы	91,7	Ок. 69,0	75,0

* На 1 января 1941 г. и на 1 января 1942 г.

Перевод сельского хозяйства на рельсы военной экономики начался в условиях потери значительной части производительных сил сельского хозяйства. На территории, подвергшейся оккупации, находилось 47% всех посевных площадей страны, в том числе 38% посевов зерновых культур, 87% посевов сахарной свеклы, половина посевов подсолнечника и льна-долгунца и посевы ряда других культур.

Общая сумма находившихся на оккупированной территории энергетических мощностей сельского хозяйства составляла 30% всех энергетических мощностей сельского хозяйства страны¹.

Материальная база сельского хозяйства в годы войны была сильно ослаблена, особенно в 1941-1943 гг. В 1942-1943 гг. промышленность могла дать сельскому хозяйству только 900 тракторов (20,3 тыс. в 1940 г.)².

На территории СССР (без оккупированных районов) численность автомашин уменьшилась на 89%. Насущной проблемой было сокращение поставок запчастей и горючего. Производство запасных частей для тракторов к 1943 г. сократилось в 5 раз. Отгрузка горючего в 1943 г. уменьшилась по сравнению с 1940 г. на 48%.

В 1943-1944 г. дефицит трудовых ресурсов в сельском хозяйстве уже не возмещался, поскольку значительная часть женщин и подростков из села была направлена в промышленность. Поэтому

¹ Страна Советов за 50 лет., с. 152

² Социалистическое сельское хозяйство. 1945, № 10, с. 7

в 1943-1944 г. повысилась роль мобилизации городских жителей на работу в деревню.

Государство маневрировало трудовыми ресурсами, перебрасывая часть их то в одну отрасль, то в другую. Село давало городу постоянную рабочую силу, а получало взамен сезонную.

Особенно тяжелым было положение сельского хозяйства в 1943 г., когда посевные площади составляли 63% довоенного уровня, валовая продукция едва достигала 37% довоенной¹.

Два главных фактора были причиной снижения производства в сельском хозяйстве: убыль трудовых ресурсов и нехватка техники.

В 1942-1944 гг. для работы в промышленности, строительстве и на транспорте было мобилизовано 1380,9 тыс. человек сельского населения². Недообеспеченность составила 24,4%³. В 1943-1944 гг. повысилась роль мобилизации городских жителей на работу в деревню.

В деревне как и в городе в войну были введены различные денежные сборы и налоги. Если в 1940 г. они составляли 10,7% денежных доходов колхозов, то в 1943 г. – 12%, в 1944 – 12,8 и в 1945 – 15,7%. Кроме того, 5-7% своих доходов (примерно до половины отчислений в неделимый фонд) колхозы расходовали на приобретение облигаций военного займа. До конца 1944 г. размеры займа возрастали. Всего за 1942-1945 гг. в государственный бюджет от подписки на заем поступило около 90 млрд. руб. При этом доля трудящихся деревни в общей подписке увеличилась в 2 раза: с 20% в 1942 г. до 40% в 1944 г. Вся сумма налогов, сборов, приобретения

¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. Т. 6, с. 48

² Митрофанова А.В. Рабочий класс СССР в годы Великой Отечественной войны. М., Наука, 1971, с.427

³ Исторический архив. 1962, № 6, с. 34-35

облигации составляла примерно 1/5 доходов колхозов. Такую же долю доходов выделяли в государственный бюджет колхозники¹.

В целях улучшения продовольственного положения в стране СНК СССР и ЦК ВКП(б) 7 апреля 1942 г. приняли постановление «О выделении земель для подсобных хозяйств и под огороды рабочих и служащих»². Подсобные хозяйства и приусадебные участки привлекались к обязательным поставкам сельскохозяйственной продукции.

За годы войны резко возросла мобилизационная способность государства в заготовках продукции. Увеличилось количество зерна, поступающего по обязательным поставкам. Государственные поставки давали государству в среднем более половины зерна - 53,2% (вместо 43,3% до войны). Появились новые источники поступления хлеба государству: сдача зерна в фонд Красной Армии и фонд обороны. За годы войны государство получило по этим фондам в среднем 8,2% поступления зерна в год. Таким образом, через обязательные поставки и военные фонды государство получало в среднем в годы войны до 93% всех заготавливаемых в стране хлебопродуктов. Увеличились обязательные поставки государству и продуктов животноводства. Так в мясозаготовках крупного рогатого скота доля государства в продукции, получаемой в порядке обязательных поставок, выросла с 71,8% в 1941 г. до 80,9% в среднем в год в 1941-1945 гг., в заготовках овец и коз соответственно с 44,2 до 72,7%.³

Сельское хозяйство по мобилизационной способности превосходило возможности сельского хозяйства дореволюционной России в Первой мировой войне. В царской России за годы войны в 1914-1917 гг. было закуплено 1399 млн. пуд. зерна. В 1941-1944 гг. колхозы и совхозы поставили государству 4312 млн. пуд. зерна. На

¹ Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны, с. 214

² Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3, с. 65

³ Сборник постановлений СССР. 1943, № 9, с. 15

нормированном продовольственном снабжении в 1942-1945 гг. находилось от 62 до 81 млн. человек¹.

Усиление централизованного снабжения и уменьшение производства сельскохозяйственных продуктов в годы войны вызвали изменения в пропорциях распределения продукта на отдельные фонды, а также источников их образования.

Таблица 2¹

Структура распределения производимых в колхозах зерновых и бобовых культур

Фонды	1940 г.		1941-1945 гг. (в среднем за год)		1941-1945 гг. % к 1940 г.
	тыс. т.	в % к итогу	тыс. т.	в % к итогу	
Государственный	32912	42,8	14126	45,8	42,8
Внутриколхозный	27148	35,4	11086	36,1	40,8
Распределение по группам	16783	21,8	5639	18,1	30,6
Итого	76843	100,0	30749	100,0	40,0

Увеличение числа населения, находящегося на централизованном снабжении вызвало необходимость в увеличении доли государства в производимом зерне и значительном сокращении количества зерна, распределяемого по трудодням.

В годы войны увеличилось количество зерна, поступающего по обязательным поставкам (до 53,2% вместо 43,3% до войны). Доля натуроплаты сократилась с 45,3% до 32%. Вместе с тем появились новые источники поступлений хлеба государству: сдача зерна в Фонд Красной Армии и Фонд обороны. Через обязательные поставки и военные фонды государство получало в среднем в годы войны до 93% всех заготавливаемых в стране хлебопродуктов.

¹ Всемирно-историческая победа советского народа. 1941-1945 гг. М., Наука, 1971, с. 306

² Арутюнян Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1963, с. 437

Доля фонда распределения по труду уменьшилась абсолютно и относительно и к довоенному уровню составила 30,6%, а его доля в других фондах сократилась с 21,8% до 18,1%. Следовательно, фонд колхозников в получении зерна из колхозов уменьшился более чем на 2/3. Это не значит, что уменьшился фонд потребления, т.к. численность колхозников сократилась в годы войны на 38%, возросло производство продуктов на приусадебных участках, а также многие бывшие колхозники работали на промышленных предприятиях, на транспорте и находились на централизованном снабжении.

Сельское хозяйство пострадало в войне больше, чем промышленность. Производственные основные фонды промышленности в 1945 г. были ниже уровня 1940 г. на 5%, а в сельском хозяйстве, включая скот, этот уровень понизился на 28% (а без скота – на 31%). Валовая продукция промышленности в 1945 г. была ниже уровня 1940 г. на 8%, а сельского хозяйства – на 40%. Производительность труда в промышленности за годы войны выросла на 14%, в колхозах, совхозах она понизилась на 40%¹.

В 1945 г. в целом по стране как в освобожденных районах, так и в тыловых, уровень сельскохозяйственного производства был значительно ниже довоенного. Посевная площадь в стране составляла 113,8 млн. га, т.е. была меньше чем в довоенном 1940 г. на 36,6 млн. га, или на 24,3%, по сравнению с 1913 г. – меньше на 4,4 млн. га. Это сокращение произошло главным образом за счет зерновых культур. Численность крупного рогатого скота оказалась меньше довоенного уровня на 6,9 млн. голов (на 12,6%). Поголовье лошадей уменьшилось более чем наполовину². Валовой сбор зерна в 1945 г. был ниже уровня 1940 г. на 50,5%, в том числе пшеницы на 57,9; ржи – на 49,5, овса – на 45,9%. Производство зерна сократилось как за счет уменьшения посевных площадей, так и в результате снижения урожайности.³

Восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства началось с укрепления его материально-технической базы.

¹ Страна Советов за 50 лет. С. 30, 35

² Сельское хозяйство СССР. М., Госстатиздат, 1960, с. 127

³ Там же, с. 127

К концу войны производственные мощности сельского хозяйства составляли немногим больше $\frac{1}{2}$, тракторный парк около $\frac{1}{4}$ и грузовые автомобили немногим более $\frac{1}{4}$, что имелось накануне войны¹.

В связи с мобилизациями в армию, промышленность и на транспорт значительно возросло население, находящееся на государственном централизованном снабжении, достигнув более 80 млн. человек², или более 59% населения страны. Все это потребовало максимального сосредоточения в руках государства большей части продовольствия и его централизованного распределения.

Это потребовало усиления роли государства в распределении продовольствия в годы войны — увеличения государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов и их нормированного распределения.

Военная экономика создала новые формы передачи сельскохозяйственной продукции государству, — например основание фонда Красной Армии, когда продукция передавалась безвозмездно. Так в 1943 г. было сдано в фонд Красной Армии 112,9 млн. пуд. зерна³.

В нормированном снабжении городского населения хлебом, мясом и животным маслом преобладающим были государственные фонды. Снабжение молоком и молочными продуктами, а также картофелем и овощами шло в большей степени из децентрализованных фондов.

Таблица 3⁴

Удельный вес государственных фондов в потреблении отдельных продуктов населением (в %)

¹ Страна Советов за 50 лет. М., Статистика, 1967, с. 152, 156

² Чернявский У.Г. Война и продовольствие. Снабжение городского населения в Великую Отечественную войну (1941-1945 гг.). М., Наука, с. 16

³ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945. Т. 5, с. 9

⁴ Чернявский У.Г. Указ. соч., с. 185

Год	Хлеб	Мясо	Животное масло	Молоко и молочн. продукты	Карто- фель	Овощи
1942	96	44.8	81,8	12,7	15.0	11.7
1944	96	52.3	59.3	14,6	11,6	8,9

Потребление снабжаемого в централизованном порядке населения в войну возрастало из года в год. Следовательно, сельское хозяйство в основном обеспечивало предметами потребления армию и городское население.

В результате всенародной помощи восстановление сельского хозяйства пострадавших от оккупации районов шло быстро. Посевная площадь освобожденных районов достигла в 1945 г. 69% довоенного уровня, а по зерновым культурам – 75%¹.

Жизнеспособность сельского хозяйства в годы Великой Отечественной войны проявилась прежде всего тем, что:

- сельское хозяйство выделило для фронта значительную часть своих энергетических ресурсов (тракторов, автомобилей, лошадей), чего не могло сделать мелкое крестьянское хозяйство;
- сельское хозяйство выделило значительную часть людских ресурсов. Для единоличных хозяйств это означало бы разорение;
- сельское хозяйство мобилизовало внутренние резервы для обеспечения армии и населения предметами потребления, а промышленности сырьем;
- отмечаются успехи восстановления сельскохозяйственного производства в годы войны на территориях, освобожденных от оккупантов.

¹ Неделин С. Социалистическое сельское хозяйство и пути его дальнейшего развития. М., с. 19-20

ФИНАНСЫ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Ведение войны не могло не отразиться на состоянии финансовой системы советского государства и его денежного обращения. В области финансов проводилась мобилизация всех видов доходов от экономики и поступлений от населения, осуществлялся режим жесткой экономии в расходовании средств. Советское правительство внесло значительные изменения в распределение национального дохода по фондам накопления, потребления и военных расходов. В годы войны естественно уменьшались затраты на расширенное воспроизводство, сокращалась доля национального дохода, шедшая на личное потребление, понижались расходы на социально-культурные мероприятия. Война привела к значительному уменьшению национального дохода страны. В 1941 г. национальный доход СССР составил 92% от уровня 1940 г, в 1942 г. – 66%. Доля накопления в составе совокупного дохода уменьшилась почти в 4 раза, а доля личного потребления трудящихся снизилась с 42 до 38%. Если до войны расходы на финансирование народного хозяйства занимали центральное место в госбюджете, то в годы войны они были сокращены с 7,7 до 2,2 млрд. рублей¹.

Мобилизация средств в государственный бюджет

С началом войны существенным образом была перестроена система снабжения, торговли и финансов. В новых условиях предстояло решить сложную задачу: обеспечить всем необходимым Вооруженные силы страны и остановить катастрофическое падение уровня жизни населения. Успешное решение этой задачи потребовало усилить государственное регулирование распределени-

¹ Зверев А. Советские финансы в первый период Великой Отечественной войны.// Финансы СССР, 1967, № 5, с. 25

тельных отношений. Все материальные, трудовые, сырьевые и продовольственные ресурсы брались на строгий учет. Ужесточились условия государственных закупок сельскохозяйственной продукции и контроль за ценами. Произошло падение объемов услуг и потребительской продукции по отдельным видам. Падение производства непосредственно сказалось на реальных доходах и потреблении населения, состоянии товарооборота и росте розничных цен.

Розничный товароборот перешел от свободной продажи продовольствия и промтоваров к строгому их нормированию и распределению. Повсеместно в городах с самого начала войны вводилось карточное снабжение населения. На государственном снабжении в годы войны находилось от 50 до 77 млн человек, т.е. примерно половина населения страны. Карточки давали людям скудный прожиточный минимум. По степени обеспечения карточками население делилось на несколько категорий. По первой категории снабжались рабочие, занятые в добывающей и химической промышленности, металлургии, на военных заводах. Наиболее высокие нормы составляли от 800 г до 1,2 кг хлеба в день. Рабочие других отраслей производства относились ко второй категории и получали по 500 г хлеба в день. Служащие получали по 400-450 г, иждивенцы и дети до 12 лет – по 300-400 г. По обычной норме в месяц выдавали на одного человека 1,8 кг мяса или рыбы, 400 г жиров, 1,3 кг крупы или макарон, 400 г сахара или кондитерских изделий¹. Была введена предельная годовая норма отпуска промышленных товаров по карточкам на одного человека: хлопчатобумажных тканей – 6 м, шерстяных – 3 м, обуви – одна пара. Спрос населения на обувь удовлетворялся на счет изготовления лаптей. Только в 1944 г. их было выработано 740 млн пар.

В мобилизации финансовых ресурсов в годы войны главная роль отводилась государственному бюджету. По представлению Наркомата финансов было принято решение о сокращении всех расходов, не связанных с обеспечением военных действий. В государственном бюджете на второе полугодие 1941 г. военные расходы возросли на 20,6 млрд руб., ассигнования на развитие граж-

¹ Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История Советского Союза от 1917 года до наших дней. Кн. 1., М., 1995, с. 41!

данских отраслей народного хозяйства уменьшились на 21,6 млрд руб. В первый год войны доля военных расходов составила 75% средств государственного бюджета, во второй – 65,3, в третий – 62,6%¹.

Это означало, что в первый год войны военные расходы по сравнению с 1940 г. удвоились. На второй год войны они увеличились на 16% по сравнению с 1941 г. В 1943 г. военные расходы увеличились на 15,7% по сравнению с 1942 г. Укрепление государственного бюджета началось с 1943 г. Только в 1944 г. текущие расходы полностью обеспечивались текущими доходами, рост военных расходов прекратился.

Для покрытия военных расходов были изъяты в бюджет неиспользованные остатки средств, образовавшиеся в предвоенные годы, свободные ресурсы банков долгосрочных вложений, остатки многих фондов предприятий и хозяйственных организаций, излишки собственных оборонных средств государственных предприятий. В первые годы войны доходы государственного бюджета не покрывали расходов. Соотношение доходов и расходов государственного бюджета видно из следующих данных (в млрд руб.)²

Год	Доходы	Расходы
1940	18,0	17,4
1941	17,7	19,1
1942	16,5	18,3
1943	20,4	21,0
1944	26,8	26,4
1945	30,2	29,8

Как видно из таблицы, первые три года войны в бюджете имело место превышение расходов над доходами. Дефицит бюджета этих лет покрывался за счет использования свободных резервов государственных предприятий, материальных резервов и запасов прошлых лет и частично эмиссией. К этому надо прибавить подоходный налог с кооперации, поступления из сберегательных касс и

¹ Советский Союз в годы Великой Отечественной войны. М., 1976, с. 84

² Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985, с. 137

органов государственного страхования, таможенные доходы, доходы бюджетов местных Советов, введение «коммерческой» торговли с повышенными ценами на некоторые товары. Дополнительным источником доходов явилось повышение розничных цен на товары, не являющиеся предметом первой необходимости, водка, табак, парфюмерия. Однако механизм цен использовался в ограниченном размере. Целенаправленно использовать имеющиеся финансовые ресурсы для удовлетворения потребностей действующей армии и избежать распыления средств помогла централизация ресурсов в союзном бюджете. Эта мера еще более повысила роль союзного бюджета в бюджетной системе страны и увеличила его долю с 76% до 84% в 1941 г. и до 88% в 1942 г. При этом сохранялась система местных бюджетов как органическое звено всей бюджетной системы.

По смете Народного комиссариата обороны (НКО) основными видами затрат были расходы на оплату поставок вооружений и боевой техники, горюче-смазочных материалов, военного имущества, обеспечение воинских перевозок. Немалые средства понесли на медико-санитарное обслуживание, бытовое устройство, капитальное строительство для нужд армии. Заметной статьей расходов была выплата денежного довольствия военнослужащим. Хотя оно не было таким высоким, как в американской армии, тем не менее, увеличение численности ВС за годы войны более, чем в два раза, сделало эту статью довольно заметной в смете НКО. Немалые средства требовались для поддержания бесперебойной работы таких важных отраслей, как транспорт и связь.

Новый подход применялся к капитальным вложениям. В первые годы войны объем капиталовложений государственных и кооперативных предприятий в народное хозяйство сократился в два раза. В эти годы предусматривалось централизованное целевое обеспечение материальными ресурсами объектов, обеспечивающих военные нужды. Особенность капиталовложений в годы войны состояла в том, что основные средства направлялись в базовые отрасли тяжелой промышленности (машиностроение, металлургическую, угольную, энергетическую отрасли), а также в предприятия, перебазируемые из западных в восточные районы страны. Объем капиталовложений в уральские и западно-сибирские предпри-

ятия увеличился в 3 раза, в Казахстане, Средней Азии и Юго-Восточных районах страны - в 2 раза. В результате эти районы превратились в индустриальную базу военной экономики, бесперебойно обеспечивающую армию всеми видами вооружений. С 1943 г. намечился рост капиталовложений в сельское хозяйство. В освобожденные районы возвращались ранее эвакуированные тракторы и другие сельскохозяйственные машины, а также скот. Из восточных областей и республик прибывали кадры механизаторов и специалистов сельского хозяйства. По мере освобождения территории страны от немецкой оккупации капитал направлялся на восстановление промышленных предприятий, жилого фонда, социально-культурных объектов.

С первых дней войны проводилась коренная перестройка финансовой системы с целью изыскания необходимых средств для финансирования народного хозяйства и военной экономики. Основными источниками накопления были текущие доходы, перераспределение внутренних ресурсов, дополнительная загрузка оборудования, увеличение фонда рабочего времени, введение военного налога и т.д.

Во всех сферах хозяйственной деятельности развернулась борьба за экономию. Для решения этой задачи необходимо было добиться максимального удешевления производства промышленной продукции и устранения непроизводительных расходов. На предприятиях при активном участии инженерно-технических работников и рабочих широко развернулось социалистическое соревнование, направленное на увеличение объема производства и улучшения качества показателей. Экономия материальных ресурсов происходила различными путями: совершенствовались технология процессов, строго соблюдались установленные расходные нормы, которые систематически пересматривались и устанавливались более жесткие; применялись заменители дефицитных материалов. К объективным предпосылкам снижения затрат можно также отнести быстрое увеличение объема военной продукции, что удешевляло единицу продукции, специализацию и кооперирование. Существенным дополнительным источником экономии материальных ресурсов явился пересмотр показателей стандартов, которые не сказывались существенно на качестве продукции. Нако-

нец, к удешевлению военной продукции приводил рост производительности труда, достигаемый интенсификацией труда советских людей, увеличением продолжительности рабочего дня, введением непрерывной рабочей недели, повышением коэффициента сменности (круглосуточная работа предприятий).

В результате напряженного труда и принятых мер с 1942 г. началось снижение себестоимости продукции. В целом в 1942-1944 гг. в государственной промышленности себестоимость продукции снизилась в совокупности на 5 млрд. руб., т.е. на 17,2 %¹. Снижение себестоимости происходило и в отраслях военной промышленности, особенно по новым видам оборудования и боеприпасов. В 1942 г. каждый выстрел авиации стоил на 60% дешевле, чем в 1940 г. Себестоимость тяжелых танков была снижена в 3 раза, средних – в 2,5 раза. В несколько раз снизилась также себестоимость армейского обмундирования и снаряжения. Снижение себестоимости давало крупные поступления в бюджет и обеспечивало снижение отпускных цен на вооружение, боеприпасы и военное снаряжение. Только за 1942-1943 гг. отпускные цены на военную продукцию за счет снижения себестоимости уменьшились на 35 млрд. руб. – сумму, необходимую для выпуска более 14 тыс. танков Т-34². Такое уникальное явление, как снижение военных расходов и уменьшение цен на военную технику наблюдалось только в СССР. В других воюющих странах война приводила к повышению цен на военную продукцию за счет спекуляций и стремления получить огромные прибыли. Прогресс в области всех отраслей военного производства обеспечил военно-экономический перелом в тылу, вслед за которым наступил военный перелом на фронтах войны.

Снабжение населения не ограничивалось централизованным государственным распределением продовольствия и товаров. Большое пространство получили подсобные хозяйства промышленных наркоматов и торговых организаций. На предприятиях и учреждениях создавались отделы рабочего снабжения (ОРСы), которые изыскивали дополнительные ресурсы для обеспечения рабочих, служащих и инженерно-технических кадров всем **необхо** -

¹ Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1985, с. 132, 144

² Советский тыл в Великой Отечественной войне. М., 1974, кн. 2, с. 115

димым. Специальным постановлением предусматривалось выделение земель для подсобных хозяйств при предприятиях промышленных наркоматов, сельпо, рабочих кооперативах, райпотребсоюзах, столовых, чайных, санаториях, больницах, домах отдыха, детских учреждениях и школах. Они выращивали овощи и картофель, производили молоко, мясо, птицу, яйца. К концу войны насчитывалось более 15 тыс. таких хозяйств. В 1943 г. посевная площадь подсобных хозяйств в промышленности и на транспорте достигла 3,1 млн га, поголовье скота выросло до 1 млн. В 1945 г. подсобные хозяйства ОРСов поставляли 38% общих ресурсов картофеля и 59% овощей, поступавших для снабжения рабочих и служащих предприятий. Доля ОРСов в рыночном товарообороте в 1944 г. составила 30%. Подсобные хозяйства торговых организаций в последний год войны поставили на рынок 30% мяса и 50% рыбы.

Наряду с общественным сектором, большое значение в получении сельскохозяйственной продукции играли хозяйства трудящихся, коллективные и индивидуальные огороды. Этой работой руководили профсоюзы и исполкомы Советов. Особое значение огородничество приобрело в осажденном Ленинграде. К концу войны огородничеством занималось 19 млн. человек (в 1942 г. – 5 млн). Площади под огородами расширились в три с лишним раза и давали до 10 млн т картофеля и овощей¹. Подсобные хозяйства и огороды повышали уровень обеспечения населения и способствовали снижению цен на картофель и овощи на местных рынках. Определенную роль в решении продовольственных проблем населения сыграли поставки по ленд-лизу, которые наша страна получала от стран антигитлеровской коалиции.

В первые годы войны для удовлетворения военных потребностей резко сократилось производство гражданской продукции. В 1942 г. на нее приходилось 36 %. В обеспечение населения промышленными товарами большую роль начали играть возродившиеся ремесленные и кустарные промыслы. По мере того, как производство вооружения достигло оптимального размера в условиях войны, началось увеличение выпуска гражданской продукции. В

¹ Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970, с. 279

1943 г. ее объем составил 42% , в 1944 г. – 49%. Промышленные мощности и ресурсы переходили на созидательную работу и выпуск мирной продукции.

Увеличить доход бюджета помогала налоговая политика. Главным источником дохода, как и в мирное время, являлись поступления от предприятий в виде налога с оборота и платежей из прибыли, хотя эти поступления в первые годы войны и сократились на 20%, вследствие оккупации врагом части территории. В условиях войны в доходах государственного бюджета вырос удельный вес поступлений от населения. Важным источником дохода продолжали оставаться налоги с населения. С первых дней войны в налоговую систему были внесены поправки, направленные на увеличение доходной части государственного бюджета. Это достигалось совершенствованием действующих налогов и введением новых. Была усилена прогрессивная ставка налога и введен налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. Повысились ставки сельскохозяйственного налога, культсбор с рабочих и служащих объединили с подоходным налогом. Подоходный налог с сельского населения был увеличен в 5,3 раза. С 1942 г. был установлен специальный военный налог. Его платили все мужчины и женщины с 18 лет, находящиеся в тылу (за исключением военнослужащих и членов их семей, получавших государственное пособие). Крайне дифференцированная система местных налогов заметно упростилась. Поступления в бюджет за счет налогов и налоговых сборов заметно увеличились. До войны они составляли 0,94 млрд руб. (5,2% всех доходов бюджета). Всего за четыре с половиной года войны налоговые поступления от населения составили 3,7 млрд руб., т.е. 13,2% доходов госбюджета¹.

Широко распространены были принудительно-добровольные государственные военные займы, на долю которых пришлось более 10% бюджетных доходов военного времени. Военные займы имели фискальное значение и способствовали увеличению финансовых ресурсов государства. За годы войны было выпущено 4 государственных займа на сумму 72 млрд. рублей, каждый в 2-х выпусках, не считая Государственного займа третьей пя-

¹ Чадаев Я.Е. Указ. Соч., с. 134, Тамарченко М.Л. Указ. Соч., с. 75.

тилетки, который был принят накануне войны 2 июня 1941 г., но размещался уже в период военных действий. Ресурсы, мобилизованные с помощью четырех военных займов, на 25% превысили первоначально объявленную величину облигаций¹. Можно выделить четыре вида государственных займов военного периода. К первому виду относились займы, размещаемые среди населения по подписке. Эти займы были выигрышными. Доход по ним из расчета 4 % годовых выплачивался в виде выигрыша, тираж которых определялся условиями выпуска займа. Государство строго соблюдало сроки проведения тиражей. Выигрыши также выплачивались в полном объеме держателям облигаций. Суммы подписания на займы рабочими и служащими составляли их месячный оклад, иногда 1,5-2 зарплаты. Интересно отметить, что пик подписки на займы со стороны населения приходился на самые тяжелые годы войны – 1942 и 1943. В атмосфере высокого патриотического подъема граждане отдавали последние деньги для победы над врагом. Одними принудительными методами получить столь значительные средства было бы невозможно. По подписке на займы деревня и город в годы войны дали вдвое больше, чем за весь довоенный период.

Второй вид государственных займов ориентировался на колхозно-кооперативную собственность и размещался среди колхозов и промысловых артелей. Размер подписки на заем каждый колхоз и артель определяли самостоятельно в зависимости от своего финансового положения и утверждали на общем собрании членов кооператива. Колхозные и артельные займы размещались независимо от индивидуальной подписки граждан. Они были процентными (из расчета 2% годовых), в отличие от индивидуальных, которые были выигрышными.

Третий вид займов предполагал использование свободных финансовых средств сберегательных касс и органов Госстраха СССР. Эти займы были беспроцентными и безоблигационными и позволяли использовать денежные средства населения на общегосударственные нужды.

¹ Родионова В.М. Государственные займы как фактор финансовой стабилизации. Финансовая система государства в годы Великой Отечественной войны. М., Финансы, 1996, с.60

К четвертому виду займов можно отнести свободно обращающийся заем, например Государственный внутренний выигранный заем выпуска 1938 г., реализованный за наличный расчет и предназначавшийся для свободного хождения. Для сохранения в фондах государства средств от этого довоенного займа, было запрещено сберкассам покупать у населения облигации этого займа. Их покупка возобновилась с января 1946 г. За годы войны произошло изменений в пропорциях социального состава участников кредитования государства. До войны займы на 80% размещались среди городского населения. За годы войны число подписчиков на займы в городе выросло в 2 раза, а на селе в 4. С помощью военных займов правительство СССР покрывало около 15% всех прямых военных расходов¹.

Все военные займы носили долгосрочный характер и выпускались на 20 лет. За время войны население страны дало в долг государству более 90 млрд. рублей и на 13 млрд. приобрело лотерейных билетов. С 1941 по 1944 гг. были проведены четыре денежно-вещевые лотереи. Перед войной налоги с населения давали государству 9 млрд. руб. в год, а займы – 11 млрд. руб. (итого 20 млрд.), в 1945 г. налоги с населения дали 40 млрд. руб., а займы 30 млрд. руб. (итого 70 млрд.)². Денежная компенсация за отпуска, перечисленная в специальные вклады, составила 1,1 млрд. руб. Все эти поступления укрепляли бюджетную систему страны.

Заметным источником финансирования военной экономики стала добровольная финансовая помощь населения. Широкое распространение получило массовое движение за создание Фонда обороны СССР. В созданный Фонд трудящиеся отчисляли наличные денежные взносы, ценности и облигации государственных займов, часть заработка. Труженики села сдавали в Фонд обороны мясо, зерно, молочные продукты. Общая сумма поступивших от населения денежных средств составила 16 млрд. руб.³. В Фонд обороны СССР, Фонд Красной Армии и Фонд восстановления хозяй-

¹ Тамарченко М.Л. Указ. Соч., с. 82,81

² Корнотопов М.В., Сметанин С.И. История экономики. М., 1999, с.307

³ Батьковский А.М., Павлушов Н.Ю. Военные займы России: мифы и реалии. Военно-исторический журнал, 1997, № 6, с. 12

ства в освобожденных районах, кроме наличных денег, от населения поступило на 454,7 млн. руб. облигаций государственных займов, большое количество платины, золота, серебра, драгоценных камней, одежды, обуви, продуктов¹. Сбор денежных пожертвований и ценных предметов на нужды обороны получил широкое распространение среди верующих. Правительством было дано разрешение на открытие банковского счета для церковных пожертвований в Фонд обороны. К октябрю 1944 г. церковные пожертвования в этот фонд достигли 150 млн. рублей². Церковь также организовала сбор денежных средств в Фонд помощи детям и семьям воинов Красной Армии, на сооружение танковой колонны им. Д.Донского и летной эскадрильи им. А. Невского.

Широко практиковалась отправка на фронт подарков, особенно к праздникам. Население активно участвовало в отправке на фронт теплых вещей и белья. В 1941 г. за три осенних месяца было собрано более 15 млн. штук различных теплых вещей: валенок, полушубков, шапок, ватных курток, свитеров, варежек и пр. Было собрано около 2800 т шерсти, из которой можно было изготовить более 1 млн. пар валенок или 10 млн. пар варежек. Значительный вклад в подписку на военные займы внесли военнослужащие. Всего за годы войны в армии была проведена подписка на сумму 12 млрд. рублей; 8,4 млрд. рублей военнослужащие сдали в Фонд обороны добровольно³. Всего за годы войны население подписалось на займы на огромную сумму в 90 млрд. рублей, что почти в 2 раза превышает сумму размещенных в СССР довоенных займов⁴.

Укрепление государственного бюджета наметилось с 1943 г. вместе с ростом показателей всей военной экономики. Вновь стали увеличиваться доходы от налога с оборота и платежей из прибыли. Наиболее заметное укрепление государственного бюджета и финансового хозяйства произошло в 1944 г. Начиная с этого периода, текущие расходы полностью обеспечиваются текущими

¹ Советская экономика в период Великой Отечественной войны. 1941-1945. М., 1970. с. 435

² Поспеловский Д.В. Русская Православная церковь в 20 веке. М., 1995, с. 187

³ Батьковский А.М., Павлушоов Н.Ю. Указ соч., с. 12

⁴ Астахов А.А. Роль финансов в обеспечении победы государства в Великой Отечественной войне // Финансы, 1995. № 6, с. 4

доходами государства. Это соотношение все время сокращалось в ходе первых лет войны и, наконец, в 1944 г. было сведено к нулю. Постепенно текущие доходы начали превышать текущие расходы госбюджета.

Перспективы повышения темпов роста национального дохода наметились с момента коренного перелома в ходе войны. Начался процесс увеличения доли расходов на народное хозяйство и социально-культурные мероприятия. В годы войны большие бюджетные средства выделялись на обучение молодых рабочих, заменивших ушедших на фронт отцов и старших братьев. Несмотря на военную обстановку, непрерывно развивалась научная и культурная жизнь страны. Из государственного бюджета выделялись средства на поддержку просвещения, здравоохранения, социально-го обеспечения. Эти затраты стали увеличиваться к концу войны, особенно в связи с восстановлением экономики в освобожденных районах.

Денежно-кредитная политики

С началом войны изменилась структура денежного оборота в стране. Доходы государственного бюджета значительно уменьшились с переключением предприятий на производство военной продукции и сокращением производства товаров для широкого спроса. Удельный вес денежной массы, обслуживающей платежный оборот между населением, государственными и кооперативными организациями, в общем денежном обороте снизился с 29% до 12%. Одним из факторов, сдерживающих эмиссию в первые месяцы войны стало Постановление СНК СССР о блокировке вкладов населения в сберкассах. Начиная с 23 июня 1941 г. выдача наличных денег с вкладов ограничивалась суммой в 200 рублей в месяц. Льготная выплата до 1000 рублей устанавливалась для творческой интеллигенции¹. Наличие колхозного рынка, где цены устанавливались по законам спроса и предложения, делали данную меру экономически выгодной и целесообразной.

В годы войны цены на колхозном рынке по причине дефицита продовольствия и потребительских товаров выросли в 13-15

¹ Геращенко В.С. Госбанк в годы Великой Отечественной войны // Деньги и кредит, 1995, № 4, с. 6,7

раз. Государственные и рыночные цены отличались в десятки раз. Например, государственная цена за 1 кг муки составляла 2,4 рубля, на рынке - 80; государственная цена на кг говядины составляла 10,12 руб., на рынке - 155. Литр молока по государственным ценам стоил 2 рубля, на рынке - 44, кг растительного масла соответственно 13,5 и 245 рублей, а животного масла - 25 и 578 рублей¹. Почти вся зарплата городских жителей уходила на покупку продуктов. Часто прибегали к бартеру. Меняли одежду и обувь на еду. Надо отметить, что уровень розничных государственных цен на нормированные продовольственные и промышленные товары сохранялись в течение всей войны почти неизменным. Его рост к 1943 г. по разным данным составил от 5 до 11%. Производства по этим ценам не хватало. Изыскивались местные товарные ресурсы. Постепенно их доля в розничном товарообороте все больше увеличивалась. Объем денежной массы, обслуживающей оборот на неорганизованном рынке, повысился с 8,6% до 28%. Вдвое понизилась доля денег в кассах предприятий, а удельный вес свободных денег у населения повысился на три пункта². Следует иметь в виду, что в первые годы войны изменились формы и структура внешнеторгового товарооборота, что повлекло за собой изменение структуры внешнеторгового баланса: импорт увеличился в 2 раза, а экспорт уменьшился в 3,5 раза³.

Денежно-кредитная политика СССР в годы войны приобрела существенные, подчиненный характер денежно-кредитной политики в условиях, когда основным источником финансирования становится бюджет; во-вторых, опора на внутренние ресурсы при незначительной внешней финансовой поддержке; в-третьих, использование универсальных финансовых методов (эмиссия денежной массы, выпуск государственных займов и пр.) в более значительных масштабах. Основными направлениями денежно-кредитной политики СССР в годы войны были - денежная эмиссия и стабилизация денежного обращения.

¹ Кравченко Г.С., Указ. Соч., с. 167

² Пешехонов Ю.В. Доходы и уровень жизни населения в годы Великой Отечественной войны. Финансовая система государства в годы Великой Отечественной войны. М., 1996. с. 47

³ Кравченко Г.С. Указ. Соч., с. 167

Добиться сбалансированного бюджета в первые годы войны не удавалось по причине резкого увеличения военных расходов. Для их покрытия использовалась дополнительная денежная эмиссия. К концу войны количество денег в обращении возросло в 4 раза. Однако основная их часть оседала у населения и оставалась неиспользованной, так как деньги не были обеспечены необходимым товаром. Это обстоятельство вызывало рост цен и необходимость печатать все новые деньги. Проблема сбалансированного денежного обращения решалась путем создания специальных общественных фондов, сбора добровольных пожертвований и взносов населения, приема Госбанком вкладов населения, размещения специальных военных займов.

Для лучшей организации подписной кампании на займы и получения наивысшего конечного результата на предприятиях, в организациях и учреждениях создавались специальные комиссии содействия государственному кредиту и сберегательному делу. Подписка населения на займы обеспечивала государству значительную массу госкредитных поступлений. Высокая гражданственность и патриотизм, а также доверие граждан к проводимым госкредитным операциям позволили мобилизовать в общей сложности 90 млрд руб., что составило 8% доходной части госбюджета тех лет¹. Стабилизация денежного обращения за счет государственных займов достигалась путем снижения платежеспособного спроса населения. Регулирование спроса и предложения в условиях дефицита товаров и услуг проходило целенаправленно и упорядочено, благодаря государственным займам. Тем самым займы являлись важным источником покрытия бюджетного дефицита, что в конечном итоге приводило к стабилизации денежной единицы страны – рубля.

В годы войны наблюдался некоторый рост заработной платы трудящихся. В среднем по стране она выросла на 32%. Однако этот рост происходил неравномерно и зависел от отрасли народного хозяйства и региона страны. Дифференцированная заработная плата обеспечивала приток трудовых ресурсов в отрасли тяжелой и оборонной промышленности. Среднемесячная заработная плата

¹ Родионова В.М. Указ. Соч. с. 59

рабочих на предприятиях тяжелой промышленности к 1944 г. выросла на 53%, ИТР – на 58%, в черной металлургии – на 80%, а в угольной промышленности в 4 раза. Если в целом по стране заработная плата рабочих и служащих выросла по сравнению с 1940 г. на 42%, то в районах Поволжья – на 79%, на Урале – на 65%, в Западной Сибири – на 79%¹. Много внимания уделялось материальному стимулированию высокопроизводительного труда. Доля премий в общей сумме заработной платы ИТР увеличилась с 11% в 1940 г. до 28% в 1944 г., у рабочих соответственно с 4,5% до 8%². В отраслях тяжелой и военной промышленности зарплата была выше, чем в отраслях группы «Б». Сельское население, торгующее на колхозном рынке, имело примерно такие же доходы. Несмотря на рост номинальной заработной платы, ее реальное содержание неумолимо падало и составило в 1945 г. 40% от уровня 1940 г.

Материальные стимулы применялись и в действующей армии. Личный состав войск за уничтожение вражеской техники получал премиальные выплаты с первых месяцев войны. По приказу Наркома обороны СССР от 17 июня 1942 г., летчикам-истребителям было установлено денежное вознаграждение за каждый сбитый бомбардировщик противника в размере 2 тыс. рублей, за транспортный самолет – 1500 рублей, за истребитель – 1000 рублей. Наиболее высокие денежные вознаграждения были введены в ВМФ за потопление кораблей противника постановлением СНК СССР от 31 мая 1943 г. Размер вознаграждения зависел от должности и звания участника успешной операции. За потопление линкора и крейсера командиру корабля полагалось соответственно 25 и 20 тыс. рублей, краснофлотцам – по 500 рублей. Премиальные выплаты зависели от класса уничтоженного корабля. За потопление баржи, буксира или вооруженной шхуны командир получал 1000, а краснофлотцы – по 50 рублей. Этим же постановлением предусматривалось денежное вознаграждение личному составу экипажей самолетов ВВС ВМФ за уничтожение кораблей и судов

¹ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М., 1948, с. 117

² Сапронов И. М. Финансовая служба армии и флота в годы войны. // Финансы, 2005, № 4, с. 17, 18

противника от 300 до 10 тыс. рублей. Премии выплачивались и личному составу артиллерийских частей за подбитые и сожженные танки противника от 500 до 200 рублей, за быстрый и качественный ремонт боевой техники во фронтовых условиях. По данным А. Почтарева, суммарный размер вознаграждений одного только личного состава ВМФ СССР в годы Великой Отечественной войны за потопленные корабли, сбитые самолеты и уничтоженные танки противника составил 50 243 тыс. рублей. Денежное вознаграждение способствовало поднятию боевого духа бойцов и улучшению материального положения их семей.

Изменение системы денежного довольствия военнослужащих, повышение окладов и введение премиальных выплат способствовали накоплению личным составом крупных сумм наличных денег при себе. Это обстоятельство заставило создать в действующей армии четко работающее финансовое хозяйство. Задача эффективного использования денежных средств в войсках решалась путем формирования полевых учреждений Госбанка по развитию вкладных операций и безналичных расчетов. Они принимали на хранение денежные средства, осуществляли переводы и расчеты как с воинскими частями, так и с личным составом армии. За 1941-1944 гг. таким образом было мобилизовано 67 млрд.руб. Почти все эти суммы перечислялись в фонд союзного бюджета и частично шли на нужды военного ведомства. Вкладные операции дополнялись системой выдачи аттестатов семьям офицерского состава. Безналичные перечисления на фронтах к общему фонду денежного довольствия составили 69,1 % в 1943 г. и 65,8% - в 1944 году. Всего же на финансирование Вооруженных сил выделялось 582 млрд. руб., или 51% госбюджета¹.

Финансовое управление НКО провело большую работу по контролю за ценами на военную продукцию. Были расширены и укреплены калькуляционные органы в управлении Наркомата обороны. В штаты военных представительств на крупных предприятиях вводились должности инженеров-калькуляторов. Внимание к обоснованности калькуляции цен сделало контроль за ценообразованием важным инструментом снижения себестоимости военной

¹ Зверев А. Г. Записки министра. М., 1973, с. 220.

продукции, а, следовательно, и снижения оптовых цен наряду с модернизацией, режимом экономии, повышением производительности труда и т.д. Общая экономия, полученная от снижения цен на военную продукцию за годы войны, составила 50,3 млрд. руб. и равнялась расходам за 138 дней войны¹.

Весомым вкладом в госбюджет стал сбор использованного военного имущества с полей сражений. За сдачу стреляных гильз, стальных шлемов и лома цветных металлов устанавливалось специальное денежное вознаграждение. В 1943 году экономический эффект от сдачи стреляных артиллерийских гильз составил 700 млн. рублей, а промышленности было возвращено 100 тысяч тонн остродефицитной латуни².

Выход Красной Армии на границу СССР и освобождение иностранных государств поставили перед финансовыми органами новые стратегические и экономические задачи. Потребовалось финансирование войск иностранной валютой. Принятию решений по принципиальным вопросам Правительством СССР предшествовала большая аналитическая работа военно-финансовой службы. Они изучали состояние денежного обращения и размер государственного долга данной местности, порядок расчетов за товары и услуги, наличие материальных ресурсов и т.д. Личному составу за границей выплачивали в иностранной валюте полевые деньги, а остальное денежное довольствие зачислялось на вклады в советских деньгах, которые разрешалось расходовать лишь на территории СССР³. Глубокое изучение широкого круга финансовых проблем давали возможности не только решить вопросы финансирования советских войск иностранной валютой, но и оказать помощь в восстановлении финансово-банковской системы на освобожденных территориях.

В 1944 г. помимо нормированной торговли появилась сеть коммерческих магазинов со среднерыночными ценами. Они помогали регулировать спрос населения, являясь дополнительным ис-

¹ Сапронов Г.М. Указ. Соч., с. 20.

² Олейник Г.С., Смирнов М.К. Военные деньги. Деньги и кредит. 1995, № 4, с. 38.

³ Алхимов В.С. Из воспоминаний Великой Отечественной войне. Вестник Банка России. № 22 (820) 5 мая 2005 г., с. 3.

точником снабжения, и цены на колхозном рынке. «Коммерческие» магазины выполняли двойную функцию. Они сдерживали рост цен на рынке, регулируя их уровень, и возвращали государству часть денег. Коммерческие магазины дали в бюджет страны дополнительный доход на 26 млрд. руб. Вместе с тем коммерческие магазины были промежуточно-подготовительной стадией к переходу на торговлю без карточек. Для улучшения обслуживания бойцов действующей армии была создана торговая сеть Военторга. Через эту систему осуществлялась продажа на фронте таких дополнительных товаров, как конфеты, печенье, папиросы, писчебумажные принадлежности, трикотажные изделия, одеколон, туалетное мыло, бритвенные принадлежности. Этими товарами интендантская служба войска не обеспечивала.

Укреплению денежной системы страны способствовало изъятие из обращения фальшивых денег, выпущенных фашистами на оккупированных территориях. Но даже использование таких действенных и жестких мер не смогло полностью предотвратить расстройство денежного обращения и привело к инфляции. Однако денежная эмиссия в СССР оказалась меньшей, чем в других воюющих странах.

Немаловажным структурным элементом финансовой системы оставалась кредитная политика. В мобилизации средств и перераспределении материальных ресурсов в пользу войны большую роль играл государственный кредит. Инструментами проведения кредитной политики выступили четыре союзных банка (Госбанк СССР, Промбанк, Внешторгбанк и Банк долгосрочных вложений) и отраслевые банк. Товарные запасы различных отраслей с помощью системы кредита перераспределялись в пользу военных отраслей. Реконверсия экономики повлекла за собой изменения в кредитовании и расчетных операциях. Главную роль в проведении кредитной политики играл Госбанк СССР, который работал в следующих направлениях: усилил кредитную помощь предприятиям оборонного значения, особенно эвакуированных на Восток; предоставлял льготный режим кредитования ОРСам, подсобным хозяйства, предприятиям на освобожденных территориях; упорядочил систему расчетов, создав БВР (бюро взаимных расчетов) в различных отраслях промышленности. Пересылка счетов-фактур

проводилась только через Госбанк, что ускоряло расчеты с предприятиями военной промышленности. Доля расчетов с предприятиями, кооперированными по поставкам для фронта, в платежном обороте Госбанка увеличилась за годы войны с 10,8 до 17,1 %¹. Через кредитную систему было мобилизовано 2 млрд. руб. свободных финансовых ресурсов. Увеличение кредита предприятиям военной промышленности привело к сокращению краткосрочных кредитных операций в первые два года войны. В связи с этим особую роль стали играть банки долгосрочных вложений. Рост кредитных вложений стал наиболее заметен со второй половины 1943 г. Остатки средств на расчетных счетах хозорганов возросли, а время их хранения в банке увеличилось вдвое. Это стало возможным в результате повышения производительности труда и экономии от снижения себестоимости продукции, что дало дополнительных 5 млрд. рублей. Произошло ускорение оборачиваемости товарно-материальных ценностей, благодаря чему освобожденная часть собственных оборотных средств и банковские кредиты направлялись в военную промышленность. Рост денежных доходов колхозов за счет увеличения рыночных цен на сельскохозяйственную продукцию позволил банку мобилизовать свободные средства колхозов на их текущих счетах. Кредиты тяжелой промышленности составили 30% против 18 % в довоенное время².

Можно выделить как минимум две особенности кредитной политики военных лет. Она была направлена на развитие, главным образом, промышленности и состояла в выпуске военных займов, которые в СССР размещались в основном среди населения, а в странах антигитлеровской коалиции в основном среди банков и других кредитных институтов. Такой подход обеспечивал союзникам более значительные денежные средства. Тем не менее, государственный долг СССР, составивший 126 млрд. руб., был в 2 раза ниже, чем в США, более, чем в 3 раза ниже долга Германии. Усиление взаимосвязи государственных финансов, денежного обращения и кредита обеспечили бесперебойное финансирование во-

¹ Усоскин М. Кредит в годы Великой Отечественной войны // Деньги и кредит. 1965. № 5. с. 35, 36.

² Финансовая система... с. 34.

енных затрат государства. Таким образом, денежно-кредитная политика СССР выдержала испытание самой крупной войной XX века.

Победа СССР в Великой Отечественной войне показала, что советская экономика оказалась более мобильной и жизнеспособной, чем экономика агрессора. Советские Вооруженные силы опирались на крепкий и устойчивый тыл, одной из важнейших составляющих которого были финансовая система и денежное обращение. Полный крах потерпели замыслы врага подорвать устойчивость советской экономики и вызвать губительную инфляцию. В тяжелейшие первые месяцы войны враг захватил большое количество советских денежных средств в сберкассах и, банках произошло массовое ограбление населения. Только в Германию было вывезено 4 млрд. руб. советской валюты. Помимо изъятия денежной массы фашисты наводнили советские территории большим количеством фальшивых советских денег. Но попытки врага подорвать экономику и вызвать обвал инфляции не дали желаемых результатов.

Советская финансовая система сумела обеспечить огромные расходы страны на военные нужды. В кратчайший срок была осуществлена ее перестройка. Произошла мобилизация всех ресурсов для финансирования военных затрат. Укреплялись старые и изыскивались новые источники финансирования. В этих условиях значение финансов как мощного фактора воздействия на развитие экономики еще более возросло. В годы войны постоянно шел поиск более прогрессивных методов финансового контроля, улучшалась работа финансовых органов по изысканию дополнительных резервов, экономии денежных средств и материальных ценностей.

В годы войны деньги продолжали выполнять свои функции, сохраняя значение средств обращения и платежа, накопления, учета и контроля. Банки изыскивали ресурсы для кредитования военной промышленности и отраслей народного хозяйства, обеспечивали регулирование налично-денежного оборота. Регулирующая, стимулирующая и контрольная функция финансов заметно возросла в условиях военной экономики. Финансовая система СССР вы-

держала испытания военных лет. Это оказалось возможным в результате героического и самоотверженного труда всех советских людей.

**Каравеева И.В., д.э.н., проф.,
Архипкин И.В., к.э.н., доц.**

МЕСТНЫЕ ФИНАНСЫ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКИ И ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПЕРИОДА (1941-1950 гг.)

В советской экономической литературе всегда существовала, как неоспоримая точка зрения об усилении централизованного регулирования процесса формирования и использования доходной базы местных бюджетов в годы Великой Отечественной войны. Действительно, основной формой бюджетных поступлений в этот период были отчисления от государственных налоговых доходов, включая и их чрезвычайные формы (займы). Для бюджетов автономных республик, краев и областей, которые были освобождены после оккупации, в качестве основных доходных источников использовались дотации. Активно применялась система горизонтального выравнивания доходов местных бюджетов через фонды регулирования, которые создавались при вышестоящих бюджетах с целью перераспределения средств между нижестоящими бюджетами. Основными регулирующими доходными источниками являлись отчисления от налога с оборота, государственных займов, сельскохозяйственного налога, подоходного и военного налога.

Однако, в военные годы достаточно широкое развитие получила и система местных налогов и сборов, формирующих доходную базу фундамента местного управления – сельских и поселковых бюджетов.

Экстремальность ситуации, постоянная модификация реальной базы налогообложения создала предпосылки для поиска и реализации нестандартных решений в формировании доходной базы бюджетной системы, в которых, наряду с методами усиления централизованного регулирования бюджетных процессов, использовались возможности финансовой инициативы местных бюджетов в решении проблем военного времени. При этом, очевидно, что нельзя рассматривать особенности формирования доходной части местных бюджетов вне связи с изменением системы в целом.

Советский государственный бюджет был перестроен в соответствии с потребностями военного времени. В связи с переводом промышленности на военный лад, резким сокращением производства товаров широкого потребления, временной оккупацией немецко-фашистскими войсками крупнейших экономических районов страны и перебазированием промышленности на восток накопления социалистических предприятий сильно уменьшились. Это серьезно сказалось на размерах поступлений доходов в бюджет всех уровней. В результате удельный вес доходов от социалистических предприятий в государственном и, соответственно, местных бюджете снизился и соответственно возрос удельный вес платежей населения как добровольных, так и обязательных. Если до войны налоги с населения составляли в доходах государственного бюджета примерно 5%, то в военные годы они возросли до 13%.

В начале войны рост налоговых поступлений был обеспечен за счет введенной в 1941 г. процентной надбавки к сельскохозяйственному и подоходному налогам. Кроме того, в целях укрепления местных бюджетов 75% средств, собранных на селе по самообложению, включалось в сельский и районный бюджеты и использовалось по целевому назначению на финансирование социально-культурных мероприятий. Однако действовавшая налоговая система не могла обеспечить значительный рост поступлений средств в бюджет за счет налогов с населения. Это объяснялось тем, что налоги с населения, как правило, имели плавную прогрессию, сменявшуюся (при определенных размерах доходов) пропорциональным обложением. Наряду с этим от обложения освобождалась по различным признакам большая группа граждан, особенно семей военнослужащих, инвалидов войны и т. д. Так, в 1940 г. от обложения сельскохозяйственным налогом освобождалось свыше 30% хозяйств колхозников, рабочих, служащих и единоличников. Все это вело к значительному уменьшению налоговых поступлений в бюджет в период войны. Необходимость существенной перестройки действовавшей системы обложения сельского населения вызывалась еще и тем, что размер налога на хозяйство определялся по наличию облагаемых объектов в хозяйстве без учета количества неработоспособных членов семьи. Между тем именно этот фактор стал одним из наиболее важных резервных базовых

показателей для определения платежеспособности хозяйства в условиях войны.

Проведение налоговых мероприятий обуславливалось не только фискальными, но и народнохозяйственными соображениями. Военная обстановка привела к конъюнктурному росту цен на сельскохозяйственную продукцию. Это вызвало оседание в деревне значительной денежной массы, которая из-за острого недостатка товаров не могла быть использована. Неизбежным следствием такого положения явилось сокращение привоза сельскохозяйственных продуктов на рынок, с одной стороны, и развитие натуральных форм обмена — с другой. Все это серьезно угрожало устойчивости советского рубля. Налоговая система должна была способствовать увеличению спроса на деньги и усилению тем самым притока сельскохозяйственной продукции на колхозный рынок. Эту роль в определенной степени выполнил введенный в 1942 г. военный налог. С введением военного налога была отменена 100-процентная надбавка к сельскохозяйственному и подоходному налогам.

В основу построения военного налога был положен принцип подушного обложения. Это позволило значительно увеличить контингент плательщиков налога как на селе, так и в городе главным образом за счет лиц, ранее не являвшихся плательщиками налогов. К таким лицам относились не работавшие по найму трудоспособные члены семей колхозников, единоличников, рабочих и служащих, кустарей и ремесленников, офицерского состава Советской Армии и Флота и т. д. В отношении плательщиков с твердофиксированными размерами доходов принцип подушного обложения в военном налоге сочетался с принципом подоходности: ставки налога с рабочих и служащих и других групп не-сельскохозяйственного населения были построены в зависимости от размеров получаемых ими доходов. Это означало, что военный налог служил дополнением к подоходному налогу, однако он числялся не по прогрессивной таблице ставок, а по ступенчатой шкале. Военный налог отличался от других действовавших налоговых платежей еще одной особенностью: его размеры увеличивались на 50% для тех граждан, которые по возрасту подлежали мобилизации в армию, но по тем или иным причинам не были мо-

билизованы. Этот принцип вытекал из особенностей военного налога, как налога, введенного в период войны с целью увеличения ресурсов государственного бюджета.

Военный налог сыграл важную роль в вовлечении в оборот осевшей в деревне денежной массы и увеличении притока сельскохозяйственной продукции на колхозные рынки. Эта цель достигалась построением ставок налога и дифференциацией их с учетом доходов колхозного двора не только от личного хозяйства, но и от полученных по трудодням. Подобная мера имела тем большее значение, что касалась не только главы колхозного двора, но и каждого трудоспособного его члена, участвовавшего своим личным трудом в хозяйстве. Привлечение к военному налогу как в городах, так и на селе всех трудоспособных членов семьи в значительной степени способствовало вовлечению в трудовой процесс не использованных в народном хозяйстве трудовых ресурсов. За период 1942—1945 гг. поступления военного налога в бюджет составили свыше 72 млрд. руб., что сыграло важную роль в финансировании военных расходов и в изъятии денежной массы из обращения.

Вторым новым налогом, введенным в период войны, был налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР. Налог уплачивали граждане, достигшие 20-летнего возраста, не имеющие детей. Взимание налога прекращалось при достижении мужчинами 50 лет и женщинами 45 лет. Это означало, что налог уплачивался лицами, не обремененными иждивенцами и, следовательно, более обеспеченными материально. Принципы построения налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан резко отличаются от принципов построения основных налогов с населения. Для привлечения к налогу главным критерием является не доход, а возраст и семейное положение граждан. Это придавало налогу подушный характер. В отношении граждан, имевших личные доходы, подушный принцип сочетался с принципом подоходного обложения. При этом пропорциональные ставки налога дифференцировались в зависимости от семейного положения граждан. С некоторых категорий плательщиков налог исчислялся по твердым ставкам. По ставкам налога плательщики распределялись так:

Таблица 1¹

Ставки налога на холостяков, одиноких и малосемейных граждан в СССР в 1942-1950 гг.

	Не имевшие детей	Имевшие одного ребенка	Имевшие двух детей
Рабочие и служащие	6% от их заработка	1% от их заработка	1/2% от их заработка
Прочие граждане по доходам, облагаемым подоходным налогом	6% от облагаемого дохода	1% от облагаемого дохода	1/2% от облагаемого дохода
Колхозники и другие граждане, уплачивавшие сельскохозяйственный налог	150 руб. (независимо от размера дохода)	50 руб. (независимо от размера дохода)	25 руб. (независимо от размера дохода)
Граждане, не имевшие никаких источников дохода	90 руб.	30 руб.	15 руб.

Серьезные изменения были внесены и в действовавшие налоги. Прежде всего были пересмотрены нормы доходности по сельскохозяйственному налогу, так как в результате значительного роста цен они сильно отстали от фактически получаемых колхозниками доходов. Это видно из следующих данных за 1942 г.:

¹ Градовский А.Д. История местного самоуправления. Л., 1968, т.2, с. 315

Таблица 2¹

Нормы отчислений по сельскохозяйственному налогу в СССР в 1942 году

Объекты обложения	С одного га посева или одной головы скота, в руб. (в среднем по СССР)		Облагаемый доход по нормам в % к фактической доходности
	Фактически Полученный доход	Облагаемый доход по нормам	
Посевы сельскохозяйственных культур	16 326	2 378	14,6
В том числе:			
зерновых культур	4 794	707	14,8
Картофеля	16 202	2 603	16,1
Овощей	32 255	3 915	12,1
Коровы	5 137	912	17,8
Овцы и козы	757	80	10,6
Свины	4 453	323	7,3

Фактический доход превышал действовавшие в 1942 г. нормы доходности в 7—10 раз, а по отдельным союзным республикам — в 10—15 раз.

В состав отчислений от государственных налогов и доходов в местные бюджеты в военные годы входили: отчисления от налога с оборота; от военного налога; от подоходного налога с колхозов; от подоходного налога с населения; от сельскохозяйственного налога; от сумм реализации госзаймов. Существовали также как государственные налоги с нетоварных операций и на лошадей единоличных хозяйств, но они оба хотя и проводились в составе отчислений, но относились в полных суммах в состав местных бюджетов.

Необходимость увеличения доходов местных бюджетов в годы войны потребовала внесения изменений и в систему *местных налогов и сборов*.

¹ Данилов Д.В. Местные налоги и сборы, М., Госфиниздат, 1946, с.31

Закон "О местных налогах и сборах", принятый в 1942 г., установил в качестве обязательных платежей налог со строений, земельную ренту, разовый сбор на колхозных рынках, налог с киноустановок, налог со зрелищ (спектакли, концерты и т.п.). Кроме того, местным Советам предоставлялось право проводить на своей территории в городах сбор с владельцев скота, сбор с владельцев транспортных средств.

Расширению налоговой базы местных бюджетов способствовало также зачисление ряда государственных налогов непосредственно в местные бюджеты, в качестве налогов, которые вносятся в них в полных суммах территориальных поступлений, а не в порядке отчислений. Они не перераспределяются между союзным, республиканскими и местными бюджетами, но могут быть перераспределяемы в порядке внутриобластного регулирования местных бюджетов (например, подоходный налог с кооперации и хозорганов общественных организаций). Кроме подоходного налога с кооперации и хозорганов общественных организаций, в число государственных налогов, непосредственно зачисляемых в местные бюджеты, были включены государственная пошлина, рыболовный и билетный сборы.

Основные тенденции формирования доходной базы местных бюджетов были сохранены и в послевоенные годы. Вместе с тем, в формировании бюджетных доходов этого периода имелись особенности, связанные с особенностями послевоенной экономики, которые получили отражение в местных бюджетах.

Были произведены изменения в обложении населения. С 1 января 1946 г. отменен военный налог. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 сентября 1946 г. размер необлагаемого подоходным налогом минимума увеличен с 15 до 26 руб., от уплаты налога освобождались учащиеся, стипендия у которых не превышала 26 руб. в месяц. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1947 г. пересмотрено обложение доходов от кустарно-ремесленных промыслов, строений, от сельского хозяйства и других источников в поселениях городского типа. В связи с изменениями конъюнктуры цен на сельскохозяйственную продукцию в 1946 и 1947 годах понижены нормы доходности по отдельным сельскохозяйственным культурам, ликвидирован

имевший место разрыв между нормами, установленными в 1943 г. при высоких ценах на сельскохозяйственную продукцию, и фактическими доходами после войны, когда происходил процесс снижения этих цен. Особые дополнительные налоговые льготы по сельскохозяйственному налогу были предоставлены хозяйствам, пострадавшим от оккупации. Ряд льгот установлен для военнослужащих, демобилизованных из Советской Армии, бывших, партизан и инвалидов Великой Отечественной войны.

О динамике и структуре доходов местных бюджетов СССР дает представление данная таблица:

Таблица 3¹

Структура доходов местных бюджетов в СССР (1946 г., 1950 г.)

	1946		1950		1950 в % к 1946
	Млн. руб	%	Млн. руб	%	Млн.руб.
<i>Всего доходов</i>	4812,8	100	6864,2	100	142,6
В том числе:					
доходы от местных источников	1886,2	39,2	1974,7	28,8	104,7
из них платежи из прибыли	553,7	11,5	731,9	10,7	132,2
отчисления от государственных доходов и налогов	2576,9	53,6	4593,0	66,9	178,2
из них:					
налог с оборота	—	—	1829,4	26,7	—
государственные налоги с начисления	—	—	1499,8	21,8	—
средства, передаваемые хозорганам	12,7	0,2	13,8	0,2	138,0
дотация из вышестоящих бюджетов и фондов регулирования	337,0	7,0	-	—	—
дотация из республиканских бюджетов	-	-	78,9	1,1	—
средства, полученные из республиканских бюджетов	—	—	203,8	3,0	—

¹ Плотников К.Н. Очерки истории бюджета советского государства. М., Госфиниздат, 1954, с. 158

Таким образом, в послевоенный период состав доходов местных бюджетов остался почти стабильным. Но в их структуре произошли некоторые изменения. Удельный вес поступлений от местных источников снизился с 39,2% в 1946 г. до 28,8% в 1950 г., а отчислений, соответственно, повысился с 53,6 до 66,9%.

В послевоенные годы особую актуальность приобрел вопрос о рациональном с народнохозяйственной точки зрения распределении доходных источников между отдельными видами местных бюджетов в целях обеспечения каждого из них достаточным объемом поступающих доходов.

Следует напомнить, что в рамках бюджетной системы СССР местные бюджеты имели следующую градацию: бюджеты автономных республик, областей, краев, районные бюджеты, городские, поселковые, сельские бюджеты. При этом характер перераспределения доходов, например, на областном и районном уровне существенно отличался от уровня поселковых и сельских бюджетов. Доходы местных бюджетов на всех уровнях формировались в решающей части за счёт отчислений от государственных доходов и налогов. В бюджеты областей, бывших в оккупации, отчисления направлялись в повышенных размерах. При утверждении государственного бюджета Российской Федерации Верховный Совет РСФСР установил на 1946 г. отчисления от подоходного налога с населения и государственного займа, размещаемого среди населения, в бюджеты ряда областей в повышенных размерах: Брянской — 80% от каждого источника; Великолукской, Новгородской, Псковской, Смоленской — соответственно 100%. Одновременно излишки доходов по бюджетам городов республиканского подчинения, которые не были в оккупации (Горький, Куйбышев, Пермь, Новосибирск, Саратов, Свердловск, Челябинск, Казань), были изъяты в республиканский бюджет РСФСР. В бюджеты отдельных административно-территориальных единиц для их сбалансирования направлялась дотация.

Первое место среди регулирующих доходов в 1946 г. занимали поступления от государственных займов, а налог с оборота находился на втором месте. Однако, начиная с 1947 г. налог с оборота в системе регулирования устойчиво занял первое место. Второе место в одних бюджетах занимали отчисления от государст-

венных займов; реализуемые по подписке среди населения, в других — от подоходного налога с населения. За счет налога с оборота формировалось около 1/3 общей суммы доходов местных бюджетов. В последующие годы его роль повысилась.

Размеры отчислений от регулирующих доходов, передаваемых из республиканского бюджета РСФСР в местные, отличались нестабильностью. Основной регулирующий источник — налог с оборота из года в год передавался в них в различных процентах. Так, в 1946 г. местные бюджеты получили 3,48% контингента, в 1947 г. — 7,3%, в 1948 г. — 5,8% и т. д. Ежегодно изменялись проценты отчислений от общегосударственных доходов, передаваемые в нижестоящие бюджеты; при этом наибольшей неустойчивостью также отличался налог с оборота. Система ежегодных изменений процентов отчислений создавала своеобразную неустойчивость в доходной базе местных бюджетов, если учесть, что в доходах бюджетов отдельных областей налог с оборота составлял около 50%.

К концу 1950 года сложились следующие пропорции в структуре доходов отдельных видов бюджетов и в распределении источников между ними. *Поступления от местных источников* наиболее высокий удельный вес занимали в городских и поселковых бюджетах — соответственно 56,4 и 54%. В областных бюджетах они находились на уровне 17%, в районных — 9,5%, в сельских — 16,8%. *Основным регулирующим источником являлся налог с оборота*, удельный вес которого особенно высок был в областных и районных бюджетах. *Но в сельские бюджеты налог с оборота не поступал*. На втором месте находились *государственные налоги с населения*, на долю которых в районных бюджетах приходилось 75%, областных — 23,1 %, поселковых — 27,8, городских — 13,5%, самый высокий удельный вес они занимали в сельских бюджетах - свыше 40%.¹ Основным среди налогов был подоходный налог с населения, кроме сельских бюджетов, где эту роль выполнял сельскохозяйственный налог и налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР. Весомое место среди регулирую-

¹ Толкушин А.В. Энциклопедия российского и международного налогообложения. М., Юрист, 2001, с.138

ших источников занимали поступления от реализации государственных займов. Однако их уровень в сравнении с 1946 г. значительно снизился. За годы четвертой пятилетки выпущено и реализовано пять займов на сумму 11983 млн. руб. Поступления от займов в местных бюджетах в 1950 г. составили 14% объема их доходов. На низовом уровне местных бюджетов - поселковых и сельских - значительный удельный вес занимали сезонные источники (подходный налог с колхозов, доходы МТС и сельскохозяйственный налог).

Значительный удельный вес в доходах местных бюджетов занимали платежи населения: государственные налоги, поступления от государственных займов, реализуемых по подписке среди населения, и местные налоги и сборы. Если в целом в местных бюджетах они составляли около $\frac{1}{2}$ их объема, то в *поселковых и сельских бюджетах их уровень достигал свыше 80%*, в то время как в районных и бюджетах городов республиканского уровня только 10%. В бюджетах же городов районного подчинения около 75%.¹ Другими словами платежи с населения являлись весьма весомым доходным источником базовых местных бюджетов (сельских, поселковых, малых городов), занимая первое место в ряду регулирующих средств.

Как видим, процессы трансформации налоговой базы местных бюджетов в десятилетие военных и послевоенных лет, когда все экономические механизмы страны проходили проверку на прочность в экстремальных условиях, нельзя рассматривать как однозначные. Если для местных бюджетов верхнего управленческого уровня - автономных республик, краев, областей, районов и крупных городов, которые в соответствии с современной терминологией следовало бы назвать региональными, несомненным было усиление централизованного регулирования процессов формирования и использование их доходной базы (за счет строгого регламентирования отчислений от государственных налогов и доходов), то с сельскими и поселковыми бюджетами дело обстояло иначе.

¹ Там же, с. 132

Для сельских, поселковых советов и исполкомов малых городов, которые по своей сути и являлись органами местного самоуправления, в военные и послевоенные годы появилась возможность расширения собственной налоговой базы – за счет местных налогов и сборов, государственных налогов полностью зачисляемых в местные бюджеты, отчислений от налогов с населения, проживающего в данной местности. Напомним, что этот уровень данных налоговых доходов формировал в поселковых и сельских советах до 80% доходной части бюджетов. Такое очевидное отступление от тенденции централизации распределения налоговых доходов было вызвано объективными причинами: необходимо было быстро и оперативно на местах решать проблемы социально-бытового характера (обеспечение жильем и продовольствием эвакуированного населения, размещение раненных и медперсонала, социальное обеспечение возвращающегося из эвакуации населения и т.д.) на основе привлечения местных финансовых ресурсов. Можно сказать, что в годы войны и последующего восстановительного периода в нашей стране на местах в определенной мере возрождены принципы местного самоуправления на базе самофинансирования, соответствующие отечественному опыту первой половины 20-х годов XX столетия. Однако, поскольку эти принципы в целом противоречили системе централизованного регулирования плановой экономики, то с завершением восстановительного периода доходы от местных источников финансирования в течение послевоенного пятилетия последовательно снижались, уступая место отчислениям от государственных налогов.

РОЛЬ НАЛОГОВ С НАСЕЛЕНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ БЮДЖЕТНЫХ ДОХОДОВ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Война поставила перед финансовой системой страны чрезвычайно важные задачи: необходимо было в кратчайшие сроки мобилизовать денежные средства, все финансовые ресурсы и использовать их для обороны, при этом особая роль отводилась налоговой составляющей бюджета и, в частности, налогам с населения.

Ощутимые трудности были связаны с тем, что на первом этапе войны (1941-1942гг.) наблюдалось сокращение доходов государственного бюджета. Нижней точки этот процесс достиг к концу 1942 финансового года, когда потери бюджета составляли около 10% по сравнению с базовым 1940 годом.(См. таблицу 1)

Таблица 1¹

Доходы государственного бюджета СССР (в млрд. руб.) и темпы его роста в военный период

Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Доходы бюджета СССР:	180,2	177,0	165,0	204,4	268,7	302,0
В том числе						
Темп роста (в %)	100,0	98,2	91,6	113,4	149,1	167,6
Налог с оборота	105,9	93,2	66,4	71,0	94,9	123,1
Темп роста (в %)	100,0	88,0	62,7	67,0	89,6	116,2
Отчисления от прибыли	21,7	23,5	15,3	20,1	21,4*	16,9
Темп роста (в %)	100,0	108,3	70,5	92,6	98,6	77,8
Доход от оплаты работ МТС	2,0	1,5	0,7	0,6	0,7	0,7

¹ Сучков А. Доходы государственного бюджета СССР. М., Госфиниздат, 1955, с. 139

Темп роста (в %)	100,0	75,0	35,0	30,0	75,0	75,0
Подходный налог с кооперации и хозорганов общественных организаций	1,8	1,4	0,6	1,2	1,5	1,3
Темп роста (в %)	100,0	77,8	33,3	66,6	83,3	72,2
Подходный налог с колхозов	0,8	1,2	1,0	1,2	1,5	1,5
Темп роста (в %)	100,0	150,0	125,0	150,0	187,5	187,5
Налог с нетоварных операций	0,64	0,54	0,34	0,42	0,46	0,53
Темп роста (в %)	100,0	84,4	53,1	65,6	71,9	82,8
Местные налоги и сборы	1,9	1,3	2,0	3,4	5,8	6,3
Темп роста (в %)	100,0	68,4	105,3	178,9	305,3	331,6

*Вместе с изъятием оборотных средств

Такое положение было связано с объективными обстоятельствами времени: главным условием успешного продолжения хозяйствования была скорейшая адаптация экономики к резкому изменению структуры трудовых кадров в тылу - ядро производственного персонала в городах и на селе было мобилизовано на фронт. Вторая, не менее важная черта военной ситуации - оккупация территории и потеря имеющихся на ней ресурсов: людских, производственных, сырьевых, а также разруха в прифронтовой полосе; быстрое перемещение в восточные районы всего, что удалось сохранить. И наконец переключение значительной части промышленности, которая производила гражданскую продукцию, на производство продукции военного назначения и, как следствие, уменьшение производства предметов народного потребления. Так, по данным таблицы 1 к началу 1943 финансового года темп роста налога с оборота составлял 62,7% по сравнению с 1940 годом, а отчисления от прибыли - 70,5%. Социалистические предприятия уже не могли полностью обеспечить государство необходимыми денежными ресурсами вследствие сокращения в бюджете удельного веса именно этих двух налогов. (См. таблицу 2).

Таблица 2

Удельный вес налогов и сборов с населения в общем объеме доходов бюджета за период 1940-1945гг.

Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Доходы бюджета СССР	180,2	177,0	165,0	204,4	268,7	302,0
Налоги и сборы с населения	9,4	10,8	21,6	28,6	37,0	39,8
Темп роста (%)	100,0	114,9	229,8	304,3	393,6	423,4
Удельный вес налогов и сборов с населения в общем объеме доходов бюджета	5,2	16,4	13,1	14,0	13,8	13,2

В таких экстремальных условиях повышенная налоговая нагрузка легла на плечи населения страны. Поступления в бюджет от налогов и сборов с населения увеличились за годы войны более чем в четыре раза, а их удельный вес в доходах бюджета возрос с 5,2% в 1940 г. до 13,2% в 1945 г. (См. таблицу 2) В 1943 финансовом году он был наивысшим и составил 14%, поскольку именно в этот период в области самых весомых финансовых показателей государственного бюджета - налога с оборота и отчислений от прибыли - наблюдался серьезный спад. Этот ресурс оказался более гибким и мобильным нежели все другие.

Анализ доходной статьи бюджета «Налоги и сборы с населения», представленной в таблице 2, показывает, что темп роста этого показателя в исследуемый период оставался стабильным и чрезвычайно высоким.

Далее в статье будут в хронологическом порядке рассмотрены изменения в области налогов и сборов с населения. В Налоговый кодекс постепенно были внесены существенные изменения: введены новые налоги (налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР, и, особенно, военный налог), отменены

(культжилсбор), пересмотрены и изменены существующие (сельскохозяйственный налог, подоходный налог с населения).

Исследование довоенной налоговой системы показало, что в самом начале войны она не могла обеспечить значительный рост поступлений средств в бюджет за счет налогов с населения.

Это объясняется тем, что налоги с населения, как правило, имели плавную прогрессию, сменяющуюся (при определенных размерах доходов) пропорциональным обложением. Наряду с этим, от обложения освобождалась по различным признакам большая группа граждан, особенно семей военнослужащих, инвалидов войны и т.д.¹ Все это вело к значительному уменьшению налоговых поступлений в период войны. Необходимость существенной перестройки действовавшей системы обложения сельского населения вызывалась еще и тем, что размер налога на хозяйство определялся по наличию облагаемых объектов в хозяйстве без учета неработоспособных членов семьи. В условиях войны именно этот фактор стал одним из наиболее важных базовых показателей для определения платежеспособности хозяйства. Необходимость изменений в налоговой системе объяснялось и общеэкономической ситуацией. В условиях войны товарные резервы в распоряжении государства сократились и уже не могли столь же эффективно, как в мирное время, влиять на цены колхозного рынка, складывающиеся в основном под действием спроса и предложения. Военная обстановка привела к конъюнктурному росту цен на сельскохозяйственную продукцию, что вызвало оседание в деревне значительной денежной массы, которая из-за острого недостатка товаров не могла быть использована. Неизбежным следствием такого положения явилось сокращение привоза сельскохозяйственных продуктов на рынок, с одной стороны, и, с другой – развитие натуральных форм обмена. Такое положение угрожало устойчивости советского рубля.

Метод воздействия на рыночные цены через налоги был следующим. Повышая налоги на крестьянские хозяйства, госу-

¹ Так, в 1940 году от обложения сельскохозяйственным налогом освобождались свыше 30% хозяйств колхозников, рабочих, служащих и единоличников.

дарство тем самым уменьшало денежную массу, оседавшую в деревне, и создавало дополнительные стимулы к реализации на рынке сельскохозяйственной продукции. Это естественно, снижало рыночные цены. И второе замечание: во время войны значительно расширились натурально-меновые отношения населения, что, в свою очередь, оказало влияние на ослабление роли денег в обращении. Увеличение налогов с населения уменьшало тенденцию производить натуральный обмен сельскохозяйственной продукции на изделия промышленности, так как для уплаты налоговых платежей крестьяне нуждались в наличных деньгах. Изъятие части денежной массы путем налогов содействовало укреплению покупательной силы советского рубля.

Именно поэтому в самом начале войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 июля 1941 г. была установлена временная надбавка к сельскохозяйственному и подоходному налогам с населения. Она взималась в одинаковом размере со всех групп плательщиков и составляла 100% к сумме налога, предъявленной к уплате. Некоторые категории населения получали льготы по уплате надбавок. Так, льготы предоставлялись колхозным и единоличным хозяйствам, в состав которых входили граждане, призванные в ряды Советской Армии: при наличии в хозяйстве одного военнотружущего надбавка составляла лишь 50%, двух и более военнотружущих—надбавка вовсе не применялась.

Руководство страны не ограничились поправками к существующим налогам, принятыми в начале войны, и введением двух новых налогов. В 1941 г. были установлены нормы доходности для обложения сельскохозяйственным налогом, а уже в том же 1941, а также в 1942 гг. эти нормы оказались в несколько раз ниже фактических доходов, полученных плательщиками сельскохозяйственного налога. Так, фактический доход от реализации отдельных сельскохозяйственных культур превысил действующие в 1942 г. нормы доходности в 7—10 и больше раз. По Киргизской, Казахской и Узбекской республикам эти нормы в 10—15 раз были ниже фактического дохода крестьянских хозяйств.

Такой разрыв был недопустим. В связи с этим Указом Президиума Верховного Совета СССР нормы доходности, действо-

вавшие в 1942 г., были повышены в среднем в 3,7 раза по сравнению с довоенными нормами.

Наряду с увеличением норм доходности изменен порядок их дифференциации для отдельных местностей. До 1943 г. средние нормы доходности в союзных республиках могли понижаться или повышаться для отдельных районов в пределах 30%, так как не было возможности более глубоко их дифференцировать в зависимости от экономических особенностей. В 1943 г. появилась возможность такой дифференциации. Средние нормы доходности, установленные для союзных республик, теперь могли повышаться или понижаться в пределах 30% для краев и областей; внутри же края и области—в пределах 30% для отдельных районов. В некоторых случаях районные нормы могли изменяться в пределах 30% для отдельных селений. Дифференциация норм доходности от 30 до 220% средних норм, установленных для союзной республики, создавала необходимые условия для учета всех тех различий, которые существовали в экономике отдельных местностей в связи с различным уровнем цен на сельскохозяйственную продукцию.

Наряду с изменением норм доходности были пересмотрены и ставки сельскохозяйственного налога. До 1943 г. прогрессия ставок налога заканчивалась при норме годового дохода в 4 000 руб. После введения новых норм доходности прогрессия была продолжена до 10 000 руб. годового дохода. Естественно, что это увеличило платежи колхозников и единоличников, имевших крупные доходы.

К плательщикам подоходного налога применялся другой принцип исчисления надбавки. Размер надбавки дифференцировался в зависимости от суммы заработной платы. Так, при месячном заработке рабочих и служащих свыше 300 руб. и до 500 руб. надбавка составляла 50% суммы налога, а при заработке свыше 600 руб.— 100%. Рабочие и служащие с заработком до 300 руб. в месяц освобождались от уплаты надбавки. Остальные категории населения, кроме рабочих и служащих, уплачивали надбавку в размере 100% с суммы налога независимо от размера заработка. Те группы населения, которые по возрасту подлежали призыву на действительную военную службу или призыву по мобилизации в Советскую Армию, но не были мобилизованы либо освобождены от при-

зыка, уплачивали надбавку в размере от 100 до 200% в зависимости от месячного заработка.

Надбавка не вызвала сколько-нибудь существенного напряжения в бюджете колхозников, рабочих и служащих. Следует отметить, что нормы облагаемого дохода, установленные в 1940 г., далеко не соответствовали фактическим доходам колхозников, которые значительно выросли в связи с ростом цен на колхозном рынке.

В целом по СССР размер сельскохозяйственного налога в 1941 г. составлял в среднем на одно хозяйство 141 руб., а с введением надбавки он достиг 282 руб., т. е. увеличился вдвое. Это, однако, не могло оказать существенного влияния на денежные доходы деревни. Дело в том, что путем нормированного исчисления нельзя было установить фактические доходы крестьян, так как нормы доходности значительно отставали от фактических доходов крестьянских хозяйств. В результате надбавка дала государственному бюджету довольно значительную сумму.

Сокращение розничного товарооборота привело также к росту излишка денег и у городского населения, что обуславливало необходимость некоторого повышения налогов на рабочих, служащих и другие слои горожан.

За военный период была выполнена большая работа по дальнейшему упрощению налогов, взимаемых с городского населения. 30 апреля 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР "О подоходном налоге с населения" был объединен в один платеж подоходный налог и сбор на нужды жилищного и культурно-бытового строительства. Это было вызвано необходимостью упростить работу налогового аппарата и сократить излишние расходы на его содержание. Кроме того, целесообразность этого мероприятия обуславливается тем, что плательщиками подоходного налога и культсбора являлись одни и те же лица, порядок уплаты налога был одинаковым; различие заключалось лишь в размерах и сроках платежей, а при наличии двух самостоятельных платежей приходилось раздельно производить их начисление и учет. Объединение подоходного налога и культсбора значительно сократило нагрузку счетного аппарата предприятий, учреждений и ор-

ганизаций, которому приходилось дважды производить одну и ту же работу.

30 апреля 1943 года был издан указ Президиума Верховного Совета СССР, на основании которого в основном остались на прежнем уровне налоги с городского населения, но несколько уменьшились налоги для граждан, получающих меньшую заработную плату, и незначительно увеличилась прогрессия ставок для лиц с высокими заработками. При уплате подоходного налога для отдельных групп плательщиков в соответствии указом была установлена следующая шкала ставок:

Таблица 3

**Шкала ставок, используемая при уплате
подоходного налога**

Годовой доход(в руб.)	Размеры налога в процентах к годовому доходу			
	с рабочих и служа- щих	с литерато- ров и ра- ботников искусств	с врачей, преподава- телей, адво- катов и дру- гих лиц, зани- мающихся частной прак- тикой	с не Kooperиро- ванных куستا- рей и ремеслен- ников и других плательщиков
1800	не взимается	1,5	2,0	3,0
3600	3,6	3,6	4,7	6,8
6000	5,2	5,2	8,0	11,3
12000	8,2	8,2	14,7	19,6
24000	10,6	10,8	22,1	28,6
36000	11,4	12,4	27,9	34,9
50000	11,8	13,4	31,8	39,1

Таблица 3 свидетельствует о том, что прогрессивная система построения ставок подоходного налога с населения обеспечивала большие суммы поступления в бюджет налога с граждан, имеющих более высокий размер заработной платы, гонорара или других доходов.

Ставки подоходного налога на врачей, адвокатов, преподавателей, получающих заработок от частной практики, некооперированных кустарей и ремесленников, кооперированных кустарей и ремесленников, работающих на дому, и т. д. этим Указом были несколько понижены. Таким образом были поддержаны интересы развития кустарно-ремесленных промыслов, что имело в годы войны большое значение для улучшения культурно-бытового обслуживания населения. Для некооперированных кустарей и ремесленников, граждан, получающих доходы от строений, сельского хозяйства в городских поселениях были установлены более высокие ставки.

Этим же Указом были предусмотрены льготы для лиц, получающих доходы от сельскохозяйственных источников: от налога были освобождены те рабочие и служащие, которые имели земельные участки до 0,15 га, а из скота в хозяйстве - не более одной козы или одной свиньи либо не более двух овец; сохранена льгота по индивидуальному и коллективному рабочему огородничеству. Суммы, получаемые от продажи сельскохозяйственных продуктов на рынке, освобождались от обложения.

Несмотря на то, что государство нуждалось в огромных средствах для ведения войны все же сохранялись все льготы, которые предоставлялись городскому населению при обложении подоходным налогом: для рабочих и служащих был сохранен необлагаемый минимум в 150 руб. в месяц, или 1 800 руб. в год; для учащихся, получающих стипендию, — 210 руб. в месяц, или 2 520 руб. в год; для кооперированных кустарей, владельцев строений и других плательщиков — 600 руб. в год. Рабочим и служащим, имеющим на своем иждивении более трех человек, предоставлялась скидка в размере 30 % с начисленной суммы налога. Полностью были сохранены льготы Героям Советского Союза, Героям Социалистического Труда, орденосносцам и другим знатным людям на-

шей страны, а также военнослужащим, пенсионерам, старателям, изобретателям и т. д.

Поступления от подоходного налога с населения выросли за годы войны с 3,7 млрд. руб. в 1940 г. до 10,6 млрд. руб. в 1945 г. (См. таблицу 5)

Во время войны был проведен также и ряд других мероприятий по дальнейшему упрощению налоговой системы. В частности, правительство отменило введенный в 1929 г. налог с имущества, переходящего в порядке наследования и дарения, стоимостью свыше 1000 руб.

29 декабря 1941 г. указом Президиума Верховного Совета СССР был введен специальный военный налог. Он имел строго целевое направление — мобилизацию средств на военные нужды.

Тогда как подоходный, сельскохозяйственный и другие налоги являлись одним из источников финансирования народного хозяйства и социальной сферы.

По своему построению он также отличался от других налогов и построен по принципу подушного обложения. Уплату его производило все взрослое городское и сельское население, начиная от 18-летнего возраста, независимо от источника дохода. Льготы по налогу заключались в следующем: от уплаты военного налога освобождались только военнослужащие, находящиеся в составе действующих частей, члены семей военнослужащих, получающих пособие от государства, и инвалиды I и II групп инвалидности; пожилые граждане (мужчины 60 лет и старше и женщины 55 лет и старше) и пенсионеры уплачивали военный налог только в том случае, если у них имелся источник дохода.

Такой характер обложения дал возможность значительно увеличить число плательщиков военного налога как в городе, так и на селе за счет лиц, которые раньше не облагались налогом (не работающие по найму трудоспособные члены семей рабочих и служащих, колхозники, единоличники, офицерский состав тыловых частей Советской Армии и другие). В сельской местности военным налогом облагался каждый член хозяйства колхозников и единоличников, достигший определенного законом возраста и не подлежащий освобождению от налога вследствие льготы или обложе-

ния в другом месте, а не хозяйства в целом как при всех других видах налогов.

В случае обложения рабочих, служащих и приравненных к ним категорий населения использовалась специальная шкала ставок в зависимости от годового заработка; налог удерживался из заработной платы ежемесячно равными долями. Ставки были установлены в при месячном заработке включительно: руб.

Таблица 4

**Шкала ставок при уплате военного налога
в зависимости от годового заработка**

	150 руб.		10 руб.	От 801	до 900	85 руб.
От	151 „ до	200 „	15 „	„ 901	„ 1000 „	95
„	201 „ „	300 „	20 „	„ 1 001	„ 1200 „	110
„	301 „ „	400 „	30 „	„ 1 201	„ 1400 „	130
„	401 „ „	500 „	40 „	„ 1 401	„ 1600 „	150
„	501 „ „	600 „	55 „	„ 1 601	„ 1800 „	170
„	601 „ „	700 „	65 „	„ 1 801	„ 2 000 „	190
„	701 „ „	800 „	75 „	„ 2 001	И выше	225

Сумма военного налога увеличивалась на 50% для граждан, подлежащих призыву на действительную военную службу или призыву по мобилизации, но не мобилизованных или освобожденных от призыва. Из приведенной выше таблицы видно, что ставки военного налога с рабочих и служащих и приравненных к ним групп населения были установлены в виде ступенчатой шкалы. Между суммой заработной платы интервал составлял 100 руб., если она не превышала 1 000 руб., и 200 руб., если заработная плата была больше 1 000 руб. Построение шкалы ставок таким образом отличает военный налог от подоходного налога, в котором обложение увеличивается в прямой связи с повышением заработной платы, и носит к тому же прогрессивный характер. Еще одной отличительной особенностью военного налога от подоходного налога с населения являлось отсутствие необлагаемого минимума заработной платы.

Как и подоходный, военный налог взимался по месту работы рабочего или служащего независимо от того, являлось ли это место работы основным или по совместительству. Но общая сумма удержаний по военному налогу не должна была превышать с одного гражданина по всем его работам 2 700 руб. (или 4 050 руб. в год, если ставка налога была повышена на 50% в связи с мобилизационным возрастом плательщика).

Единоличники и колхозники и уплачивали военный налог в размере от 150 до 600 руб. с каждого взрослого члена семьи независимо от размеров их дохода от личного хозяйства. Ставки военного налога с колхозников и единоличников в указанный выше пределах дифференцировались лишь по областям и районам и право дифференциации ставок было предоставлено советам народных комиссаров союзных республик для областей, областным же советам депутатов трудящихся — для районов, а в необходимых случаях и для селений.

Члены хозяйств колхозников и единоличников, работающие по найму, уплачивали налог только по месту работы, а находящиеся на заработках в отходе, — также по месту этой работы.

Размер военного налога для кустарей, ремесленников, владельцев строений, а также граждан, имеющих доходы от сельского хозяйства, устанавливался в зависимости от суммы уплачиваемого этими лицами подоходного налога, исходя из удвоенных ставок подоходного налога, установленных для рабочих и служащих. При этом налог не мог быть меньше 100% исчисленной с них годовой суммы подоходного налога на текущий год. Граждане, не имеющие самостоятельных источников дохода, уплачивали военный налог в размере 100 руб. в год.

За годы войны военный налог превратился в важнейший доходный источник бюджета по сравнению со всеми другими налоговыми платежами городского и сельского населения. Поступления военного налога составили: в 1942 г. — 14 млрд. руб., 1943 г. — 17,1 млрд. руб., 1944 г. — 20,7 млрд. руб. и 1945 г. — 20,3 млрд. руб. За четыре года в государственный бюджет поступило 72,1 млрд. руб. военного налога (См. Таблицу 1)

21 ноября 1941 года Указом Президиума Верховного Совета СССР был введен второй новый налог - налог на холостяков,

одиноких и малосемейных граждан СССР. Субъектами уплаты этого налога являлись одинокие и семейные, не имеющие детей, граждане: мужчины в возрасте свыше 20 до 50 лет и женщины в возрасте свыше 20 до 45 лет. Обложение налогом рабочих и служащих производилось при месячном заработке до 150 руб. — 5 руб., свыше 150 руб. — 5% заработка. Колхозники и единоличники вносили 100 руб. в год, причем налог уплачивал каждый из них, имеющий самостоятельный доход.

Льготы по налогу были следующие. От уплаты налога освобождались: а) военнослужащие и их жены, б) учащиеся средних и высших учебных заведений: мужчины в возрасте до 25 лет и женщины в возрасте до 23 лет; в) пенсионеры и г) лица обоего пола, если им или их супругам по состоянию здоровья противопоказано деторождение.

В исключительных случаях областным советам депутатов трудящихся было предоставлено право дифференцировать ставки военного налога и для селений в случае, если они находились в особых условиях в отношении рынков сбыта, т. е. получали высокие доходы от продажи сельскохозяйственной продукции.

8 июля 1944 года указом Президиума Верховного Совета СССР от был изменен порядок обложения граждан налогом на холостяков, одиноких и малосемейных граждан.

Сложившаяся в стране демографическая обстановка требовала проведения в жизнь закона по охране интересов матери и ребенка потребовало от государства больших средств. Именно поэтому для частичного покрытия этих расходов был пересмотрен закон о налоге на холостяков, одиноких и малосемейных граждан. Плательщиками этого налога становились граждане, не имеющие детей или имеющие одного или двух детей. Кроме того, были несколько повышены ставки налогов. Для лиц, не имеющих детей, была установлена ставка 6%, при наличии одного ребенка - 1%, двух детей - 0,5% от ме

сячного заработка. Другие плательщики налога - кустари и ремесленники, колхозники и единоличники - обязаны были платить: при отсутствии детей - 150 руб., при наличии одного ребенка - 50 руб., двух детей - 25 руб. в год. Не имеющие самостоятельных источников доходов граждане, должны были платить: при отсутствии

детей - 90 руб., при наличии одного ребенка - 30 руб., двух детей - 15 руб. в год.

В целом за 1941-1945 годы сумма платежей по налогу на холостяков, одиноких и малосемейных граждан составила 7115 млн. руб., или 5,5% доходов бюджета.

Таблица 5 отражает общие закономерности структуры налогов и сборов с населения и темпы их роста в период Великой Отечественной войны, позволяют рассматривать и дать рассматриваемому процессу обобщающие характеристики.

Таблица 5¹

Поступление налогов и сборов с населения и темпы их роста в период Великой Отечественной войны (млрд. руб.)

Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Налоги и сборы с населения	9,4	10,8	21,6	28,6	37,0	39,8
В том числе:						
Темп роста (в %)	100,0	114,9	229,8	304,3	393,6	423,4
Сельхозналог	2,1	2,2	1,1	3,8	5,0	5,0
Темп роста (в %)	100,0	104,2	52,4	180,9	238,1	238,1
Подходящий налог с населения	3,7	4,9	2,9	6,4	9,0	10,6
Темп роста (в %)	100,0	132,4	78,4	173,0	243,2	286,5
Кульжилсбор	3,5	3,6	2,4	-	-	-
Темп роста (в %)	100,0	102,9	68,6	-	-	-
Налог с единоличных крестьянских хозяйств, имеющих лошадей	0,053	0,015	0,009	0,007	0,007	0,007
Темп роста (в %)	100,0	28,3	17,0	13,2	13,2	13,2
Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан	-	0,123	0,092	1,3	2,2	3,4

¹ Составлено по: Зверев А.Г. Национальный доход и финансы СССР. М., Финансы, 1970, с.256

Темп роста (в %)	100,0	12,3	9,2	13,0	22,0	34,0
Военный налог	-	-	14,0	17,0	20,7	20,3
Темп роста (в %)	100,0	-	140,0	170,0	207,0	203,0
Государственные займы	11,4	11,5	15,3	25,5	32,6	29,0
Темп роста (в %)	100,0	100,9	134,2	223,7	286,0	254,4

Анализ данных таблицы позволяет сделать вывод о том, что основная тенденция - стабильный и значительный рост - подтверждается для всех видов налогов, исключая «Кульжжилсбор», который был отменен.

При этом в целом темпы роста показателя «Налоги и сборы с населения» к 1945 году составил 423,4%, а их объем увеличился в 4,2 раза и составили за этот период 133 млрд. руб. Далее, подписка населения на займы составила 90 миллиардов, размер специальных вкладов равнялся 10,3 миллиардам рублей, поступления в фонд обороны и Красной Армии насчитывали 12,4 миллиардов рублей. Вся сумма обязательных и добровольных платежей населения в бюджет достигла 2709 миллиардов рублей, что составило более 26,4% всех бюджетов доходов.¹

Показатели структуры бюджета в области налогов в период военных лет были следующими:

Таблица 6

Доля статей по налогам и сборам с населения в доходах государственного бюджета СССР в 1940-1945 годах

Годы	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Доходы бюджета СССР:	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе						
Налог с оборота	58,8	52,7	40,2	34,7	35,3	40,8
Отчисления от прибыли	12,0	13,3	9,3	9,8	8,0	5,6
ИТОГО	70,8	65,9	49,5	44,5	43,5	46,4
Налоги и сборы	5,2	6,1	13,1	14,0	13,8	13,2

¹ Сучков А. Доходы государственного бюджета СССР. М., Госфиниздат, 1955, с.140

с населения						
В том числе:						
Сельхозналог	1,2	1,2	0,7	1,9	1,9	1,7
Подходный налог с насе- ления	2,0	2,8	1,8	3,1	1,9	3,5
Культжизбор	1,9	2,0	1,4	-	-	-
Налог с едино- личных кресть- янских хозяйств, имеющих лоша- дей	0,03	0,008	0,005	0,003	0,002	0,002
Налог на холо- стяков, одиноких и малосемейных граждан	1,9	0,1	0,06	1,1	0,8	1,1
Военный налог	-	-	8,5	10,1	7,7	6,7

Как видим в государственном бюджете СССР произошли следующие изменения. Налоги и оборы с населения возросли за годы войны не только абсолютно, но и относительно. Если в 1940 г. общая сумма поступивших в бюджет налогов и сборов составила всего 5,2%, то в 1945 г. она повысилась до 13,2%. Каждый такой налог отличался высокими темпами роста и устойчивой тенденцией повышения удельного веса в общем объеме финансового ресурса. Среди обычных доходов государственного бюджета налоги и сборы с населения в 1945г. переместились на второе место после налога с оборота, обогнав отчисления от прибылей и поступления взносов по займу. Налоги и оборы с населения, а также добровольные пожертвования оказались во время войны тем гибким финансовым ресурсом, за счет которого в самый тяжелый период (начало 1943г.) войны правительством успешно решались фискальные задачи бюджета.